

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2009

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

В. С. Меметов (главный редактор),
В. П. Раков (заместитель главного редактора), **В. В. Комиссаров**,
С. С. Садина, **В. В. Селезнев**,
Н. Г. Юркин (ответственный секретарь)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00
E-mail:
vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,
Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2009
© ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2009

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайте www.elibrary.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПН № ФС 77-21093*)

2009

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief **Valery S. Memetov**

Editorial Board:

Valery Rakov (Deputy Editor-in-Chief), **Vladimir Komissarov**,
Svetlana Sadina, **Vladimir Seleznev**,
Nikolay Yurkin (Secretary of the Board)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin*,
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2009
© Ivanovo State University, 2009

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Главный и ответственный редактор 7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Золотарев О. В. Российские образовательные реформы
последних лет или от какого наследства мы отказываемся 11

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Соловьёв А. А. Интеллектуальное пространство высшей духовной
школы в России на рубеже XIX—XX веков 39

Портер Т. Земская интеллигенция в годы Первой мировой войны 55

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Будник Г. А. Студенчество как резерв интеллигенции 76

Пряхин В. М. Достойная смена или «фабрика мысли»? 90

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Ценностные ориентации как
фактор духовного развития молодого поколения российской
интеллигенции 98

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Ершова Э. Б. Давно ожидаемая монография 106

Ершова Э. Б. Современная белорусская интеллигенция
исторической науки 113

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Отзывы и рецензии на диссертации 118

Аннотации 131

Информация для авторов 137

CONTENTS

Editor-in-chief	7
------------------------------	---

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Zolotaryov O. V.</i> Russian educational reforms of recent years, or what heritage we refuse	11
--	----

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

<i>Solovyov A. A.</i> Intellectual horizons of higher theological education institution in Russia at the end of the 19 th — beginning of the 20 th centuries	39
<i>Porter T.</i> Land intelligentsia during the First World War	55

INTELLIGENTSIA IN THE MODERN SOCIETY

<i>Budnik G. A.</i> Students as a reserve of intelligentsia	76
<i>Pryahin V. M.</i> Deserved replacement or “factory of an ideas”?	90
<i>Bazhenov A. M., Martynova T. M.</i> Value orientations as a factor of intellectual development of young generation of Russian intelli- gentsia	98

SUMMARIZING THE PROBLEMS

<i>Ershova E. B.</i> The long expected monograph	106
<i>Ershova E. B.</i> Modern Belorussian intelligentsia of historical science	113

REVIEWS AND REFERENCES

Dissertation reviews	118
Summaries	131
Information for authors	137

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **В. Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН; **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **V. T. Ermakov**, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

ГЛАВНЫЙ И ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

23 февраля 2009 года свой 70-летний юбилей отмечает главный редактор журнала «Интеллигенция и мир» В. С. Меметов. Валерий Сергеевич Меметов давно является признанным специалистом в области исследования интеллигенции, ее генезиса, формирования, становления, а также места и роли в общественной жизни.

Начало научной деятельности В. С. Меметова относится к студенческим годам, когда он получал историческое образование в Московском государственном педагогическом институте. Заметное влияние на формирование Валерия Сергеевича как ученого оказали такие признанные историки, как Э. Н. Бурджалов, Л. К. Ерман, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий и др. Тогда же определилась и сфера научных интересов В. С. Меметова — изучение отечественной интеллигенции. В 1960—70-е годы ученый сосредоточился на истории интеллигенции в годы Великой Отечественной войны, определении ее вклада в обеспечение военного производства, жизнь советского тыла, в достижение Победы. Результатом этих многолетних исследований стали кандидатская и докторская диссертации, множество публикаций, а также две монографии, одна из которых вышла в центральном издательстве (*Меметов В. С. Защищая Москву: Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой*. М.: Наука, 1979). Созданная В. С. Меметовым картина участия различных профессиональных групп интеллигенции в военных событиях, освещение малоизученных аспектов этой темы, широкий региональный охват вызвали интерес среди специалистов и получили заслуженное признание. Работы В. С. Меметова привлекают внимание и такого признанного исследователя-интеллигеноведа, как С. А. Федюкин.

На рубеже 1980—90-х гг. начался новый этап в научной деятельности Валерия Сергеевича, когда он проявил

себя и как организатор научных сил. Этот период стал не самым лучшим для отечественной науки и образования. Демонтаж советской системы, хроническое безденежье, девальвация нравственных ценностей создавали крайне неблагоприятные условия для интеллигентоведческих исследований. Но именно в эти годы, благодаря организаторским усилиям В. С. Меметова, был восстановлен Проблемный Совет РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», в рамках которого установились тесные научные контакты между ведущими интеллигентоведами России: М. Е. Главацким, А. И. Аврусом, В. А. Соскиным, М. И. Кондрашовой, Э. Б. Ершовой, В. С. Волковым, В. В. Москвиным, З. Г. Дайчем, В. Т. Ермаковым, Г. А. Матвеевым, Г. Г. Халиулиным, В. Р. Веселовым, А. В. Квакиным. Все это позволило скоординировать усилия исследователей на актуальных проблемах изучения интеллигенции, сконцентрироваться на более перспективных темах и сюжетах. В последующие годы к сотрудничеству в Проблемном Совете были привлечены И. И. Осинский, И. В. Сибиряков, В. Г. Рыженко, В. А. Порозов.

В начале 1990-х В. С. Меметов организовал Межвузовский Центр по изучению проблем интеллигенции (ныне — Межвузовский Центр гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике) и НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. Стратегическим направлением работы Центра и НИИ стала междисциплинарность. Валерий Сергеевич привлек для работы специалистов различных научных направлений и дисциплин. В рамках Центра проявили себя филолог В. П. Раков, специалист по информационным системам А. А. Белов, философ Г. С. Смирнов, политолог Ю. М. Воронов и многие другие. Сотрудники Центра и НИИ изучали политическую деятельность интеллигенции на различных этапах развития российского общества. За период работы накоплен значительный научно-аналитический материал о ее участии в политических партиях и общественных движениях России и роли в социально-политической, экономической и духовной жизни страны. Валерием Сергеевичем были организованы 19 республикан-

ских и международных научно-теоретических конференций (с публикацией тезисов и докладов). Эти конференции стали форумом для обмена исследовательским опытом, в них участвовали ученые из многих регионов России, стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. В. С. Меметов являлся ответственным редактором шести республиканских сборников научных трудов и нескольких коллективных монографий. С 2001 года в Ивановском государственном университете издается российский научный журнал «Интеллигенция и мир», появление которого стало закономерным итогом всей предшествующей работы. Организатор и главный редактор — наш юбиляр. В настоящее время Валерий Сергеевич, вопреки административным заботам, находит время и для исследования проблемы теории и методологии изучения интеллигенции. Ученый обосновал нравственно-этический подход к определению интеллигенции, конкретизировал понятие «прединтеллигенция», сформировал комплекс принципов интеллигентоведческого исследования. Итогом научной деятельности Валерия Сергеевича стали свыше 230 работ в российской и зарубежной печати, он является соавтором статьи «Интеллигенция» в 11-м томе Большой российской энциклопедии. Трудом и усилиями В. С. Меметова сформировалась ивановская школа интеллигентоведения.

Нельзя не отметить и педагогическую деятельность Валерия Сергеевича. Он преподавал в нескольких ивановских вузах, в течение длительного времени возглавлял кафедру в Ивановском государственном химико-технологическом институте (ныне — университете). И уже почти 20 лет В. С. Меметов руководит кафедрой истории и культуры России Ивановского госуниверситета. Он получил заслуженное признание студентов. Валерий Сергеевич инициировал процесс внедрения интеллигентоведческих знаний в учебный процесс. Уже много лет он ведет авторский спецкурс по истории и деятельности интеллигенции. Этот почин был подхвачен коллегами из Ивановского университета и других вузов. Методический опыт обобщался на двух научно-практических конференциях,

были изданы учебные программы и материалы. В настоящее время активно разрабатывается вопрос о внедрении интеллигентоведения в среднюю и среднюю специальную школы. Помимо этого, Валерий Сергеевич дал путевку в жизнь многим ивановским ученым и преподавателям вузов. Под его руководством подготовлено несколько докторов и множество кандидатов наук. Ученики В. С. Меметова работают не только в высшей школе, но и в органах власти, средствах массовой информации.

Кроме научной и педагогической деятельности, Валерий Сергеевич выполняет и другие обязанности. Уже почти 20 лет он является бессменным руководителем Докторского диссертационного совета по отечественной и всеобщей истории при Ивановском госуниверситете. Кроме того, он руководит Ивановским региональным отделением Российской Академии социальных наук.

Всех, кто лично общался с Валерием Сергеевичем, поражает его жизненная энергия, целеустремленность, преданность делу, оптимизм. Несмотря на значительные результаты, он не намерен останавливаться на достигнутом. Остается только пожелать юбиляру реализации его творческих планов, плодотворной работы на многих нелегких поприщах и надеяться на дальнейшее развитие его любимого детища — журнала «Интеллигенция и мир».

*Редколлегия журнала «Интеллигенция и мир»,
сотрудники Межвузовского Центра гуманитарного образования
по политологии, политической культуре и мировой политике при ИвГУ,
ученики и коллеги*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

О. В. Золотарев

РОССИЙСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ИЛИ ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

Последние двадцать лет — непростое для России время. Сейчас ясно, что происходившие в стране трансформации оказались непродуманными. Но найти выход из нынешнего кризиса невозможно без тщательного анализа проводившейся реформаторами политики. Только на основе подобного анализа можно внести соответствующие изменения в стратегическую линию государственной власти. Причем, в соответствующем рассмотрении нуждаются все стороны жизни российского общества: экономика, политика, социальная сфера и т. д.

Вне всякого сомнения, важно подвести и промежуточные итоги реформирования в области образования. Прежде всего потому, что уровень знаний современного школьника вызывает серьезную озабоченность уже не только педагогов, но и общественности. По оценкам ученых, подготовка сегодняшнего «хорошиста» едва дотягивает до уровня отпетого двоечника шестидесятых годов. Многие задаются вопросом: в чем же причина таких «знаний»? Она кроется в государственной политике в сфере образования.

© Золотарев О. В., 2009

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института (Сыктывкар). (8212) 24-31-91, 21-44-81

Действительно, произошедшие в нашей стране в 1990-е годы перемены не могли не привести к серьезным изменениям в функционировании образовательной системы. В условиях перехода к рыночной экономике была сделана попытка реформирования образовательных учреждений всех уровней. Основными целями образовательных реформ в начале их осуществления провозглашались:

- придание образованию гуманистического характера;
- достижение свободы и плюрализма в образовательных структурах;
- придание управлению образованием демократического характера;
- обеспечение светского характера обучения, сохранение и развитие единого образовательного пространства России;
- стимулирование негосударственных инвестиций в систему образования.

Насколько удалась реформы в образовательной сфере? Сейчас можно подвести некоторые итоги.

Прежде всего, надо отметить, что в своем развитии образовательная система прошла в этот временной промежуток несколько этапов. В конце 1980-х годов наблюдался огромный интерес к проблемам образования. В этот период речь шла именно о реформе образования. И ее итоги следует расценивать как весьма эффективные.

Но в начале 1990-х годов резко сократилось финансирование образования. Расходы на образовательные нужды на федеральном уровне уменьшились (в реальном исчислении) почти в четыре раза, а на профессиональное образование — в семь раз¹. Конечно, это не могло самым отрицательным образом не сказаться на функционировании учреждений образования.

В этот период важной составляющей реформирования является трансформация управленческих функций в образовании. Существовавшая разветвленная иерархическая структура управления (министерства, комитеты и т. д.) во многом отражала интересы ведомств, была неповоротливой, запаздывала с реакцией на происходившие изменения. Кроме того, государственные организации управления образованием нередко были вынуждены решать задачи отраслевых ведомств. Страдала эта система и мелоч-

ной опекой над учебными учреждениями и преподавателями. С начала 90-х годов структуры управления претерпевают серьезные перемены, пытаются использовать достижения общей теории менеджмента. При этом делаются попытки сделать систему демократичной, децентрализованной (через регионализацию и муниципализацию), достичь самостоятельности учебных заведений, открытости, гуманизации образования. Важным для деятельности управленческих структур в образовании является ориентация на многоукладность и вариативность системы образования, что должно было достигаться через многообразие форм собственности и право выбора регионами собственной образовательной стратегии. Были сделаны определенные шаги по преобразованию в сфере содержания образования за счет разработки новых образовательных стандартов и педагогических технологий, разграничения компетенции органов управления различных уровней. Таким образом, была заложена основа децентрализации системы управления. При этом к компетенции государственных структур отнесена разработка и регламентация целевых федеральных программ, государственных образовательных стандартов, аккредитация образовательных учреждений и др. Для региональных органов власти управление образовательным комплексом дополнено необходимостью избегать противоречий между федеральным центром и регионом по вопросу о правах в сфере управления образованием. Следует помнить, что и в современной России весьма актуальна постановка вопроса об оптимальном соотношении между централизацией и децентрализацией, административным и местным самоуправлением. А безответственный с точки зрения как теории, так и практики государственности тезис Б. Н. Ельцина об асимметричном распределении власти между центром и регионами вел к росту сепаратизма. Конечно, это обстоятельство влияло и влияет на положение в национальных регионах России, в том числе и на ситуацию в образовательной сфере. Однако региональной власти нужно учитывать особенности местного образовательного пространства.

Важнейшим отличием образовательной стратегии 90-х годов являлось стремление к вариативности образования. В этом русле шло обновление содержания образования; в учебных программах пытались учитывать такие важнейшие элементы, как

региональные и этнические особенности. Менялась и сама сеть образовательных учреждений, формы получения образования. Так, появились новые типы образовательных заведений: лицеи, гимназии и т. д.

Однако в первой половине 90-х годов речь все-таки шла больше не о реформе образования, а о разрушении советской модели образовательной системы и создании на ее месте новой, в значительной степени основанной на западном опыте. Главными моментами государственной стратегии преобразований образовательной системы в данный временной промежуток являлись: массовая приватизация учреждений образования, введение образовательных ваучеров, «деидеологизация» содержания образования. При этом шла минимизация образования: минимум расходов, минимум знаний, минимум инвестиций и т. д. Фактически с этого времени именно к отказу финансировать школу и свелись почти все проекты образовательных реформ. Если бы все эти идеи были бы полностью реализованы, то это привело бы к практически повсеместной и полной ликвидации бесплатных учебных мест, массовому закрытию учебных заведений и т. д. Но позиция, занятая педагогической общественностью, в целом сорвала проведение этой стратегической линии. Хотя, например, «деидеологизацию» образования удалось в основном совершить, но она свелась, фактически, к внедрению в школы ярого антикоммунизма. Конечно, подобная государственная политика не могла не сказаться на функционировании образовательных структур: шел отток педагогических кадров, приходила в негодность материально-техническая база, ухудшались знания учащихся. Падал и интерес общества к образованию.

Но с конца 90-х годов делается новая попытка реформирования образовательных структур. Государство через десять лет после отделения школы от государства, провозглашенного реформаторами начала 1990-х годов, пытается вернуться в школу. При этом программа реформирования выглядит более продуманной и обоснованной. Например, речь идет об увеличении расходов на образование, о компьютеризации образовательных учреждений. Принято очень важное решение о введении в стране обязательного бесплатного 11-летнего среднего образования. К положительным тенденциям в отечественном образовании надо от-

нести и наметившийся в последнее время некоторый рост конкурсов в технические вузы, на физические, математические и т. п. факультеты университетов и институтов (в отличие от прошлых лет, когда преимущество отдавалось не профессиям реального дела, а обеспечивающей сфере — юристам, финансистам и т. д.).

Однако целый ряд моментов образовательной политики вызывает споры, но прежде всего надо отметить, что самые отрицательные последствия имеет то обстоятельство, что в сегодняшней России политику в образовательной сфере определяет не Министерство образования. Данному учреждению остается только толковать те, без сомнения, вредные концепции, которые разрабатываются в финансово-экономическом блоке правительства. Причем нередко широкое обсуждение данных предложений только имитируется, а негативное отношение к ним со стороны педагогической общественности игнорируется. И эти новшества цинично внедряются в жизнь.

Между тем важно, чтобы образовательная реформа не была проведена без учета мнения педагогической общественности. Этот момент подчеркнул еще VI съезд Российского союза ректоров (декабрь 2000 года), принявший специальное Обращение, в котором указывалось, что необходимо предвять кардинальные изменения в образовательной сфере «анализом долгосрочных экономических и социальных последствий». Настроения общественности в тот момент хорошо выразил Президент Российской академии наук академик Ю. С. Осипов, заявивший летом 1998 года о ситуации в российском образовании: «Если мы задумываемся о будущем науки, о будущем страны, то положение надо экстренно исправлять»².

И как же произошедшие в начале XXI века преобразования сказались на возможностях учреждений образования обеспечивать конституционное право на образование для граждан России?

Конечно, важно оговорить, что деятельность образовательных структур по-прежнему проходит в сложных экономических условиях. На образовательные нужды выделяется в два раза меньше средств, чем положено даже по существующему законодательству. Расходы бюджета на образование и науку в нашей стране являются одними из самых низких в мире. Они едва превышают 3 % (в ведущих странах мира — 7—8 %). Причем данная

статья расходов имеет тенденцию не к увеличению, а к сокращению. Так, если в 1997 году она составляла 3,5 %, то в 2006 году — 3,2 %. В Советском Союзе в конце 1980-х годов на образование шло 7 %, а в начале 1950-х годов — 14 % бюджета. И, заметим, это был бюджет, в десятки раз превышающий нынешний. Правда, в последнее время, в связи с реализацией нацпроекта «Образование» ведется много разговоров о серьезном увеличении финансирования этой сферы. Но так ли это? Реально в трехлетнем федеральном бюджете расходы на образование увеличиваются незначительно (менее чем на 20 % за все три года) — на другие статьи расходов этот показатель значительно выше. Если же говорить о собственно нацпроекте, то в 2008 году на его реализацию будет выделено 43 млрд рублей, а в 2009 году — уже только 21 млрд. Фактически можно говорить о том, что к 2009/2010 году нацпроект «Образование» будет свернут³.

Когда же речь заходит о подушевом расходе (в процентах от подушевого ВВП), то Россия занимает по этому показателю предпоследнее место в мире. Невелики и расходы на одного студента (они в 20 раз меньше, чем в Финляндии, и в 40 раз меньше, нежели в США). Мизерное бюджетное финансирование вузов приводит к тому, что на качественное ведение учебного процесса попросту не хватает средств. Ведь стоимость обучения одного студента составляет ныне более 3 тыс. долларов в год, а государство выделяет на эти цели из бюджета не более 1 тыс. долларов. Как результат — российские вузы оказываются не в состоянии поддерживать на современном уровне оборудование учебных и научных лабораторий, сохранять высококвалифицированный профессорско-преподавательский персонал⁴.

В связи с подобной ситуацией на парламентских слушаниях по проблемам образования справедливо указывалось, что «система образования не стоит на месте, но при этом необходимо бережно относиться и сохранять лучшие качества и традиции нашего образования, исходить из потребностей общества и граждан, а не подстраиваться к постоянно сокращающимся ресурсам»⁵.

Конечно, негативное воздействие общероссийских факторов сказывается и на положении образовательных учреждений на местах. Прежде всего, падает обеспечение финансовых нормативов на содержание учебных заведений. И тенденция к сокраще-

нию ассигнований на образовательные нужды сохраняется. Недофинансирование приводит к износу материально-технической базы образовательных структур.

Серьезной проблемой для образовательных учреждений становится, вследствие невыполнения обязательств правительства перед педагогами, кадровый вопрос. Зарплата учителей по-прежнему составляет только около 40 % заработной платы в промышленности. Нынешний российский учитель (по данным ООН) получает заработную плату меньше, чем, например, его британский или американский коллега, почти в 40 раз. Не выдерживает сравнения жалование российского педагога и с заработными платами его коллег из развивающихся стран (оно меньше, нежели зарплата чилийского или турецкого учителя, почти в 10 раз). Такая ситуация неизбежно ведет к нехватке учителей. Идет резкое «старение» педагогического контингента. Почти половина учителей — люди пенсионного и предпенсионного возраста. А молодежь в школу из-за низкой зарплаты не идет. Поэтому ощущается острая нехватка преподавателей. Не лучше обстоят дела и с обеспечением высококвалифицированными педагогическими кадрами высшей школы. Нынешний социальный статус преподавателя вуза абсолютно непривлекателен для молодого поколения. Это обстоятельство не просто сократило, но фактически свело к нулю приток талантливой молодежи на педагогические должности. Между тем, былой запас прочности в этом плане практически исчерпан. Средний возраст кандидата наук в вузах России — 53 года, а доктора наук — 61 год. Таким образом, современный «остепененный» преподаватель института или университета — человек пенсионного, в лучшем случае — предпенсионного возраста⁶. Среднее же поколение еще в 1990-е годы или ушло из науки и педагогики, или же уехало на Запад. Столь «возрастной» профессорско-преподавательский состав вузов делает весьма проблематичным не просто качественное улучшение преподавания и развитие вузовской науки, но даже и поддержание ее хотя бы на прежнем уровне.

И, к сожалению, правительство мало что делает, чтобы действительно изменить ситуацию. Проблему можно решить только через реальное и значительное (в несколько раз) повышение заработной платы педагогическим работникам. Ведь ее уро-

вень настолько мал, что на парламентских слушаниях по проблемам образования один из лидеров профсоюза педагогических работников в сердцах заметил, что «это даже не социальное пособие, мы милостыню платим учителю и хотим, чтобы он работал». А государство, несмотря на разговоры о необходимости улучшения ситуации, к сожалению, практически не делает реальных шагов по исправлению положения. Характерна в этом плане федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 годы». Здесь идет речь о многих действительно назревших делах: и о выделении грантов для преподавателей и ученых, поставках в вузы научного оборудования, строительстве жилья и т. п. Но не говорится о главном — о финансировании этих программ, и декларируемая ставка кандидата наук — 16,2 тыс. рублей (доктора наук — около 25 тыс. рублей) вряд ли выглядит достойной оплатой. Согласно же трехлетнему федеральному бюджету зарплата в образовании увеличится только на 27 %. Это не покрывает даже инфляционные издержки⁷. Так что обещание президента, что зарплата в образовании должна быть выше, чем в среднем по стране, правительственные планы отодвигают в далекое будущее. Естественно, отсутствие положительной динамики в этом вопросе сохранит негативные тенденции в сфере интеллектуального обеспечения российской школы и делает сомнительным реализацию правительственных реформ в образовании.

Более того, если правительственная политика в сфере оплаты педагогического труда не изменится, то тенденция падения оплаты труда педагогов станет устойчивой. И это уже приводит к крайне отрицательным последствиям для отечественной школы, прежде всего в плане интеллектуального обеспечения работы учреждений образования. Нехватка учителей остро чувствуется уже не только на селе и в провинции, но и в крупных городах. Кроме того, непрестижность труда учителя (а во многом это вызвано именно низкой оплатой труда — начинающий учитель получает менее 40 рублей в день!) ведет к тому, что качество современного учительского контингента неуклонно снижается. А значит, падает и уровень подготовки российских школьников. Проблематичным становится и введение многих изменений в процесс преподавания. Ведь, как признавалось еще в начале 2003 года на колле-

гии Министерства образования, количество инноваций в системе образования на единицу времени становится очень большим, и все это ложится на плечи учителей. Между тем, в школе идет явное старение педагогического корпуса, и детей в школах учат, в основном, преподаватели, получившие подготовку еще в советское время. Значит, настоятельной становится и проблема модернизации педагогического образования. Его наиболее слабыми сторонами в настоящее время являются очевидные пробелы в подготовке специалистов для сельской школы и недостатки в педагогической практике. Во многом это объясняется и тем обстоятельством, что учителей в настоящее время в России готовят более чем 600 образовательных учреждений. В том числе — 160 вузов, но только половина из них — собственно педагогические. В этих непрофильных образовательных учреждениях нет исторически сложившихся научных школ в данной сфере. И проблема качества подготовки учителей стоит здесь остро даже без учета необходимости модернизации педагогического образования. Тем более — с ее учетом. Но многое упирается опять же в финансовые вопросы, которые мало учитываются в предложенной Минобразованием программе модернизации педагогического образования⁸.

Недостаточное финансирование приводит и к такому негативному процессу (который в немалой степени сказывается и в образовательной сфере), как отъезд значительной части специалистов (в основном, научной элиты) за рубеж. Получается, что немалая часть российских научных кадров все же оказывается востребованной. Но только не у нас в стране, а за рубежом. Ежегодно на постоянное место жительства за пределы России выезжает (только по официальным данным) около 2 тыс. ученых (в основном, математиков, физиков, химиков, биологов, программистов). За последние десять лет только из Московского физико-технического института уехали за границу около 1,5 тыс. выпускников. Между тем, подготовка одного такого специалиста стоит около миллиона долларов. Таким образом, только один институт «подарил» иностранным фирмам порядка полутора миллиардов долларов (именно столько получило в 2001 году все наше Министерство образования)⁹. Выходит, что наша система образования готовит специалистов для западных фирм, хотя обучаются они за счет государства. Последствия этой «утечки мозгов», воз-

можно, нельзя точно выразить в денежном эквиваленте. Но в любом случае понятно, что счет здесь идет на миллиарды. Итоги очевидны — ослабление научно-технического потенциала страны, сворачивание фундаментальных исследований, исчезают целые научные школы, наносится громадный ущерб высшему образованию. Для того чтобы бороться с этими явлениями, надо, прежде всего, создать условия для нормальной, полноценной научной работы, возможности для реализации потенциала ученых в самой России. Только тогда прекратится отток кадров за границу. Ведь уезжают уже сформировавшиеся специалисты, в возрасте 30—50 лет, уезжают, потому что не имеют никакой возможности реализовать себя в научном плане в собственной стране.

Разрушение системы образования вследствие недостаточного материального и интеллектуального обеспечения ее деятельности ведет к снижению уровня образованности населения: около 10 % школьников в 1990-е годы получило только начальное образование, многие азбучно неграмотны, развивается детская беспризорность (по данным ЮНИСЕФ, в России в 2000 году насчитывалось более 2 млн безнадзорных детей) и т. д. Между тем, в советское время у нас была создана развернутая и многоуровневая образовательная система, которая обеспечивала каждому ребенку возможность получения среднего образования. Наша страна первой в мире вышла к непрерывному образованию. Немалую роль в этой системе играло заочное обучение. Но если высшее заочное образование у нас еще сохранилось (хотя качество его заметно снизилось), то система среднего образования взрослых, похоже, уходит в прошлое. Количество вечерних школ (именно в них взрослые люди могли получить полноценное среднее образование) в России стремительно уменьшается: сеть их сократилась в три раза за последние десять лет. Школ для взрослых осталось, в среднем, по двадцать на субъект федерации. И это означает, что далеко не у каждого подростка есть возможность учиться. Состав учащихся вечерних школ также существенно изменился. И эти перемены свидетельствуют о негативных тенденциях в развитии российского общества. Теперь в вечерних школах около 30 % учащихся — дети до 15 лет (раньше их вообще не было). И почти 50 % — люди 16—17 лет. Взрослым рабочим сейчас сложно учиться, ибо им теперь не положено ни до-

полнительного выходного дня, ни отпуска во время экзаменов. Государство проявляет в этом плане поразительное безразличие. В новом трудовом законодательстве практически отсутствуют льготы для тех, кто работает и учится. Результат не замедлил сказаться: квалификация современных российских рабочих стремительно падает. В России сейчас, по данным международных экспертов, остается всего 5 % рабочих высшей квалификации. Для сравнения: в ФРГ — 56 %, в США — 43 %¹⁰. Так что некогда знаменитая высокая квалификация советского рабочего канула за годы реформ в лету. И это ставит под вопрос возможность обещанного правительством бурного подъема российской промышленности. Ведь уже сейчас трудно найти высококвалифицированного рабочего даже в крупных промышленных центрах. И директорам промышленных предприятий это прекрасно известно. А произошло подобное в результате ухода государства от проблем как всеобщего среднего образования, так и профобразования.

В настоящий момент положение с рабочими кадрами стало настолько тревожным, что на эту проблему правительство было вынуждено все же обратить внимание. Действительно, за последнее время наукоемкие отрасли отечественной промышленности потеряли до 70 % высококвалифицированных инженеров. В результате дефицит рабочих и инженерных кадров стал чрезвычайно острым. В крупных промышленных центрах (таких, например, как Москва и Санкт-Петербург) почти три четверти вакансий — рабочие. Ситуация усугубляется и тем, что средний возраст рабочего — уже за 50 лет. Можно предположить, что через несколько лет положение еще больше осложнится, ведь уже сейчас, по данным Всемирного банка и Минэкономразвития России, стране требуется дополнительно около 800 тыс. человек рабочих профессий. А что будет завтра? Существовавшая в СССР система подготовки рабочих кадров разрушена. Последний удар ей был нанесен в 2004 году, когда сеть ПТУ была отдана в ведение региональных властей. Местные власти, будучи не в состоянии финансировать работу училищ, еще больше сократили и без того урезанную донельзя сеть профучилищ. В итоге ПТУ и техникумы не могут обеспечить наметившийся в последнее время спрос на квалифицированные рабочие кадры. Например, средние специальные учебные заведения удовлетворяют спрос производства

всего на 13 % (по данным Рособразования). Власти понимают катастрофичность ситуации, но попытка выйти из положения с помощью создания профучилищ при корпорациях выглядит не состоятельной (по крайней мере, в других странах уже отказываются от подобной практики и пытаются перейти к государственной системе профессиональной подготовки). В нашей стране дело осложняется и тем, что уже практически не осталось тех, кто мог бы работать в системе профучилищ. Старые кадры потеряны, ведь зарплата мастера производственного обучения не превышала 5—6 тыс. рублей в месяц. Мало и желающих учиться в ПТУ (во многом из-за слабой социальной защищенности учащихся: стипендия в ПТУ — 310 рублей в месяц, а на питание выделяется 33 рубля в день)¹¹.

Много проблем накопилось и в высшей школе. Помимо общих для образовательных структур слабого финансирования и кадрового обеспечения работы вузов, больше всего волнует то обстоятельство, что резко падает конкурентоспособность российского высшего профессионального образования. Так, если Советский Союз в конце 1980-х годов принимал в своих вузах около 11 % общемирового числа иностранных студентов, то ныне Россия имеет на этом рынке всего 1,4 % (в 2003 году — 4 %). Ведущие российские вузы стремительно растрачивают свой былой авторитет. В 2006 году только Московский и Санкт-Петербургский университеты занимали места (правда, в самом конце списка) всемирного рейтинга, ныне там нет ни одного российского вуза. Причина кроется в падении качества обучения. Российские высшие учебные заведения просто не в состоянии готовить специалистов мирового уровня. По международным экспертным данным, лишь 15 % из действующих трех тысяч отечественных институтов и университетов выпускают из своих стен специалистов, квалификация которых приближается к мировым стандартам. В чем же причины столь не радующего положения? Бедственная ситуация во многом порождена (и усугубляется) правительственной политикой в образовательной области¹².

Кроме того, несмотря на клятвенные заверения о том, что государство против сокращения бюджетных мест, число их планомерно уменьшается. За последние три года бюджетный набор сокращен на 25 %. В 2008/09 году планируется дальнейшее со-

кращение на 2 % (а по некоторым специальностям — на 5—6 %). Как результат — постепенный уход государства из сферы высшего образования. В настоящий момент в России меньше 40 % бюджетных студентов. В то время как в ведущих европейских странах — 80—90 %¹³.

А ведь, как показывает практика, бюджетное образование гораздо более качественное. Не следует забывать и о резком ухудшении ситуации с доступностью высшего образования. Весьма немногие семьи в нашей стране способны платить более 3 тыс. долларов в год за обучение.

Следует упомянуть и еще о двух положениях. Это, во-первых, присоединение России к Болонскому проекту и перевод в связи с этим, российского высшего образования на двухуровневую систему: бакалавр-магистр. Но есть ли смысл в таком поспешном решении? Болонская декларация — это всего лишь соглашение о намерениях, не носящее обязательного характера и не требующее перехода к системе бакалавр-магистр. Кроме того, надо ли ломать непростую, к тому же неплохо работающую систему российского высшего образования? Фактически принятие решения о переходе к двухуровневой системе подготовки выдавливает специалитет из российских вузов, делая основой подготовки бакалавриат — вид образования с ярко выраженным прагматическим уклоном. Это не только приводит к снижению уровня знаний выпускников вузов (ведь большинство из них будет учиться не пять лет как ранее, а всего четыре), главное — идет смена вектора подготовки выпускника высшей школы. Об этом достаточно прозрачно заявлял А. Фурсенко еще в конце 2007 года, указывая, что целью российского образования является: «Взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, придуманные другими»¹⁴. Таким образом, страна ставится в положение «вечно догоняющей», способной только потреблять знания (созданные другими), но не умеющей создавать их. Что же касается магистратуры, то она будет затрагивать не более 20 % студентов, к тому же большая ее часть будет платной.

Второе. Это закон об автономных учреждениях, перекрывающий вузам возможность восполнить недостаточность бюджетного финансирования за счет расширения платного обучения

и сдачи в аренду своих помещений. Он лишает вузы, желающие продолжать коммерческую образовательную деятельность, бюджетного финансирования и заставляет их переходить в статус автономных учреждений, что открывает путь к их приватизации. Естественно, это не может не вызывать сомнений в правильности подобных решений. Именно поэтому на VIII съезде Российского союза ректоров высших учебных заведений шла речь о необходимости тщательного дополнительного обсуждения концепции проекта закона «Об автономных учреждениях» и целесообразности исключения сферы образования из-под его юрисдикции.

Ну и, наконец, многие проблемы российских вузов вытекают из проблем российской средней школы. Низкий уровень подготовки выпускников школ (по последним исследованиям знаний и способностей учащихся из разных стран мира, проведенным Организацией экономического сотрудничества и развития, российские школьники показали уровень «ниже среднего» по всем основным дисциплинам, включая математику и навыки понимания прочитанного текста)¹⁵, не позволяет вузам получить студента, имеющего необходимый для учебы в высшем учебном заведении базис. Это ставит под сомнение модернизацию российской высшей школы. Таким образом, говоря о проблемах отечественного высшего образования, в первую очередь надо думать о кризисе средней школы, которая фактически была погублена реформами последних лет. И без возрождения средней школы разговоры о модернизации высшего образования так и останутся всего лишь разговорами.

В средней же школе особую тревогу вызывает фактическое исключение функций школы воспитательной, непродуманные изменения в учебных программах. Последнее ведет как к перегрузке учащихся, так и к снижению уровня получаемых школьниками общеобразовательных знаний. Учителя сетуют на отсутствие комплексного плана, базового комплекта учебников, указывают, что в стране нет единого образовательного пространства. Причем нередко пропагандируемое новое — не что иное, как хорошо забытое старое, которое уже имело негативный опыт реализации в отечественных школах. Так, в 1920-е годы, столь богатые малопродуманными педагогическими новациями, уже сокращались (как и сейчас) уроки русского языка и литературы, а история под-

менялась обществоведением. Да и отрицательно себя показавший в 20-е годы «метод проектов» возвращается к нам сейчас под видом новейших западных педагогических технологий. Зачем же еще раз наступать на те же самые грабли? Что касается перегрузки учащихся, то во многом это происходит потому, что в школе значительное количество учебных часов тратится на несуществующие науки, типа «безопасности жизнедеятельности». А учебное время, отводимое на фундаментальные дисциплины, постоянно уменьшается. Так, в школьных планах количество часов, в течение которых изучается химия, сократилось за последние годы в несколько раз. И известно негативное отношение к этому педагогов. Один из участников конкурса «Учитель — 2001», преподаватель биологии из Новосибирской области А. Буханистов посетовал: «Раньше учили десять лет, учебники были толстые, но дети справлялись с программой и выходили из школы с хорошим багажом знаний. А сейчас учебники заметно “похудели”, но все жалуются на перегрузки. Нужна такая система обучения, чтобы не худели ни дети, ни учебники». Уменьшается и учебное время, занимаемое при изучении естественнонаучных дисциплин опытами, которые проводятся самими детьми. А ведь еще в 1960-х годах Министерство просвещения требовало, чтобы не менее 16 % учебного времени шло на лабораторные и практические работы¹⁶. Сейчас это правило забыто, как из-за нехватки часов в расписании, так и недостаточного финансирования. Такой подход обедняет знания учащихся. Ведь предметом изучения естественных наук являются не столько модели явлений, сколько сами явления.

Но особенно волнует педагогов выпадение из школы воспитательной функции. У нас практически нет доктрины воспитания. В связи с этим остро стоит вопрос разгрузки учебных программ, профильной дифференциации. Учителя говорят: «Мы не можем учить непонятно кого и непонятно чему». Они требуют не допускать снижения учебных часов на русский язык, другие основные предметы гуманитарного цикла; установить государственный контроль за содержанием и качеством учебников, за передачами на телевидении, дабы исключить пропаганду насилия и т. п. Ответственность Министерства образования за содержание учебников играет в этом плане важнейшую роль. Нередки ведь случаи, когда содержание учебников в младших и старших клас-

сах не согласовано между собой. Учебники написаны в разной манере, не соответствуют друг другу. Это касается как предметов гуманитарного, так и естественнонаучного цикла.

Педагоги особо озабочены положением дел с преподаванием гуманитарного цикла. Это объяснимо: образование во многом теряет свою воспитательную функцию, если в нем принижена роль гуманитарной составляющей. Ведь именно гуманитарные дисциплины лежат в основе формирования общественной, гражданской позиции. Но образование несет на себе отпечаток времени. Так, на рубеже 50—60-х годов прошлого века важнейшей научной проблемой являлись вопросы, связанные с космосом, покорением атома. И нужны были (и готовились) в первую очередь физики, математики. Недавние реформы в образовании обусловили падение воспитательной, а значит, и гуманитарной составляющей в образовании. Ныне возрождение страны стоит в прямой зависимости от воспитания гражданина, патриота. Поэтому общество вновь поворачивается в сторону патриотического, гуманитарного воспитания. Следует признать, что определенные подвижки в этом направлении сейчас есть. В частности, идет реализация государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». На ее выполнение были выделены немалые (по нынешним временам) средства. В данной программе особо оговорена необходимость исправлений в учебниках истории. Ведь именно знанию отечественной истории отводится решающая роль в воспитании патриота и гражданина. Между тем, преподавание истории весьма пострадало за годы реформ. Это признают и в правительстве. Бывший министр образования В. М. Филиппов выделил три этапа в развитии исторического образования за последние десять лет. В первый период русскую историю представляли как сплошной провал. На втором — пытались вообще отказаться от преподавания русской истории и заменить ее в школах на всемирную. Сейчас наступил третий этап, когда «намечились позитивные сдвиги в развитии исторического образования»¹⁷. Действительно, правительство пытается теперь выступать по вопросам, касающимся исторического образования, с позиций государственника и патриота. Но предстоит проделать громадный путь подготовки современной концепции исторического образования, обеспечивающей преемственность

школьных и вузовских программ. И важно, чтобы при этом не была потеряна идея государственности и патриотизма.

Однако далеко не все действия правительственных структур вызывают и сейчас одобрение общественности. Например, ставится под сомнение пропагандируемое правительством введение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Действительно, какой может быть единый экзамен, если школы разные, учебники разные и т. д. Нередко разработчики ЕГЭ ссылаются на западный опыт. Но там, в отличие от модели, разработанной Министерством образования, вузы не получают правительственных заданий о зачислении в институт по результатам ЕГЭ. И сам вуз вправе решать, насколько учитывать (и учитывать ли вообще) результаты единого экзамена при зачислении абитуриента. Таким образом, решение вузу не навязывается директивами сверху. Кроме того, следует помнить, что введение ЕГЭ уже привело к отрицательным последствиям. Во многих школах в выпускном классе родители и сами школьники реально занимаются только по тем предметам, которые потребуются на вступительных экзаменах в институт. На остальные не обращается ни малейшего внимания. Конечно, происходит это в ущерб качеству образования и общему развитию выпускников. Помимо этого, изменение системы приемных экзаменов во многом сводится к замене экзамена тестами, но тесты не в состоянии раскрыть творческие способности учащегося. Конечно, тест может использоваться как элемент экзамена, но только как элемент, часть его. Помимо этого, в условиях нашей страны, где особо сильно расслоение общества, тесты не позволяют решить вопрос об отборе талантливой молодежи для учебы в институтах. Разработанная правительством система не обеспечивает участие вуза в отборе «своих» абитуриентов, то есть именно тех, кто может и способен учиться в определенном институте. Нередко приходится слышать, что введение единого экзамена снимет проблему коррупции. Но прокатившиеся по стране многочисленные скандалы с ЕГЭ ставят под сомнение этот тезис. А ведь на реализацию проекта уходят громадные суммы: только из Федеральной программы развития образования — более 300 млн рублей. Педагоги озабочены тем, что введение ЕГЭ не просчитано и с точки зрения долгосрочных экономических и социальных последствий. Именно поэтому Российский

союз ректоров с самого начала возражал и по-прежнему возражает против введения единого государственного экзамена¹⁸.

Вызывает разногласия и идея реструктуризации сельской школы. Фактически реализация данного положения означает закрытие малокомплектных сельских школ и создание одной школы в районном центре. С 1992 по 2005 год в России было закрыто около 10 тыс. сельских школ. Каждый год несет с собой закрытие более 600 деревенских школ. А закрытие сельской школы не просто ведет к культурной деградации села. Закрывается школа — уезжают люди, исчезает и сама деревня¹⁹.

В среде педагогической общественности нет согласия в вопросах о переходе к двенадцатилетнему школьному образованию. Конечно, увеличение сроков обучения — это неизбежное следствие развития современной индустрии. Но, прилагая это предложение к современной российской школе, следует помнить, что его реализация вызовет ряд проблем. В частности, остро встанет вопрос об отсрочке старшеклассников от армии, обострятся проблемы социального неравенства (многие семьи с невысоким уровнем жизни будут стремиться забрать детей из школ до окончания обучения), фактически будет обречен и без того плохо выполнявшийся закон об общедоступном и бесплатном полном среднем образовании. Нередко введение двенадцатилетнего обучения обосновывается перегрузкой школьников в современной школе, тем, что учащиеся не успевают усваивать программный материал. По данным ряда исследователей, около половины российских школьников не усваивают до 50 % учебной программы. Но плохие знания выпускников сегодняшних школ — следствие в первую очередь недоработанности учебных пособий и школьных программ, а не перегруженности учащихся. Что это именно так, красноречиво свидетельствует такой факт: в американской школе в 12-м классе проходят то, что у нас в 8-м. Если же вернуться к вопросу о двенадцатилетке, то необходимо учитывать и тот фактор, что психологически общество не готово к введению двенадцатилетки: по опросам, от 70 % до 90 % учителей и старшеклассников выступают против увеличения срока обучения. Помимо этих проблем, реализация двенадцатилетнего обучения потребует дополнительных затрат, что сомнительно в условиях и без того жалкого финансирования образования²⁰.

Но самым серьезным вопросом является в настоящий момент доступность образования. На парламентских слушаниях по проблемам образования указывалось, что принцип — «за деньги мимо очереди» не может годиться для образования: «Учить надо не тех, у кого есть деньги, а тех, у кого есть знания». Более того, российская действительность такова, что платить за образование могут только 30 % населения, в то время как в США — 70 %. Вот когда мы выйдем на этот уровень, тогда можно будет говорить о платном образовании, а сейчас надо усиливать роль государства. Кроме того, попытки приватизации учебных заведений не учитывают и реальный мировой опыт. Ведь нигде (за исключением Бразилии, где этот опыт скорее отрицательный) не проводилось разгосударствление учебных заведений. В Европе, например, очевидна опора на государственную систему образования — там 98 % вузов субсидируются государством. Тем более, что общая бедность российского населения уже сейчас, до введения платного обучения, ставит под сомнение доступность качественного высшего образования для жителей отдаленных регионов России. Так, раньше в столичных вузах обучалось 25 % москвичей, а 75 % были иногородние, сейчас ровно наоборот: 26 % — иногородние, а 74 % — Москва и Подмосковье. Ректор МГУ В. Садовничий в связи с этим замечает: «Позволить себе выехать за пределы города, области или региона, чтобы поступить в вуз, могут теперь немногие. Москва, Санкт-Петербург, да и другие учебные столицы России становятся все более и более недоступными для молодых людей, проживающих от них в двух — трех днях езды на поезде, не говоря уже о глубинке». А ведь крупнейшие вузы создавались не только для Москвы, но и для всей страны. Не лучше положение и со средним образованием, с другими образовательными учреждениями. Фактически идет снижение государственной ответственности за состояние образования²¹.

Конечно, все эти явления ставят под сомнение выполнение конституционного права российских граждан на получение образования, что вызывает обоснованную тревогу общественности.

Следует признать, что реализации трансформаций в образовательной сфере мешает целый ряд как объективных, так и субъективных трудностей. В частности, к объективным сложностям

можно отнести: отсутствие четко сформулированной модели экономики, в которой предстоит жить и работать завтрашнему выпускнику; неразработанность мер социальной защиты граждан в условиях рынка и, значит, отсутствие государственных гарантий и условий, которые должно предоставить общество гражданам для реализации своих способностей; острые формы принимают межнациональные отношения, что лишает гармонии в соотношении общего и национального, особенно в определении содержания обучения и воспитания; государство оказалось неспособным создать необходимую материальную базу для развития школы. К субъективным трудностям относятся: наличие огромного отряда учителей, воспитанных в старом духе; отсутствие должного взаимопонимания между семьей и школой; замкнутость школы как общественной подсистемы, порождающая консерватизм, догматизм и многоступенчатость аппарата управления школой.

Если же говорить об итогах развития образования в 1990-е годы, то надо указать, что главная черта преобразований последних лет — запаздывание и шараханье из стороны в сторону. Нынешняя правительственная политика в отношении социальной сферы и развитие рыночных отношений фактически поставили образовательные структуры перед вопросом выживания. Несоответствие оплаты труда квалификации работника приводит в области профобразования к губительным последствиям. Они осложняются отсутствием связи между системой образования и рынком труда. Коммерциализация образования неизбежно ведет к замкнутости общества, происходит «инфляция» образования. Управленческие структуры в этих условиях не смогли наладить взаимосвязь подготовки и использования кадров, а правительственная политика губительно сказывается на интеллектуальной составляющей общества (при этом правительство ссылается на недостаток интеллектуального потенциала). Эти обстоятельства вызывают сейчас серьезную озабоченность общества, что порождает определенную надежду на преодоление сложившегося нелегкого положения. Государственные структуры называют в настоящий момент основными принципами реформирования образования следующие:

- признание необходимости существенного увеличения расходов на образование;
- инвестиционный характер образования;

– эволюционный, поэтапный характер перехода к наметаемым новациям.

Целями же реформирования должны стать повышение качества российского образования и расширение его доступности. Насколько правительству удастся добиться этих целей и придерживаться декларируемых принципов, покажет будущее.

Вместе с тем мы должны признать, что вопрос стоит и в иной плоскости: какие силы стоят за обновление образования на основе российского исторического опыта и какие — за слепое следование западным образцам развития. И здесь проблема не столько политическая, сколько практическая. Ведь противостояние данных сил началось гораздо раньше, чем последние несколько лет развития отечественной школы. В нынешнее время эта борьба просто идет с особой остротой. Но по-прежнему противостоят две точки зрения на школу. С одной стороны — единство воспитания и образования, фундаментальность получаемых знаний, причем как в гуманитарных, так и в естественных науках, с другой — ранняя специализация обучения, прагматичный подбор изучаемых предметов, использование скоростных образовательных технологий. Советская система образования, развивавшаяся в духе прогрессивного консерватизма, начиная с 30-х годов, следовала первой традиции. И здесь важно заметить, что советские образовательные структуры строились с соответствием с чертами русского национального характера. Это и обусловило плодотворное сочетание достоинств как русской, так и советской системы образования. Между тем, последние годы — годы реформ — власть упорно пыталась развернуть развитие образования в сторону второй тенденции развития. Происходило подобное несмотря на негативное восприятие таких действий педагогической общественностью.

Фактически идет смена парадигмы образования, и эти изменения (как, впрочем, и во многих других сферах) не учитывают традиций российского общества, менталитета русского человека. Что касается школы, то такой подход оказался особенно болезненным. Ведь школа — это один из самых стойких общественных институтов. Именно школа воспроизводит в соответствии с установившимися в обществе традициями определенный тип культуры. Она передает от поколения к поколению культурный генотип, цивилизационное наследие общества.

Сейчас же в России пытаются насадить систему образования, которая свойственна западной, буржуазной цивилизации. Но так ли хороша эта школа, отвечает ли она запросам российской культуры, российского общества?

Традиции буржуазной школы возникают в Европе в XVI—XVII веках. Она — результат, в первую очередь, религиозной революции, когда Реформация декларировала отход от традиционных христианских ценностей и стала оправдывать дух стяжательства и наживы. Возникшее на основе этих идеалов буржуазное общество нуждалось в массе людей, которые были бы простыми исполнителями, «винтиками», механизмами в процессе производства. Поэтому итоговым продуктом буржуазной школы и должен был стать добропорядочный гражданин, работник и потребитель, лишенный способности свободно мыслить. Его знания должны быть ограничены узкой сферой определенной производственной операции. Буржуазная школа становится «мозаичной», она формирует человека массы, обладающего весьма ограниченным запасом знаний (впрочем, вполне достаточным для какой-либо производственной деятельности).

Это был серьезный откат от прежней, средневековой школы, вышедшей из монастыря и университета, базировавшейся на христианской традиции воспитания личности, направленной к Богу (а если рассуждать шире — к идеалам). Но такая личность буржуазному обществу была не только не нужна, но даже опасна.

Впрочем, нельзя упрощать ситуацию, ведь буржуазная школа — явление сложное. Здесь для подготовки элиты существуют и особые, нередко закрытые, учебные заведения, действующие на иных принципах, нежели школа «для массы». В них дается целостное, фундаментальное образование, воспитываются сильные личности. Вспомним, что именно в таких закрытого типа школах предпочитает обучать своих детей нынешняя российская экономическая и политическая элита.

Поэтому уничтожение советской школьной модели вряд ли является благом для страны. Ведь прежние, сейчас почти разрушенные, советские образовательные структуры, при всех недостатках, сделали по сравнению с буржуазной, «мозаичной школой», огромный шаг вперед: от школы как «фабрики субъектов» к школе «воспитания личности». Советская образовательная систе-

ма базировалась на школе «университетского типа», стремящейся дать целостный свод законов жизни. Противники такого подхода к образованию нередко приводят в качестве недостатка школы, построенной по образцу классической гимназии (именно так и строилась советская система образования, впитавшая в себя всё лучшее от школы дореволюционной) то, что она дает «бесполезные в реальной жизни знания». Но эти упреки, являющиеся частью общемировой кампании, направленной против «университетской школы», — обычная демагогия. Ведь истинная задача школы не в том, чтобы дать выпускнику некоторые знания, достаточные для решения частных задач, а в том, чтобы «наставить на путь», дать «способность превращать всякую проблему в принципиальную» и тем самым помочь упорядочить мозаику опыта. Именно об этом говорили как русские, так и великие западные мыслители. Например, Ф. Ницше указывал: «Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях».

Как раз такой и была советская школа, которая к тому же обладала еще одним важным в нынешней ситуации качеством: в отличие от школы буржуазной она не создавала различий между группами населения, а наоборот, преодолевала эти разрывы. Вспомним, как еще в начальной школе в СССР и учителя, и сами ученики прилагали немало сил, чтобы помочь отстающим. Сейчас же, наоборот, их стараются «отсеять». И в ПТУ, которое ныне принято считать «школой второго сорта», и в средней школе в Советском Союзе учили по одной программе, разница в преподавании была не принципиальной. И из училищ выходили прекрасные подготовленные ученики. Свидетельствует об этом тот факт, что ПТУ и техникумы выпестовали элиту советского инженерного корпуса. Выпускниками профессиональных и ремесленных училищ были ведущие космические конструкторы — С. Королев, В. Глушко и первый космонавт мира — Ю. Гагарин. Прежняя система образования позволяла абсолютно всем усвоить культурную матрицу общества и стать частью народа. Таким образом, она воспроизводила народ, а не классы, не порождала противоречий, вносила элемент общественного согласия.

Важное место в этом занимала внеклассная работа. Школа пыталась стать (и во многих случаях это получалось) вторым до-

мом. Внеклассная работа становилась явлением социальным, она сближала и учеников и учителей, формировала любовь и уважение к наставнику. Сейчас, к сожалению, положение иное. Педагог в школе, особенно в учебном заведении для детей состоятельных родителей — лишь торговец знаниями. Фигура учителя лишена святости, а порой и просто унижается. Унижается не только низкой зарплатой, но и отношением общества к педагогу.

Сходные процессы происходят и в ученической среде. Советская школа воспитывала коллективистский дух, стремление к сотрудничеству, желание помочь слабым (что характерно для российской цивилизации в целом). Именно это чувство единой семьи, сформированное школой, помогло нашему обществу выстоять в годы Великой Отечественной войны. Эту войну поистине выиграл русский учитель. Теперешняя же российская школа проникнута вовсе не коллективистским духом, а духом конкуренции. И это откат от одного из важнейших качеств российской цивилизации. Однако царивший в прежней системе образования дух коллективизма не мешал ей формировать целостную личность, стоящую на фундаменте науки и культуры. Даже средний выпускник советской школы личностно был много выше своего западного сверстника. Ибо он обладал целостной системой знаний, а не разбросанным набором отрывочных сведений.

Конечно, те фундаментальные знания, которые давали образовательные структуры ушедшей власти, причем давали всем, ведь образование было всеобщим, — вещь отнюдь не дешевая. Кроме того, высокий уровень подготовки молодежи создавал и дополнительные сложности с обеспечением ее соответствующими квалификации рабочими местами. Это противоречие вызвало уже в 1970-х годах предложение некоторых ученых-социологов о снижении уровня образованности подрастающего поколения. Это помогло бы и снять претензии молодежи — ведь слаборазвитый человек не претендует на многое, да им и гораздо легче манипулировать. Кстати, возможно, именно последнее соображение и является основной движущей силой политики нынешних властей в образовательной сфере. Но тогда прежняя власть на такой ход не пошла (возможно, ускорив этим свое падение). Ибо она полагала, что образование должно служить не только для выполнения определенных рабочих функций, но в целом помогать в жизни. Ведь жизнь человека тем богаче, чем выше его образование.

Нельзя не коснуться еще одного момента. Нередко советскую школу упрекают в идеологизированности. Но, во-первых, школа немислима без идеологии. И важнейшим элементом любой, без исключения, школы является формирование образа родной страны. Советская система образования с этим справлялась, недаром для взрослого населения России, как ни крути, характерно державное мышление. Но сейчас и с экранов телевизоров, и со страниц учебников на нас льется столько информации, очерняющей Россию и имеющей явную антипатриотическую направленность, что от этой грязи и взрослому сложно защититься. А ребенка? Количество учебных часов на предметы, воспитывающие любовь к родной истории, родному слову (литература, история и т. п.), постоянно сокращается. В результате наши дети не знают нашей истории, нашей культуры. Ну и какой гражданин выйдет из подростков с разрушенным авторитетом страны? И такая политика не случайна. В Национальной доктрине образования России нет даже упоминания об идее служения, которая всегда являлась главенствующей в образовательно-воспитательном процессе в России. В последнее время власти спохватились и предприняли некоторые робкие шаги по исправлению создавшегося положения. И им становится ясно — патриотическая направленность школьного обучения определенно необходима. Во-вторых, ведь не советская, а именно нынешняя школа втягивает детей в классовый конфликт. Идеологические атрибуты советской школы носили декоративный, ритуальный характер, а сегодня школа подрывает важнейшее условие душевного состояния ребенка — чувство надежности. Школа (даже такие шаги в ней, как отмена формы) указывает ребенку на его место в социальной лестнице. И это бьет по душе как богатых, так и бедных. Ибо теряется важнейшее качество школы — умение соединять детей и взрослых в подобие семьи. И в этом плане ухудшает ситуацию стремление ввести платное обучение. Реализация этого проекта отлучит от школы значительную часть подростков. Тем самым у нации будет отнято ее важнейшее завоевание, а миф об обществе равных возможностей так и останется мифом. Такой подход не только обостряет классовые противоречия, но и грозит отбросить Россию в разряд отсталых стран.

Реально в настоящий момент в России происходит борьба между двумя направлениями образовательной политики. Одно

рассчитано на образование для избранных, т. н. «элитное образование». Фактически это образование для тех, кто в состоянии за него заплатить. Эта линия ставит Россию в роль страны, догоняющей западный мир. Другая рассчитана на образование для всех. Она обеспечивает права каждого человека на получение образования и ориентирована не на устаревшие формы общественной жизни. Данная стратегия позволяет России идти по пути опережающего развития. Абсолютное большинство населения, как показывает опыт, выступает за вторую модель образовательной системы. И только она способна обеспечить развитие российского общества, его выход из глубокого кризиса. Ведь пока Россия по образовательному потенциалу находится в группе развитых стран, занимая, по данным ООН, 20—25 места (по всем другим показателям мы откатились на 50—60-е места и ниже). Лишь по уровню грамотности взрослого населения (99,5 %) Россия по-прежнему занимает одно из первых мест в мире. Но, ясно, что это вызвано не достижениями последнего десятилетия. А вот, например, по нынешнему охвату молодежи обучением в школе (79 %) Россия не только уступает группе развитых стран (86 %), но даже таким государствам, как Суринам, Фиджи, Филиппины и т. п.²²

В целом же, отношение к развитию образовательной системы надо менять. Причем менять не на словах, а на деле. Без этого России не встать с колен. Вспомним, во многом именно успехи образовательной системы Советского Союза вывели его в разряд сверхдержавы. Это признавалось и представителями западных стран и одновременно вызывало их серьезную озабоченность. В одном из докладов Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США указывалось: «Выпускник советской средней школы подготовлен лучше, чем его американский сверстник. Большинство студентов американских университетов уступают в научных познаниях советским десятиклассникам». А директор ФБР Эд. Гувер назвал советскую образовательную систему «пугающе эффективной» и считал ее «важнейшим аспектом всестороннего коммунистического вызова»²³.

Многие западные страны использовали, даже напрямую копировали опыт советской школы. Так почему же мы столь безрассудно и решительно отказываемся от такого наследства? И так ли мы сейчас богаты, чтобы от него отказываться?

Образовательная система России все еще жива, жива вопреки постоянным попыткам сломать национальную систему образования. Надо ухватиться за образование и это поможет нам не только найти дорогу, но и выйти из кризиса. Это понимают и многие зарубежные ученые. Они видят огромные достоинства и уникальность российской системы образования, сложившейся в 1930—80-е годы. Недаром лауреаты Нобелевской премии Клаус фон Кнетцинг и Жерар Тхоофт во время одной из встреч с ректором МГУ В. А. Садовничим заявили ему: «Берегите свою систему образования»²⁴. А мы должны понимать, что если правомерны слова «российская цивилизация», то ее интеллектуальным ядром было и остается отечественное образование.

Примечания

- ¹ Смолин О. Н. Ключевые проблемы образования // Искра. 2002. № 1. С. 116.
- ² Деловой вторник. 1998. 7 июля.
- ³ Российская наука, российский ученый, российская действительность в зеркале статистики // Россия в условиях трансформаций: Материалы. М., 2002. Вып. 24. С. 81; Дайч З. Г. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства; перспективы развития. М., 1991. С. 83; Платова Г. Мы окажемся в стране недоучек // Советская Россия. 2008. 27 марта.
- ⁴ Днепров Э. Ни туалета, ни интернета // Советская Россия. 2005. 15 дек.
- ⁵ Стенограмма парламентских слушаний о концепции реформирования образования в РФ. 14 ноября 2000 г. // Текущий архив Государственной думы РФ.
- ⁶ Рыжова М. Будет ли у нас наука? // Завтра. 2008. № 24; Комсомольская правда. 2005. 8—15 сент.
- ⁷ Стенограмма парламентских слушаний о концепции реформирования образования в РФ. 14 ноября 2000 г.; Правда. 2003. 14—15 янв.; Платова Г. Указ. соч.
- ⁸ Поиск. 2003. 28 февр.
- ⁹ Университет и школа. 2000. № 3.
- ¹⁰ Стрелкова И. Русская школа: что впереди? // Наш современник. 2002. № 1. С. 228.
- ¹¹ Платова Г. Указ. соч.; Сорокина В. Где взять рабочий класс? // Завтра. 2008. № 26.
- ¹² Рыжова М. Указ. соч.

- ¹³ Мельников И. Нацпроектом манипулируют // Советская Россия. 2008. 29 янв.
- ¹⁴ Цит. по: Московские новости. 2007. 14 дек.
- ¹⁵ Рыжова М. Модернизация наоборот // Завтра. 2008. № 12.
- ¹⁶ Стрелкова И. Указ. соч. С. 221—222.
- ¹⁷ Там же. С. 230—231.
- ¹⁸ Россия и Московский университет неразделимы: Беседа Александра Казинцева с ректором МГУ академиком Виктором Садовничим // Наш современник. 2001. № 11. С. 221; Мельников И. Нет, это не эксперимент, это разрушение образования // Правда. 2003. 14—15 янв.
- ¹⁹ Комков С. Ломоносовым вход воспрещен // Завтра. 2007. № 14.
- ²⁰ Смолин О. Н. Указ. соч. С. 117.
- ²¹ Стенограмма парламентских слушаний о концепции реформирования образования в РФ. 14 ноября 2000 г.; Россия и Московский университет неразделимы. С. 221.
- ²² Черников Г., Черникова Д. Мировая экономика. М., 2003. С. 127.
- ²³ Аргументы и факты. 1984. № 29.
- ²⁴ Независимая газета. 2001. 24 янв.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. А. Соловьёв

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Развитие духовного образования в контексте социокультурной сферы на рубеже XIX—XX веков сопровождалось определёнными антиномиями, характеризовавшими собой многоуровневый спектр противоречий российского общества в целом. Многие явления исследуемого периода в образовательной политике государства были лишены целостной концепции, вследствие чего так и не были системно структурированы.

Либеральные реформы в сфере духовного образования эпохи Александра II — Устав духовных семинарий и училищ 1867 г.¹ и Устав духовных академий 1869 г.² — предоставляли возможность вхождения воспитанников семинарий и академий в общественно-церковную и научно-богословскую жизнь и, несомненно, повысили интеллектуальный уровень подготовки церковно- и священнослужителей. В духовных академиях были введены новые штаты, существенно увеличивавшие профессорское жалованье, которое уравнивалось с жалованьем университетских профессоров. Реформа 1869 г., как отмечает И. К. Смолич, «сделала академии подлинно *высшими школами богословской науки*»³. Значительно увеличилось в академиях число светских профессоров, стал возможным приход к должности ректора предста-

© Соловьёв А. А., 2009

Соловьёв Андрей Авенирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии. anh@kostroma.ru

вителей белого духовенства. Так, до 1883 г. Санкт-Петербургскую духовную академию возглавлял протоиерей И. Л. Янышев, Московскую — до своей смерти в 1875 г. протоиерей профессор А. В. Горский, а в 1876—1886 гг. — протоиерей С. К. Смирнов, ректором Казанской академии с 1871 по 1895 г. был протоиерей А. П. Владимирский, и только ректорство в Киевской академии осталось в руках монашествующего духовенства.

В связи с изменением политического курса в 1881 г. начинается работа по «поправке» либеральных уставов. Учреждается комитет под председательством архиепископа Сергия (Ляпидевского), известного своими консервативными взглядами. В состав комитета, помимо иерархов Русской Православной Церкви (далее — РПЦ), вошли представители светской профессуры духовных академий: В. Д. Кудрявцев, И. Ф. Никольский, И. Е. Троицкий, В. Ф. Певницкий, И. С. Бердников. Итогом работы стали проекты уставов духовных учебных заведений, представленных на обсуждение и утверждение Св. Синода в 1883 г. Подписанные членами Синода проекты через обер-прокурора были представлены императору: 20 апреля 1884 г. был утверждён «Устав православных духовных академий»⁴, 22 августа того же года — «Устав духовных семинарий»⁵.

Возобладала консервативная тенденция в образовательной политике, характеризующаяся следующими положениями Уставов: упразднение самоуправления и выборного начала, упрочение административных мер, расширение полномочий епархиальных архиереев, значительное сужение компетенции академических советов и правлений, отмена специализаций или отделений (богословского, церковно-исторического, церковно-практического), введённых в академиях Уставом 1869 г. и служивших преемственности научных кадров. Они готовились из наиболее способных учеников, оставлявшихся в академии по её окончании в качестве доцентов. Как справедливо пишет И. К. Смолич, оценивая новый академический устав, «он [Устав] имел в виду не столько научное образование будущего духовенства и учителей Русской Церкви, сколько подготовку политически и конфессионально благонадёжного церковно-административного персонала... Уменьшение роли академий как научных учреждений проявлялось и в том, что были отменены публичные диспуты при прису-

ждении учёных степеней. Теперь для получения степени доктора или магистра богословия было достаточно двух (редко больше) отзывов на диссертацию...»⁶.

Отношение в обществе к новым уставам было различным. Светские профессора духовных академий в большинстве своём негативно оценивали отменённую специализацию, которая способствовала подъёму богословской науки. Вместе с тем, положительные отзывы о консервативных преобразованиях в духовных учебных заведениях причиной своей имели как раз переход от преимущественно теоретической деятельности к церковно-практической. Один из студентов Санкт-Петербургской духовной академии, учившийся в ней во второй половине 80-х гг. XIX века, связывая эти изменения с личностью нового ректора — епископа Антония (Вадковского), замечает: «...Академия сделалась известною и близкою высшему петербургскому свету и как в ней самой, наконец, изменилось само направление из отвлечённого в практическое, деятельное; кроме книжных, замкнутых в себе работников науки, Академия стала воспитывать церковных деятелей, стремившихся вынести плоды духовной науки из стен Академии в народ; под крылом Преосвященного Ректора образовался кружок студентов-проповедников, которые с юношеским жаром понесли народу догматику, апологетику, церковную историю, все богословские науки в общедоступных, внебогослужебных беседах по церквам, общественным залам, тюрьмам и ночлежным домам...»⁷ Видимо, речь идёт о разности приоритетов — в данном случае, научного и церковно-общественного или практически-пастырского — в видении и реализации перспектив духовного образования в целом. Важную, едва ли не определяющую, роль при этом играли личности тех наставников, которые вели воспитанников учебных заведений за собой, мотивируя их дальнейшее жизненное кредо.

Синтез духовного просвещения и интеллектуальной культуры, воплощённый в служении представителей богословско-академической корпорации исследуемого периода, был насущной попыткой преодолеть барьер между Церковью и интеллигенцией, открыть новые перспективы их сотрудничества.

«Тихий приют духовного просвещения!» — так символизировал владыка Антоний (Храповицкий) «авторитет многолет-

него учёного труда, авторитет честной службы, авторитет священной простоты» профессоров духовных академий. И далее он вспоминает имена близких ему наставников: «...вот Иван Степанович Якимов... величающий студентов по имени и отчеству; вот Виктор Димитриевич Кудрявцев, генерал, в котором не было ничего генеральского, как говорили ораторы над его гробом. Это — тот, кто никогда не возвышал голоса, но которого слушали все, не только ученики, но и сослуживцы; вот покойный Порфирьев, в присутствии которого никто не решался допустить даже веселой шутки, несмотря на глубокое смирение старца»⁸.

Владыка характеризовал типичного академического профессора как человека чрезвычайно мягкого, смиренного и непритязательного: «...ни одно общество людей, состоящее в параллельных чинах, не держит себя так доступно и просто, как профессора академий»⁹.

Архимандрит Антоний (Храповицкий) стал ректором Московской духовной академии в январе 1890 г. — он был немногим старше своих учеников. Корпорация академии, по воспоминаниям современников, всегда составляла тесно сплочённый кружок. Каждое праздничное событие знаменовало собой, по свидетельству одного из преподавателей, «красноречивое слово ректора, а после литургии — вся корпорация собиралась в ректорской квартире и за чашкою чая вела задушевную беседу о текущих вопросах и интересах академической жизни»¹⁰. При архимандрите Антонии в 1892 г. на смену «Прибавлениям к творениям святых отцов» пришёл «Богословский вестник», в скором времени превратившийся в один из лучших богословских журналов. Большое участие в подготовке журнала принимал профессор П. И. Горский-Платонов, ставший его первым редактором. Святоотеческие творения отныне издавались в качестве приложений к новому журналу. Фактическим распорядителем журнала считалась вся корпорация. В нём впервые увидели свет многие выдающиеся труды учёных Московской академии.

Одной из актуальных и противоречивых проблем духовных академий в контексте социокультурной динамики российского общества после подписания Устава 1884 г. стало усиление влияния на процессы академической жизни учёного монашества, несмотря на преобладание среди профессорско-преподавательского

состава светских лиц. На рубеже XIX—XX веков общей тенденцией этого усиления стало ограничение перспективы деятельности либеральной профессуры, исповедовавшей историко-критический метод в своих исследованиях. Так в 1895 г. Московскую духовную академию из-за разногласий с учёными монахами и церковной бюрократией пришлось оставить двум блестящим историкам: в области всеобщей церковной истории — профессору А. П. Лебедеву, в сфере отечественной церковной истории — профессору Е. Е. Голубинскому¹¹. Заметим, что ещё в 1881 г. первая часть первого тома «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского, представленная в качестве докторской диссертации и получившая одобрение академического совета, была отвергнута Св. Синодом. Лишь в следующем году, благодаря вмешательству митрополита Макария (Булгакова) (исследования которого в области русской церковной истории Голубинский неоднократно подвергал критике), выступившего в защиту учёного, искомая степень была получена. Предшественниками Голубинского и Лебедева в едином пространстве церковно-исторической школы Московской духовной академии были архиепископ Филарет (Гумилевский), протоиереи А. В. Горский, С. К. Смирнов, а также служившие в академии вместе с Голубинским и Лебедевым на рубеже столетий профессор В. О. Ключевский и Н. Ф. Каптерев. Как пишет о. Иоанн (Экономцев), метод московской церковно-исторической науки может быть определён тремя составляющими: «1) Обращение к источникам и научная критика источников. 2) Исторический подход к богословским дисциплинам и, в частности, к догматике. 3) Критика концепций, порождённых западным рационализмом»¹². История в Церкви, светская дисциплина в рамках высших духовно-учебных заведений — следствием этого соединения объективно должно было стать рождение православной философии истории, чего, к сожалению, до настоящего времени в русском богословии не произошло, хотя, как мы думаем, наиболее близко к решению этой задачи подошла интеллектуальная мысль эпохи религиозно-философского ренессанса конца XIX — начала XX века.

Об этом свидетельствует весь ход развития богословской науки, представленной академической корпорацией исследуемого периода. В Санкт-Петербургской духовной академии в эти го-

ды преподавали такие известные, крупные мыслители, как протоиерей И. Л. Янышев, бывший её ректором и читавший курс нравственного богословия, в основу которого были положены этические принципы человеческого духа. Профессором церковной истории служил В. В. Болотов, скончавшийся в 1900 г. в возрасте 46 лет, член-корреспондент Императорской Академии наук. Его «Лекции по истории древней Церкви», изданные посмертно профессором А. И. Бриллиантовым (Т. I—IV. СПб., 1907, 1910, 1913; Петроград, 1918), показывают редкостно одарённого учёного, владеющего множеством различных языков и поднявшего церковно-исторический аппарат исследования на очень высокий уровень. В 1891 г. на кафедру Священного Писания Нового Завета был приглашён Н. Н. Глубоковский, занимавший её вплоть до закрытия Академии в 1918 г. Его экзегетические труды по достоинству оценены мировой богословской наукой (член-корреспондент Российской и Болгарской Академии наук). Он также был известен многочисленными выступлениями в печати по различным церковным проблемам.

Корпорация Московской духовной академии была представлена именами В. Д. Кудрявцева-Платонова¹³ (в 1854—1891 гг. возглавлявшего кафедру философии) и его преемника — профессора А. И. Введенского. Профессор по кафедре апологетики С. С. Глаголев на праздновании 20-летия пребывания А. И. Введенского во главе кафедры философии отмечал, что «немного теперь имеется мест на земном шаре, где бы существовали философские школы. Московская академия — одно из таких мест»¹⁴. В этой же академии служили П. А. Флоренский и М. М. Тареев, во многом способствовавшие преобразованию всей богословской системы в систему именно христианской философии.

В Киевской духовной академии всеобщую церковную историю более четверти века (1869—1895) читал М. Г. Ковальницкий, позднее ставший с именем Димитрия архимандритом, епископом и ректором академии (1898—1902), впоследствии архиепископом. Кафедру истории русской церкви несколько десятилетий (1861—1897) возглавлял доктор церковной истории, профессор И. И. Мальшевский. Курс нравственного богословия и психологии преподавал профессор М. А. Олесницкий, автор специального «Курса педагогики» (Т. 1. Киев, 1885; Т. 2. Киев,

1888). Также Киевская академия связана с именами известного историографа русской философии профессора В. З. Завитневича и В. И. Экземплярского (которому пришлось оставить академию в 1912 г. за критику современной богословской мысли), профессора нравственного богословия, внесшего вклад в разработку христианского осмысления права и социального учения церкви.

Казанская духовная академия представлена именами профессора П. В. Знаменского, читавшего в течение 35 лет курс истории русской церкви, автора учебника «Руководство к русской церковной истории» (Казань, 1870; 5-е доп. изд. 1888; сокр. изд. — «Учебное руководство по истории русской церкви». СПб., 1904). Церковное право в 1865—1914 гг. преподавал профессор И. С. Бердников. Профессором по кафедре метафизики с 1888 г. становится В. И. Несмелов, автор фундаментального научного исследования «Наука о человеке» (Т. 1. Казань, 1898; Т. 2. Казань, 1903). Высоко оценивал выход данного сочинения Антоний (Храповицкий), бывший в 1895—1900 гг. ректором Казанской духовной академии и выступивший в качестве рецензента труда В. И. Несмелова. В своём отзыве на первый том работы, опубликованной как докторская диссертация, владыка, в частности, отмечал: «Книга В. И. Несмелова... представляет собою целое философское учение автора, его глубоко пережитую, основную философскую идею, разветвлённую в стройную систему христианской метафизики, — христианской не в смысле искусственно подогнанной к системе наших догматов философской апологии, но в смысле совершенно свободного, из самого существа дела обнаружившегося совпадения философских построений автора с истиною Откровения»¹⁵. Антоний утверждал, что философское и нравственное учение Несмелова «вполне согласно с Православною Церковью не в смысле только отсутствия враждебных её учению мыслей, но в смысле попредметного совпадения с учением Св. Писания и Предания». Характерно и сравнение рецензентом стиля и слога автора с «*философской музыкой*, в которой нет ничего лишнего, ни недостаточного, как в литературной музыке истинного поэта или стихотворца»¹⁶. Творчество В. И. Несмелова знаменует собой попытку в рамках церковного богословия синтезировать религиозное и философское осмысление человеческой сущности в контексте православной антропологии. Не случайно в

конце XX века владыка Кирилл (Гундяев) причислил работы Немелова к традиции «антропологического богословия»¹⁷, в определённой степени сближающегося с антропоцентризмом философии Н. А. Бердяева.

Профессорско-преподавательские корпорации не оставались безучастными как к собственно богословским, так и к общенаучным проблемам своего времени. Так, противоречия по отдельным вопросам религиозно-нравственного характера возникли накануне 1914 г. в богословской науке. Связано это было, в частности, с проблемой «имяславия» — разновидности «катакомбно-го» христианства XX века, которое жёстко преследовалось церковными и светскими властями. Возникло оно в 1912 г. в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, под руководством иеросхимонаха Антония (Булатовича), духовного сына о. Иоанна Кронштадтского.

В вероучительном плане имяславие вполне церковно: представители его развивали давнюю православную традицию обожествления Имени Божия Иисуса Христа, связывая с ним проявление в мире божественной энергии. Противостояли имяславцам так называемые имяборцы, среди которых находились известные церковные деятели, члены Св. Синода — архиепископы Никон (Рождественский) и Антоний (Храповицкий). Имяславцы обвинялись ими в уклонении от ортодоксии, в еретическом поклонении Имени как Богу.

В поддержку же имяславцев выступали священники и богословы епископ Феодор (Поздеевский), о. Павел Флоренский, М. Д. Муретов, С. Н. Булгаков, М. А. Новосёлов, В. А. Кожевников, защищавшие имяславие как церковное учение. «...Учение имяпоклонников о Божественности Имён Божиих, — писал Флоренский, — есть не что иное, как частный случай общего Церковного учения о Божественности всякой энергии Божией»¹⁸.

В теоретической дискуссии спор этот так и не был решён. Разгромленные с применением вооружённой силы, имяславцы были выселены с Афона и рассеяны по разным монастырям. В последующем теоретическому оправданию имяславия посвятили многие свои работы о. П. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев¹⁹, что способствовало рождению в России новой отрасли философского знания — философии имени.

На рубеже XIX—XX веков в академической богословской науке особый интерес вызывали и вопросы противопоставления александрийской и антиохийской школ богословия в христианстве, во многом обусловленные археологическими открытиями того времени. Найденные артефакты древнеегипетской культуры во время раскопок О. Мариета, В. Лоре, У. М. Ф. Питри, Д. Куибелла, А. Вейгалла, Г. Картера и других заново открывали для человеческой цивилизации древнюю страну Та Кемет и, всё же, так и не приблизили мир к разгадке этой удивительной тайны, имя которой Египет.

В более же локальной, богословской перспективе это было вызвано актуализацией исследований по проблемам эпохи Тринитарных споров IV века. Отметим работы В. В. Болотова, А. А. Спасского, М. Д. Муретова, Б. А. Тураева²⁰. Антиномии александрийской и антиохийской школ, по существу, проходили по граням мистицизма — рационализма, теории — истории, философской традиции Платона и Аристотеля, аллегорического и рассудочного направлений в экзегетике. «Экзегес александрийский был искусством; в Антиохии сообщили ему характер науки», — как справедливо замечает В. В. Болотов²¹. Александрия — это средоточие неоплатонической философии, склонное к созерцанию и мистицизму, придерживающееся своеобразного эклектизма. Обусловлено это было, возможно, не столько характером вероучительной философской системы, сколько общекультурным, национальным «климатом» египетского прошлого. Александрийская школа объединяла такие разные имена в истории христианского богословия, как Пантен, Ориген, Климент, Дидим Слепец, которые, отвергая язычество как религию, вовсе не отвергали богатое культурное наследие прошлого, тем самым примиряя иудео-христианскую традицию и эллинистическую культуру. Заметим, что в светском обществе, таким же образом, несоответствие между историко-культурным и богословским подходами в восприятии египетской культуры преодолевалось в исследованиях В. В. Розанова²², в которых рассматривались общемировоззренческие, нравственные категории универсального свойства.

В 1908 г. были проведены ревизии духовных академий, на основании которых было поручено Учебному комитету при Св. Синоде переработать уставы и пересмотреть штаты академий,

семинарий и духовных училищ в направлении усиления религиозного и нравственного воспитания. Новый Устав академий был утверждён непосредственно императором, минуя Государственную думу в 1910 г., поправки в него вносились ещё два раза в 1911 г. также в обход обсуждения и утверждения его в Государственной думе. Приоритетной целью духовных академий согласно новому Уставу считалась церковно-пастырская подготовка студентов. Ректором отныне мог быть лишь монах в сане епископа, преподавателями — «лица православного исповедания, строго православного образа мыслей и церковного направления, предпочтительно состоящие в священном сане»²³. Открывались новые кафедры истории византийской и славянской церкви, вводились практические занятия (семинары) по образцу университетов. Обязательным считалось соблюдение церковных постов, посещение утренних богослужений как для студентов, так и для преподавателей. Значительно усиливалось влияние епархиального архиерея, который мог без объяснения причины отказать из списка кандидатов на замещения вакантных должностей, представленного академическим советом, всем, чьё служение в академии казалось ему нежелательным. Отменялась, возвращенная в 1906 г., академическая автономия, компетенция Синода оставалась неизменной. Как отмечает о. Г. Флоровский, «в целом весь Устав построен в духе властного формализма. В нём совсем не чувствуется подлинного вдохновения»²⁴. Стремление увеличить согласно Уставу число профессоров из учёного монашества на практике было трудноосуществимой задачей вследствие малого количества профессионально подготовленных специалистов в той или иной области богословия из их числа. Поэтому на всём протяжении изучаемого периода мы отмечаем значительное преобладание среди академических преподавателей светских лиц.

С другой стороны, проблема противопоставления учёных монахов и светской профессуры или преподавателей-священников во многом является искусственной, в некоторой степени даже спровоцированной в Св. Синоде, и может быть выражена в понятиях «византийской политики» ведомства православного исповедания. Это именно политическое противоречие со всеми вытекающими из данного заключения следствиями. Сущность проблемы точно сформулировал В. С. Соловьёв в письме Антонию

(Вадковскому) во время службы его инспектором Санкт-Петербургской академии: «...я вовсе не сторонник безусловной свободы, но полагаю, что между такою свободою и безусловною неволею должно быть нечто среднее, именно свобода, обусловленная искренним подчинением тому, что свято и законно. Эта свобода, как мне кажется, не противоречит и специальному монашескому обету...»²⁵

Более важными представляются другие проблемы в развитии богословско-академических корпораций в конце XIX — начале XX века. Например, отсутствие единого интеллектуального и духовного пространства в их сосуществовании, определённая разобщённость их положения в социокультурном развитии общества, необходимость углубления их взаимодействия с представителями светской интеллигенции, введение в православном монашестве «принципа дифференциации сил» — создание специфического «учёного ордена» в среде русского иночества. Как справедливо отмечал архимандрит Киприан (Керн), «нужны не только монастыри, издающие благочестивые брошюры и печатающие богослужебные книги. Нужна селекция самих научных сил в монашестве. Нужно охранение учёных работников в обителях. Нужно в монашестве дать возможность жить и творить не только людям просто благочестивым, но и культурным, и желающим сочетать свою просвещённость с молитвой и с традиционным укладом монашеского быта. Нужен монашеский учёный орден. Богословской науке надо не только учить, в неё надо посвящать. Надо уметь ценить святость научного подвига, возвышенность служения книге»²⁶. Увы, но идея разделения на ордена и конгрегации свойственна католической, а не православной традиции, вследствие чего эта идея кажется не реалистичной. И тогда о. Киприан ставит задачу-минимум: создание такого монастыря, который стал бы центром науки и просвещения: «Наука — такой же подвиг, просвещение — такое же служение; это общее дело, что, выражаясь по-гречески, означает “литургия”. Служители и строители церковной культуры — ничем не меньше аскеты, подвижники, мученики, чем рядовые священники, служащие Богу и людям, и монахи, занимающиеся для своего спасения молитвою и физическим трудом»²⁷. В служении идеалу науки (богословской, метафизической, материалистической — не имеет большого зна-

чения) и сходятся пути представителей церковной и светской интеллигенции, объединяющим началом которых в нравственно-этическом понимании выступает поиск абсолютных ценностей, тогда как различие в социальных параметрах существования (имманентных реальности) отступает на второй план, являясь скорее выражением формы жизнеустройства отдельных личностей, но не его сущности.

Богословско-академическая профессорско-преподавательская корпорация как социокультурный феномен российского общества в конце XIX — начале XX века, безусловно, выступала связующим звеном между интеллигенцией и Церковью, являясь частью и той и другой одновременно. «Развитие духовно-академической философии, — как пишет современный исследователь Л. Е. Шапошников, — шло в тесном взаимодействии со славянофильским учением и “философией всеединства” В. Соловьёва, а также западноевропейской философской традицией. Однако это направление мысли не было эпигонством, его создатели предприняли творческий синтез различных философских школ с целью выработки органического христианского мировоззрения»²⁸. Школа «верующего разума» — таким символом можно охарактеризовать основную линию в традиции духовно-академического знания. С другой стороны, в силу принадлежности академий к юрисдикции Св. Синода, творческий поиск академических богословов был изначально ограничен рамками конфессиональной политики государства и иерархической структуры церковной организации, что в определённой степени по сравнению с религиозно-философской мыслью светской интеллигенции очерчивало границы их богословствования в догматическом направлении патристической традиции. Однако, несмотря на характер конфессиональной замкнутости, философские искания отдельных учёных-богословов на рубеже XIX—XX веков заключали в себе весь круг внешних историко-философских влияний, являлись частью общего развития русской духовной мысли. Среди них выделим преподавателей Московской духовной академии: о. П. Флоренского с его конкретной метафизикой всеединства, М. М. Тареева — создателя православного варианта экзистенциалистской философии жизни, профессора Казанской духовной академии В. И. Несмелова с концепцией православного антропологизма,

профессора Санкт-Петербургской духовной академии В. С. Серебренникова — одного из основателей научной экспериментальной философии в России и др. Представителями церковной интеллигенции обосновывалось положение о том, что высшая духовная школа, обязанная удовлетворять запросам знания, не должна непременно быть связана с духовным сословием, т. к. это препятствует в ней свободному творческому поиску, развитию оригинальных идей.

Разделённость светской и церковной высшей школы служила для многих абитуриентов, интересующихся проблемами религии и философии, фактом сомнения и неопределённости в решении своей дальнейшей судьбы. Данного рода затруднение мы находим в письме выпускника Одесской гимназии, будущего известного богослова и религиозного деятеля Г. Флоровского к Н. Н. Глубоковскому от 30 марта 1911 г.: «...ещё неделю назад я так категорически решал поступить в Академию, и именно Московскую, чтобы предаться изучению догматического богословия и метафизико-философских проблем... то теперь наоборот, какой-то панический ужас возбуждается во мне Московской Академией и мистикой и пр., и я решаю посвятить себя изучению исторических дисциплин в связи с религией...»²⁹ Дилемма была решена Г. Флоровским в пользу историко-филологического отделения Новороссийского (Одесского) университета, в первую очередь, как он сам подчёркивал, из-за большей самостоятельности в научных изысканиях, предоставлявшейся в светских учебных заведениях. В дальнейшем же внутренняя укоренённость философа в православии привела его, в конечном итоге, к решению о принятии духовного сана (1932 г.). То же самое на разных этапах творческой биографии произошло с С. Н. Булгаковым (рукоположен в иерея в 1918 г.), П. А. Флоренским (23 апреля 1911 г. рукоположен в сан диакона, а на следующий день в сан священника), рядом других известных представителей религиозно-философской мысли рубежа столетий.

Вполне очевидным представляется влияние духовно-академической мысли на развитие мировой культуры, многие представители академических корпораций продолжали своё служение после трагических событий внутри страны в ведущих православных научно-педагогических центрах по всему миру: Бого-

словском институте преп. Сергия в Париже, Религиозно-философской академии (созданной в 1922 г. в Берлине, в 1925 г. переехавшей в Париж), Свято-Владимирской духовной семинарии в Джорданвилле (США), Институте Святого Владимира в Харбине (Китай), на Богословском факультете университета им. св. Климента Охридского в Софии (Болгария) и др. Многие же из тех, кто остался — умерли от лишений в годы Гражданской войны, либо были репрессированы и/или расстреляны: бывший ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, митрополит Петроградский Вениамин, ректор Московской академии, архиепископ Феодор (Поздеевский), о. П. Флоренский, М. А. Новосёлов, архиепископ Иларион (Троицкий), протоиерей К. М. Аггев, протоиерей И. И. Восторгов и многие другие новомученики Российские.

Духовная культура в России в конце XIX — начале XX столетия в преломлении взаимоотношений интеллигенции и Церкви выражает собой в определённой степени феномен «светского аскетизма» (о. С. Булгаков), воплощённый в единстве онтологического постижения абсолютных истин Бытия и, вместе с тем, противоположности *пути* данных поисков. Образовалось два вектора, один из которых символизировал творческую личность, созидающую в синергии с Богом, другой — личность, дерзающую творить самостоятельно вне жёсткой конфессиональной традиции, рассматривающую проблемы религии в её неканонической детерминированности, ведущую религиозно-нравственные поиски вне строгих рамок исторической Церкви. Стремление же к философскому обоснованию богооткровенных истин, творческому переосмыслению догматов веры как в традиции духовно-религиозного иночества, так и в экзистенциальности мировоззрения русской интеллигенции способствовало, в конечном итоге, усилению интеллектуальной напряжённости в самой Церкви. Всё это в контексте переживаемого сегодня кризиса эссенциалистского дискурса, т. е. всех способов, характеризующих реальность посредством аристотелевых сущностей (причём не только в богословии, но и в различных областях гуманитарного знания в целом), имеет практическую значимость и должно послужить основой *диалогичности* сознания современной эпохи, трагизм разобщенности в которой столь очевиден.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2 (далее — ПСЗ-с указанием номера собрания). Т. 42. № 445770.
- ² ПСЗ-2. Т. 44. № 47154.
- ³ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 473.
- ⁴ ПСЗ-3. Т. 4. № 2160.
- ⁵ Там же. № 2401.
- ⁶ *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 469.
- ⁷ *М. Б.* Высокопреосвященный Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. СПб., 1899. С. 16—17.
- ⁸ *Антоний, митр.* В защиту наших академий // Антоний (Храповицкий), митр. Новый опыт учения о Богопознании. СПб., 2002. С. 155.
- ⁹ Там же. С. 154.
- ¹⁰ *Соколов В.* Московская духовная академия в 1891 году // Богословский вестник. 1892. Январь. С. 129—130.
- ¹¹ Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский, в частности, писал о Е. Е. Голубинском следующее: «В памяти всех своих слушателей этот профессор, ничуть не заботившийся о своих лекторских успехах, сохранился с благоговейной славой, что Е. Е. Голубинский — это сама историческая правда, не способная прибавить хотя бы одного звука сверх того, на что уполномочивают бесспорные фактические свидетельства. И такова вся его “История” в каждой строке, насколько подобная документальность была посылна для человеческого самоотвержения» (*Глубоковский Н. Н.* Профессор Е. Е. Голубинский // Сосуд избранный: Сб. док. по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 198).
- ¹² *Иоанн (Экономцев), игумен.* Историческая школа Московской Духовной Академии // Иоанн (Экономцев), игумен. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 130.
- ¹³ Как отмечает о. Г. Флоровский, в книгах профессора «покоряет этот стиль внутренней свободы, душевное изящество и благородство, с каким этот человек недрогнувшей веры ведёт своё спекулятивное оправдание или обоснование этой веры, строит свой критический синтез среди недостаточных решений других философских школ» (*Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 241). Современный исследователь Л. Е. Шапошников показывает, что проблема взаимоотношения религии и философии была для Кудрявцева-Платонова в числе основных: «С одной стороны, он [Кудрявцев-Платонов. — А. С.] считает, что влияние религии на философию не

- должно быть “деспотическим давлением”, стесняющим свободу “этого мышления”, но, с другой — рассматривает столкновение философии с христианством как “уклонение ее от прямого пути” <...> Правильная постановка философского мышления приводит его к союзу с религией, подобное мышление помогает “раскрывать то, что дается христианской верой”» (*Шапошников Л. Е.* Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX — XXI веков. СПб., 2006. С. 292).
- ¹⁴ Двадцатилетний юбилей профессора МДА А. И. Введенского // Богословский вестник. 1912. Январь. Февраль. С. 32.
- ¹⁵ *Антоний (Храповицкий), митр.* Новый опыт учения о Богопознании. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 17—18.
- ¹⁷ Журнал Московской патриархии. 1987. № 9. С. 13.
- ¹⁸ От редакции // Антоний Булатович. Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисусе. М., 1913. С. X.
- ¹⁹ См., напр.: *Флоренский П. А.* Имяславие как философская предпосылка // Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2; *Булгаков С. Н.* Философия имени. Париж, 1953; *Лосев А. Ф.* Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990; и др.
- ²⁰ См.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 1. СПб., 1907; Т. 2. СПб., 1910; *Спасский А. А.* История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Т. 1. Сергиев Посад, 1906; *Тураев Б. А.* Пасхальная служба коптской церкви. М., 1898; и др.
- ²¹ Цит. по: *Киприан (Керн), архим.* Золотой век Свято-Отческой письменности. М., 1995. С. 12.
- ²² См.: *Розанов В. В.* Собр. соч.: В мире неясного и нерешённого. Из восточных мотивов / Под общ. ред. *А. Н. Николоюкина.* М., 1995.
- ²³ Цит. по: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 485.
- ²⁴ *Флоровский Г., протоиерей.* Указ. соч. С. 484.
- ²⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 205. Д. 773. Л. 8—8 об.
- ²⁶ *Киприан (Керн), архим.* Ангелы, иночество, человечество: К вопросу об ученом монашестве // Церковь и время. 1998. № 1 (4). С. 151.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Шапошников Л. Е.* Указ. соч. С. 300.
- ²⁹ Цит. по: Сосуд избранный... С. 110—111.

Т. Портер

ЗЕМСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С началом Первой мировой войны в 1914 году изучение проблемы взаимоотношения государства и общества при царском режиме закончилось. Последние три года правления дома Романовых до Февральской революции 1917 года российскими учеными не достаточно глубоко изучены, может быть потому, что тогда велась борьба с монархией, с самодержавием. Нет достаточно серьезной работы и о деятельности земской интеллигенции в годы Первой мировой войны, а она, как показывают архивные источники и достаточно большой объем литературы по войне, играла немаловажную роль, и даже способствовала формированию гражданского сознания у населения.

Недостаточная освещенность этого периода в академической литературе объясняется также мировым влиянием русской революции. Многие историки, как в России, так и за рубежом, занимаются исследованием причин, которые привели страну к революции, и не рассматривают имеющиеся факты возможного другого исхода. Это упущение тем более любопытно в связи с тем, что современные войны не только способствуют переменам, но и являются инструментом модернизации общества. Норман Стоун, например, видел Первую мировую войну как «кризис роста, кризис модернизации под тонкой маскировкой». Опыт России во время конфликта служит доказательством этого наблюдения.

В период, предшествовавший началу военных действий, наблюдались тенденции, указывавшие на то, что прекратилась изоляция крестьян от всех других слоев населения и стало заро-

© Портер Т., 2009

© Ковалев А., перевод на русский язык, 2009

© Ершова Э. Б., редактирование, 2009

Портер Томас — профессор Сельскохозяйственного технического университета, Северная Каролина, США. portert@ncat.edu

Dr. Thomas Earl Porter — Associate Professor of Russian and Modern European History Department of History North Carolina Agricultural and Technical State University, Greensboro, NC 27411.

ждаться гражданское общество. Большую роль в сближении всех слоев населения в этот период играла интеллигенция как столичных городов, так и провинциальных, и особенно земская, которая со времени появления больше всего была объединена по своим профессиональным интересам и болью за народ России. Но что особенно важно — эти тенденции усилились во время войны.

Период между революцией 1905 года и началом военных действий в 1914 году обычно называют «забытой декадой». Многие историки соглашаются со знаменитым высказыванием Троцкого, что революция 1905 года была лишь генеральной репетицией Великой революции 1917 года. В силу идеологического давления, историки и социологи отстаивали идею того, что исторические исходы, подобные русской революции 1905 года, неизбежны.

Много было написано об усилении активности рабочего движения, несмотря на то, что это могло привести к легализации профсоюзов в послереволюционный период. Также много было написано по поводу увеличения числа забастовок, которые охватили Россию после революции 1905 года. Однако при этом игнорируется тот факт, что в довоенное время в Великобритании и США также отмечался повышенный уровень общественных волнений, но ни в одной из этих стран не произошло социальных революций, равных по значимости русским революциям 1917 года.

Волна реформ и перемен, прошедших в городах и деревнях также не учитывается. Активизация русской системы самоуправления (земств) и появление рабочих ассоциаций указывают на то, что русская интеллигенция начала проявлять гражданскую активность и принимать участие в социальной и политической жизни страны. Эти изменения привели к усилению трансформации социального и политического устройства общества. Заявляя о своих правах на участие в создании общественной политики, эти организации закладывали основы гражданского общества.

Концепция гражданского общества используется как аналитический метод для исследования динамики его модернизации. Иосиф Брэдли в своей статье в «Американском историческом журнале» отметил, что русская историография исходит от исследований, сфокусированных на причинах упадка царской России. Многие исследователи поздней имперской России основывались на идее о том, что в тот период просто не было возможности раз-

вития гражданского общества. Однако в настоящее время некоторые историки занимаются опровержением этой концепции. Термин «гражданское общество» объясняется по-разному, но есть и устойчивые определения, например: это общество с множеством добровольных организаций, часть из которых состоит из профессиональных рабочих организаций и имеет автономную структуру по отношению к государству. Исследования Брэдли показывают, что на стыке XIX—XX веков эти добровольные организации были способны развивать собственные идеи.

Зарождающееся гражданское общество России усиливалось активной деятельностью органов местного самоуправления. В научном труде «Демократия в Америке» Алекс Токвиль показал, что независимые органы самоуправления служили развитию открытого гражданского общества. Добровольные ассоциации являются идеалом общественного устройства и филантропии, в то время как независимые органы самоуправления обеспечивают участие граждан в управлении государством. И те, и другие являются необходимыми для развития общества. Токвиль также показал тесную связь между этими организациями: «Гражданские общества закладывают основы политических перемен, в то время как политические ассоциации развивают технику этих перемен для гражданских целей».

Это было особенно верно для земских активистов из органов самоуправления. С самого начала, созданные как административное звено для связи Петербурга и губерний, местные органы самоуправления приобрели важнейшее значение для политического устройства России. Царское правительство надеялось, что распределение власти позволит земству более эффективно выполнять определенные государственные функции. Однако многие земцы разделяли государственные дела и общественные интересы. Они требовали не только полной передачи власти, но и устранения каких-либо помех со стороны государства для участия интеллигенции в политических делах. Земцы понимали, что большинство проблем России не может быть решено без их участия в управлении делами нации.

Образованная часть общества продемонстрировала свою инициативу и динамизм (характеристики, не свойственные русскому национальному характеру) и шагнула вперед для помощи

Империи, когда та встала перед такими катастрофами, как вспышка чумы, повторяющиеся потери урожая, голод. Когда Япония атаковала Россию в 1904 году и начала войну, правительство России показало свою неспособность быстро переправлять военные ресурсы, что вызвало затруднения в достижении победы. С целью оказания помощи армии на собрании уполномоченных от губернских земств было создано Главное управление земства помощи раненым и больным воинам. По статье 3 «О статусе земства» была запрещена кооперация между земствами и деятельность земств полностью подчинялась царской бюрократии.

Для того чтобы обойти этот указ, земцы на собрании в Москве составили план ратифицирования необходимого законодательства и его независимого проведения. Министр внутренних дел В. Плеве считал, что органы местного самоуправления представляют угрозу государственному режиму, и он приказал запретить их собрания без его письменного разрешения. Образованная часть общества была поражена тем, что их наилучшие стремления были задавлены бюрократией. Знаменитый либеральный лидер Павел Милюков вспоминает жалобу военного офицера: «Неужели любые действия запрещены? Осталось ли место для истинного патриотизма? Любая попытка помочь своему Государству расценивается как преступление?»

Земцы решили обратиться напрямую к царю. Князь Львов (глава Тульской губернии и будущий председатель Временного правительства) был послан на встречу с Государем. После того как Николай II убедился в лояльности намерений организации, земцам было разрешено действовать легально по их плану. В период конфликта с Японией Главное земское управление приняло на себя заботу о 50 385 больных и раненых солдат царской армии. Была оказана помощь 25 698 солдатам с менее серьезными заболеваниями, организована транспортировка 9 068 солдат до военных госпиталей. Столовые, построенные земцами, обеспечивали горячим питанием 389 579 солдат, также была организована поставка хлеба и чая для 71 493 солдат. В последние месяцы военной кампании кипяченой водой были обеспечены 107 193 человек. В целом более 652 164 солдат получили помощь от земств. На оплату этой деятельности было потрачено около 2 080 894 рублей. Более важно то, что после прекращения военных действий зем-

ские организации продолжили свою деятельность на европейской части России несмотря на то, что по статусу земств это было запрещено. Земцы были уверены, что правительство даст разрешение добровольным организациям на оказание помощи нуждающимся. Петр Столыпин, один из крупнейших государственных деятелей России, занимавший должность премьер-министра с 1905 по 1911 год, поддерживал идеи земства и видел положительные стороны в увеличении их активности.

В период своего существования эта организация играла важную, критическую роль в поддержке крестьянства. Повторяющиеся потери урожая привели не только к голоду, но и к распространению таких болезней, как дифтерия, тиф и холера. На проведение продовольственных и медицинских кампаний Земское управление потратило 11 млн рублей. Земство также сыграло важную роль в обеспечении крестьянских переселений в Сибирь. Столыпин пытался не только разрушить общинную форму землепользования и развить зажиточный класс крестьян, но и снизить уровень перенаселенности европейской части России путем переселения крестьян за Урал. Все усилия Столыпина, особенно реформа органов местного самоуправления, были направлены на разрушение специфики крестьян и превращение их в граждан.

Доминировавшие в земстве консерваторы хотели обеспечить переселение крестьян, так как их имущество подвергалось конфискации. Общая сумма, собранная земцами на эти цели, составила 14 млн рублей. Но для земцев главным было то, что они завоевали право на участие в общественной жизни в качестве граждан и впредь «правительство будет вынуждено считаться с их деятельностью».

Необходимо отметить, что в период с 1905 по 1914 год увеличение активности земств наблюдалось на всех уровнях. Это противоречит ошибочному мнению о том, что образованная часть общества была деморализована и не могла играть конструктивной роли в жизни России, особенно после так называемой реакции земства на революцию 1905 года. Захват земства консерваторами на заре этого катаклизма широко освещен в литературе. Особое место было уделено программам, закрытым в период ликвидаторства. Контроль земства консерваторами ряд ученых использует для доказательства его неспособности изменить российскую деревню. По-

этому в довоенный период дальнейшее развитие правового общества было невозможно, и революции 1917 года были неизбежны.

Недостаток этой концепции в том, что она обрывается в 1907 году, в котором и заканчивается исследование Веселовского. Не учитываются события с 1908 по 1914 год, указывающие на то, что дворянство, осознав возможность потери своего политического влияния в деревнях, пошло на возобновление всех ранее закрытых программ начиная с реформы образования, которая положительно отличалась от предложенной ранее их либеральными предшественниками. Заинтересованность земств школами возросла в период 1907—1914 годов, особенно в предвоенные годы. В 1913 году общий бюджет земств увеличился на 40 млн рублей по сравнению с предыдущим годом; 42 % от этой суммы (16,5 млн) ушло на образование.

Государственные вложения в местные земства также значительно возросли — с 2 млн до 40 млн рублей в 1913 году, что составило 16 % от общего бюджета земских провинций. В 1912 году земцы вступили в переговоры с Министерством образования для создания всеобщей системы образования и земское управление стало главным разработчиком этой реформы. В августе 1911 года правительством было разрешено проведение собрания тремстам делегатам — учителям и преподавателям из земств. Несмотря на то что большинство делегатов были консерваторами, этот конгресс выпустил три на удивление прогрессивных резолюции: расширение программ взрослого образования; расширение учебного плана сельских школ; отклонение сугубо профессионального образования крестьян и развитие общего образования, отказ от церковных школ. Эти резолюции нашли всеобщее одобрение, и даже у правых. Как сказал один делегат: «В политике я — консерватор, но когда речь заходит о земстве, я — радикал».

Консервативная часть земства была против столыпинской демократизации земства. П. А. Столыпин поддерживал программу о предоставлении крестьянам избирательных прав в выборах местного правительства. Этого можно было достичь путем демократизации выборов, уменьшением влияния дворян через создание института выборных муниципалитетов в губерниях, действующих при координирующей роли «агента центральной власти» — комиссара.

В дальнейшем предполагалось участие крестьян в решении вопросов об организации внутренней жизни, что должно было помочь в развитии правового общества. П. А. Столыпин надеялся, что такая реформа обеспечит связь деревни с государством и превратит русских крестьян в граждан. Эти планы не были встречены положительно консервативной оппозицией, имевшей преобладающее влияние в национальной политике, и никогда не были реализованы.

Крестьяне также научились искусству политической игры и начали использовать общественную сферу торговли для объявления своих интересов. В 1905—1906 годах крестьянскими комитетами было собрано около тысячи петиций с требованием открытия школ. В довоенные годы группа крестьян, прошедших земскую школу, начали более активно участвовать на земских собраниях. Несмотря на то что земская реформа не была проведена, представители крестьянства, наряду с городскими собственниками, продвигали программы в пользу крестьян. Кроме этого, представители крестьян голосовали за увеличение земских налогов для обеспечения образования, агрономии и медицины. Наблюдатели были поражены независимостью «крестьянской интеллигенции», которую они объясняли распространением грамотности и сменой правил выборов для крестьян. Новая процедура выборов, принятая 5 октября 1906 года, полностью восстановила участие крестьян в земских выборах и лишила губернаторов провинций права выбора земских представителей из числа кандидатов, избранных крестьянами, порядок, устанавливающий зависимость «выборов» крестьянами представителей от правительственных чиновников и государственных служащих. Другими словами, продолжались попытки демократизировать местное управление: земские программы расширились, стали охватывать более широкие круги крестьян, чем достигалось более полное участие их в местном самоуправлении.

Парадоксально, что независимо от преобладания консерваторов в земстве, период с 1907 по 1914 год был самым активным в течение полувекового его существования. К 1914 году бюджет земств повысился до 347 млн рублей. Крестьяне становились более грамотными и работали вместе со своими прошлыми владельцами над общими проблемами, обучаясь навыкам самоорганизации, не-

обходимым для заявления собственных требований как основного условия развития правового общества. Земцы же для обеспечения и проведения земских программ были вынуждены использовать специалистов, таких, как ветеринары, агрономы, врачи, преподаватели, статисты недворянского происхождения. Эти профессионалы являлись либералами или социалистами, и взаимодействие между различными слоями общества было, очевидно, побочным продуктом реализации русской политической жизни.

Возрастающая сложность земских программ, образование новых направлений и развитие их дел вызывали доверие к появившемуся среднему классу из подготовленных специалистов, число которых в довоенный период постоянно росло. Земство организовало учреждения, которые позволяли специалистам проводить конференции, советы, комиссии. Результаты их деятельности учитывались земельными собраниями и исполнительными органами. Однако отмечается и другая особенность — эти организации были любимыми массами консерваторов до и после 1905 года. Сотни земств спонсировали конференции, которые собирались для обсуждения технических, социальных и экономических проблем довоенного периода. Эти конференции были полезными для обеспечения правовой подготовки возникающего общества России. Накануне войны социальная и политическая трансформация России уже развивалась.

В противоположность стандартной точке зрения, наступление Первой мировой войны не затормозило, а, напротив, усилило развитие Российского государства в сторону правового общества. Первая мировая война, поглотившая Европу в 1914 году, стала своеобразным главным экзаменом и проверкой земств, и России в целом. Для органов местного самоуправления война была полна противоречий. С одной стороны, она предоставляла беспрецедентные возможности, с другой стороны, создавала новые испытания и трудности, используя и уничтожая земский персонал и денежные накопления. Возникли сложности для их сохранения и выживания в трудные 1916—1917 годы. Война неблагоприятно отразилась на возможности земства выполнять его традиционную функцию в русской провинции. Государство прекратило субсидировать школы и другие проекты, большая часть земских денежных средств пошла на военные затраты, обеспечение армии

провизией, организацию медицинской помощи раненым, эвакуацию беженцев из западных провинций.

Военный призыв неблагоприятно повлиял на способность земств обеспечивать основную деятельность в сельских районах. В довоенный период страховые отделы земств провели страховую кампанию собственности крестьян от пожаров (особый бич русских деревень) и других катастроф. За первый год войны четверть страховых агентов (984 из 4 067 человек в тридцати двух провинциальных губерниях) была мобилизована. Армии требовались медперсонал и ветеринары, поэтому большая часть этих специалистов оказалась на фронте. Общество Пирогова показало, что 35 % земских врачей и 33 % фельдшеров были мобилизованы, что привело к тому, что 28 % земских районов в 1914—1915 годах остались без медицинской помощи. В результате этого в 1915—1916 годах во многих губерниях началась оспа и множество других болезней, т. к. система медицинского обеспечения была разрушена. И, как по иронии судьбы, война увеличила потребность крестьян в земской помощи, которую земство в полной мере обеспечить уже не могло. В армию было призвано около 30 тыс. школьных учителей, и земству пришлось побороться, чтобы найти им замену. Различные земские учреждения пострадали. Кризис, который опустошил органы местного самоуправления, отразил катастрофу, поглотившую всю страну.

Во многих традиционных по подходам исследовательских работах предлагается общепринятая трактовка известных тенденций, которые привели к революции 1917 года: русская интеллигенция оказалась как бы деморализованной, погруженной в депрессию, угнетенной, озабоченной будущим своей страны в свете набравших силу уже маячивших штормов. А напряженные попытки земств бороться с препятствиями, вызванными войной, игнорируются.

На мой взгляд, наоборот, образованная часть общества героически встретила проблемы, порожденные войной. Возрастающая непригодность режима была явно раскрыта в период войны, но русское общество еще пыталось продемонстрировать его жизненную силу, принимая на себя груз проблем, за которые во время военных действий обычно несет ответственность государство.

Земцы преобразовали Главное земское управление во Всероссийский союз, который возглавил князь Львов. Главное управление вошло в новую ассоциацию, и последние 600 тыс. рублей были переданы в распоряжение Союзу. С ростом класса рабочих и предпринимателей увеличивалось число добровольных организаций, среди которых был и Всероссийский союз городов, который входил в муниципальное отделение земства. Эти два союза образовали союзный комитет, Земгор, в деятельность которого и входили организации поставок для армии. Также его работа заключалась в обеспечении связи между Военным министерством и промышленными районами, эвакуации и строительстве заводов. Земгор показывал русской общественности героические усилия в стремлении помочь русской армии. Комитет военной промышленности занимался поставками военного снаряжения и другого необходимого материала, их усилия принесли огромную пользу. Фактически эта организация управляла всеми военными операциями, в то время как правительство передало свою силу обществу.

Уже через три недели войны правительство было вынуждено расширить границы участия общественности в военных делах. Однако оно пыталось ограничить сферу компетентности общественных организаций де-юре, но их деятельность уже была де-факто. Императорским постановлением от 28 августа было объявлено, что союзы продолжают свое существование лишь «до окончания военных действий... и под флагом Красного Креста». В течение одного месяца, когда стало ясно, что у правительства нет стоящего плана по эвакуации раненых и поставке медикаментов в тыл, Совет министров без стыда обратился за помощью к Союзу в организации победы в тылу. Правительство выдало Союзу разрешение на строительство и обеспечение госпиталей. В телеграмме Центральному союзному комитету военный министр писал:

«Действуя из соображений, что Союз с большим успехом расширил свою деятельность на территории страны, мы считаем, что он обладает лучшими ресурсами и средствами для постройки госпиталей».

Ответ последовал незамедлительно. Через три месяца после Указа о мобилизации, к ноябрю 1914 года 1 667 медицинских учреждений различного уровня и назначения находились под эгидой Земского союза. Одновременно Союз начал комплектовать и

управлять медицинскими эвакуационными поездами, включая и те, которые находились в военной зоне. К 1915 году Союз содержал 50 поездов, расположенных на европейской части России, перевозивших до 16 тыс. раненых и больных солдат. Невероятно, но в распоряжении армии было лишь около двух дюжин поездов, и армия была вынуждена использовать и те, которые были под рукой — в тыл страны посылались грузовые поезда. Вагоны не были оснащены, в них отсутствовали спальные места; больные и раненые лежали на голом полу. Обычно на таких поездах весь медицинский персонал представлял всего один врач. После нескольких дней путешествия по прибытии в Москву пассажиры производили ужасное впечатление.

Ситуация изменилась к лучшему, когда Союзы взяли на себя работу по эвакуации. Вдоль основных железнодорожных путей они оборудовали сеть станций. Каждый прибывавший поезд обслуживался, заболевший персонал оставался на станции, менялось после перевозки больных грязное белье и дезинфицировались вагоны и медицинское оборудование. В противоположность армейским поездам, составы Союза были полностью оснащены оборудованием и персоналом. На каждом поезде был склад медикаментов, кухня и аптека, несколько докторов, штат медсестер и группа добровольцев. В основном эти добровольцы были людьми, отказавшимися от несения военной службы по принципиальным соображениям и проходившими альтернативную службу. К маю 1915 года медицинский эвакуационный отдел Земского союза состоял из 99 докторов, 194 интернов, 323 сестер, 144 поваров и более 2 тыс. работников. К концу войны земцами было эвакуировано более 4 млн людей.

В период военных действий правительство доказало свою неспособность в выполнении самых простых обязательств перед русскими людьми и вскоре уполномочило Союзы и другие добровольные организации расширить сферу деятельности и начать работу с беженцами, проводить эвакуационные программы, организовывать поставки продовольствия. Зарождающееся правовое общество России показало свою жизнеспособность, взяв на себя всю ответственность, и как заметил князь Львов: «Мы не только расширяем сферу нашей работы, как и было запланировано, не только распространяем нашу деятельность до фронта, но также мы

берем на себя функции правительства, которые во всех предыдущих войнах выполнялись государственными учреждениями».

Разумеется, что непродвиженная затяжная война породила бесконечную вереницу проблем, с которыми правительство не могло справиться: национальные эпидемии, гибель миллионов жителей западных провинций в 1915 году, недостатки продовольствия и горючего, инфляция.

Проблемы системы здравоохранения были наиболее тяжелыми в период галицинской кампании 1915 года, когда из западных провинций хлынули сотни тысяч беженцев. Правительство опять обратилось к Союзу с просьбой о защите населения от эпидемий и развитии социальных программ для беженцев. Все это превышало уровень традиционной благотворительной деятельности и спонсируемой правительством филантропии. К 1917 году появилось более 6 млн беженцев, нуждающихся в помощи. Этот аспект военного времени игнорируется, несмотря на то что беженцы составляли 5 % от общего населения России. Их число превышало размеры рабочего класса в два раза, этот феномен был исследован лишь недавно. Конечно, по исследованию промышленного пролетариата была проделана огромная работа, когда телеология ранее господствующей парадигмы обусловила необходимость этих исследований.

Хорошо организованная земская железнодорожная деятельность, протекающая, несмотря на неисправность железнодорожных путей, с максимальной производительностью и минимумом проблем, разрушилась кризисом беженцев. Это было неожиданное бедствие, ухудшенное несостоятельностью полиции. Весна 1915 года застала русскую армию в отступлении, и вслед за ней потянулись миллионы мирных жителей. Для того чтобы вражеской армии не досталось ни продовольствия, ни чего-либо другого, правительство решило использовать тактику «выжженной земли», которую когда-то М. И. Кутузов применил во время войны с Наполеоном. Отступление армии повлекло за собой полное уничтожение домашнего скота, урожаев и жилищ. К сожалению, генералы не осознавали громадности последствий своих действий. Наполеон ведь продвигался лишь по главным дорогам, а немецкая армия — по всей ширине фронта.

Разразившийся хаос спровоцировал горячие споры среди министров. Яхонтов — секретарь Совета министров — вспоминал

обсуждение действий полиции так: «По приказу военного руководства полиция должна была обеспечить опустошение земель, оставленных врагу... Они вырывают людей из знакомого окружения, вынуждая их двигаться в неизвестность. Прямо перед ними они сжигают не только оставшиеся запасы пшеницы, но и их жилища. Измученная и раздраженная толпа движется по дорогам, преграждая путь армии, создавая беспорядки в тылу. Обеспечение водой, продовольствием и жильем такого количества людей предусмотрено не было. Люди умирали от голода, переохлаждения и болезней. Уровень детской смертности был угрожающе высок. Мертвые тела оставляли на дорогах, и эта масса людей распространялась по России». Министр сельского хозяйства Кривошеин, выражая опасения всех министров, заявил, что «великая миграция людей, организованная военным руководством, толкает Россию в пропасть, навстречу революции и гибели».

Осознав тяжесть ситуации, беженцы объединились с теми, кто был в таком же положении, несмотря на условности, социальные статусы и образование. Эти люди «имели доступ к широкой национальной общине, построенной на фундаменте насилия и потерь, укрепленной необходимостью коллективных усилий для восстановления всего, потерянного во время войны». К сожалению, последствия кризиса беженцев не были предусмотрены правительством, и никаких действий предпринято не было, законность царского режима ослабевала. И вновь общественность выступила для оказания помощи беженцам.

Земский союз действовал с необычайной быстротой, формируя цепь организаций на фронте и территориях, примыкающих к фронту, они эффективно работали с гражданским населением, предоставляя не только медицинскую помощь, но и продовольствие. Первые объединения были основаны в феврале 1915 года, за шесть месяцев до того, как проблема встала перед правительством. В союзном журнале от 1 марта 1915 года Варшавский отдел сообщал, что главной целью их деятельности была не только организация помощи раненым, но и «развитие новой операции по оказанию помощи населению...». Кризис беженцев обусловил громадное расширение этих планов. Организовав поставки продовольствия и медикаментов в главные города России, Союз начал оснащение госпиталей и столовых вдоль железнодорожных

путей для обеспечения беженцев. В госпиталях шла борьба с распространением инфекционных заболеваний, велась выдача корма для скота, устраивались бани и прачечные, выдавалось чистое нижнее белье и одежда, а в столовых — в дополнение к хлебу, чаю и другая еда. Земцы строили детские сады и приюты для беженцев, обеспечивали их трудоустройство, создавали информационные агентства.

Экономические последствия войны привели к необходимости создания аппарата, координирующего гражданские и военные сектора. К 1916 году продовольственный кризис рассеял все иллюзии по поводу социально-политического порядка в России. В Оренбурге начались продовольственные бунты, за которыми последовали похожие беспорядки в Уфе и Красноярске. В Тбилиси наблюдалась острая нехватка хлеба, несмотря на то что на станции в Харькове стояло 1800 т зерна, выдача мяса была ограничена. К тому времени неотложность момента была особенно острой и требовались большие и координированные действия для спасения России от экономического краха.

Государственная дума учредила 4 компании для планирования продовольственных поставок. Земский союз и другие добровольные организации считали, что спасение России от проблем, созданных войной, лежит в мобилизации общества. Россия должна стать нацией могущественной, которой потребуются глубокая преданность людей военному делу. Другими словами, реформа проводилась в интересах правительства и проблемы инфляции и продовольственных поставок не могли быть решены без участия большого количества людей, при этом ограничения общественной инициативы снимались режимом. Раз за разом князь Львов уверял, что общественные организации, поддержанные реформой органов самоуправления «зацементируют русское общество и направят людские ресурсы в нужное русло». Он предупреждал, что «анархия — единственная альтернатива». Выводом этого заключения являлось то, что в интересах правительства была передача власти земству и добровольным организациям. «Ограничение их, — по словам Львова, — приглашение к катастрофе».

Многие царские министры также осознавали, что в результате развивающейся социально-политической трансформации и формирования правового общества последние следы са-

модержавия могут быть уничтожены. Значение различных групп из десятков тысяч профессионалов не может быть преувеличено. Национальные профессиональные организации однажды были предписаны законом. Однако для осуществления помощи в войне — оснащение госпиталей, управление поездами, эвакуация людей с фронта в тыл — ассоциации организовали собрания с участием технических экспертов для обсуждения волнующих всех проблем. Эти собрания были схожи с проводимыми в деревнях до войны.

К этому времени правительственная некомпетентность вынудила общество начать организацию тыла. Львов говорил, что «сейчас русская общественность приобрела признаки государственной власти». Позднее он призвал Земский союз решить проблему поставки мяса «с государственной точки зрения», т. е. повсеместно. Как раз этого правительство и боялось, и надеялось предотвратить, ограничивая межземские контакты. Правительство было недовольно уровнем практической деятельности, выполняемой Союзами и другими организациями. Министр внутренних дел Маклаков предупреждал, что эти организации без ограничений занимаются подготовкой почвы для реконструкции общественной жизни, которая должна придти с окончанием войны. Но другой министр правильно заметил, что «ликвидация этой проблемы невозможна, потому что они необходимы администрации». Закрытие общественных добровольных организаций лишь увеличило бы проблемы людей.

Благодаря контролю армии и ее благосклонности к добровольным организациям, внутри военной зоны эти организации были довольно независимы. Сейчас это могло быть названо «секретной миссией». Союзы, образованные для оказания помощи раненым солдатам, постепенно стали выполнять государственные функции. Земцы основали широкий круг организаций социальной помощи, включающих реабилитацию инвалидов войны, обучение и трудоустройство беженцев. Медицинский отдел организовал вакцинные и дезинфекционные лаборатории, бани и прачечные. Союз также приспособил речные суда: на нескольких баржах были организованы заводы, производившие ткани и обувь (у них были свои хозяйства по поставке кожи), строились гаражи и мастерские для обеспечения своей техники.

Естественно, что деятельность зарождающегося правового общества определялась необходимостью ответа на явления, обусловленные кризисом. К 1916 году значимость общественных организаций была очевидной. Львов писал: «Деятельность Союза уже давно приняла государственное значение. Союзы доказали, что то, что не выполнимо для правительства, выполнимо для организованных людских сил». Было доказано, что обществу нравилась государственная работа, и это показало огромный потенциал, скрытый в нем, а также то, что существующий административный механизм не использует его в полную меру.

Львов и земцы понимали, что дальнейшее промедление с модернизацией государства и политического устройства России невозможно. Они долго поддерживали существующий режим, но демократизация земств была первым шагом по пути предоставления крестьянам норм правового общества. Львов хотел до окончания войны провести только экономические реформы, т. к. считал, что политическая борьба ухудшит военную обстановку и помешает победе в войне. Коллегам он советовал «продолжать свою работу, так как мы верим, что именно в настоящей работе лежит спасение нашей страны». Ситуация изменилась после отказа царя встретиться с делегацией, возглавляемой Львовым.

Именно тогда общество поняло, что пути назад и возвращения к довоенному статусу нет. Действия Союза во время войны и контакты между различными слоями общества свидетельствовали о начале формирования новой русской социально-политической культуры.

Современные войны требуют таких же обязательств от граждан. Многие исследователи отмечали, что крестьяне в отличие от пролетариата не были знакомы с понятием «нация» и не имели каких-либо обязательств перед войной. Например, Брюс Линкольн утверждал, что «русские крестьяне идентифицируют себя не с нацией, а с провинцией, в которой они проживают». Хуберт Ян в исследовании русской патриотической культуры во время войны отметил, что использование внешних мотивов, например, таких, как представление кайзера и немцев в своих стереотипных образах, в пропаганде для крестьян, лишь показывает пропасть, разделяющую город и деревню. А внутренние мотивы — идея нации, борьба на стороне демократичных стран, например, таких,

как Англия и Франция, против немецкого милитаризма — работали лишь для горожан и образованной части общества.

Эта концепция исходит из простого игнорирования развития деревни в довоенный период. Отто фон Бисмарк считал сплочение немецкой нации заслугой и результатом усердной работы немецких учителей. А наблюдение Иогана Вебера о необходимости политического участия и образования для превращения «крестьян во французов» может быть применено к поздней имперской России. Постоянные и усердные попытки земцев расширить сферу своей компетентности и ввести общее образование, что превышало военные нужды, имело важное значение для интеграции крестьян и развития правового общества, что не было исследовано до настоящего времени.

И этот факт вновь ставит под сомнение теорию исторической неизбежности революции. Война предоставила не только новые возможности, но и испытания для органов местного самоуправления. Довоенные эксперименты в органах местного самоуправления и распространение массового образования только начали развиваться, когда Россия вступила в Первую мировую войну. Естественно, государственные вложения прекратились, так как нужны были средства на военную кампанию, и многие члены органов местного самоуправления посвятили свою деятельность помощи солдатам и беженцам. Тысячи образованных специалистов (доктора, учителя, ветеринары) были призваны на военную службу. Но война подняла интерес крестьян к внешнему миру, что послужило толчком для открытия сельских библиотек, газет, занятий грамотности, организованных земством. Крестьяне, служившие в армии, часто посылали письма с просьбами о поступлении их детей в школы. В результате к осени 1916 года земские школы были завалены такими заявлениями, многим из которых пришлось отказать. Война с Японией открыла крестьянам внешний мир, объяснив понятие «нация» через газеты и географические карты. Первая мировая война усилила жажду крестьян к новостям из внешнего мира, помогла в формировании национального единства.

С первых дней сражения крестьяне проявляли к нему большой интерес. Целые общины собирали деньги на подписку газет, которые читались вслух на общественных собраниях. Уче-

ники рассматривали карты с изображением Германии и своей Родины — России. Земцы поняли, что этот информационный голод можно использовать для формирования национального единства. Как писали «Русские ведомости»: «...Они читают газеты по вечерам и выходным. Люди собираются и, разбирая непонятный книжный язык, пытаются представить военные позиции других стран. На дешевых картах, купленных за 15 копеек, выделены передвижения фронта. Мозолистые пальцы каждый день проходят путь от Львова до Харькова, от Варшавы к Берлину. Они покупают газеты и книги для изучения географии и истории своей нации, не менее заинтересованы они и в технике: автомобилях, самолетах, дирижаблях, подводных лодках, автоматах и минах».

Земцы понимали, что одно обучение не изменит крестьянскую культуру. Только образовательные программы, включающие организацию библиотек, расширение курсов и образовательных программ для взрослого населения, только все это в целом изменит сознание крестьян и превратит их в граждан. Замечательно, что эти программы начались в военные годы. События 1905—1907 годов повысили интерес крестьян к обучению, трехлетнее сельское образование стало недостаточным. Земцы знали, что трехлетнее обучение в сельских школах не могло сломать нравы крестьян. Как писал Скотт Серезный: «Мы с уверенностью можем сказать, что предрассудки, которыми так богата наша деревня, остаются в первобытном состоянии у выпускников начальных школ, которые не расширяли мировоззрение учащихся, и выпускники после трех лет обучения остаются в беспросветной тьме».

Земцы увеличили затраты на образование в довоенный период и пытались найти возможность их расширения. Органы местного самоуправления наметили планы по проведению просветительской деятельности в деревнях. В каждом районе были открыты центральные библиотеки, в которых также проводились образовательные курсы и общественные лекции. Библиотеки представляли собой культурные центры с музеями и лекционными аудиториями. К 1914 году в Уфимской провинции было открыто 213 библиотек, что в два раза превысило их количество в 1913 году. Война, дав толчок крестьянской потребности в образовании, способствовала развитию национального единства, и как заметил Скотт Серезный: «Это означало начало конца их специфики».

Цель этой статьи заключалась в том, чтобы показать возможность существования стабильной, процветающей, демократической России, если бы у земской интеллигенции были условия для осуществления всех своих программ. Зарождение правового общества видно по земским выборам осенью 1917 года до большевистского восстания — через шесть месяцев после провала царского режима — и выборам Учредительного собрания в ноябре того же года. Некоторые ученые утверждают, что вероятность образования правового государства была низкой из-за изоляции крестьян от политической жизни нации. Несмотря на то что земские выборы проходили во время уборки урожая, и женщины, которым в первый раз было разрешено участвовать в выборах, держались подале от избирательных пунктов, явка была достаточно высокой — 40—50 %. Политическая зрелость общества проявилась во время выборов в Учредительное собрание, когда 50 миллионов граждан выразили свое мнение не на митингах, а через избирательный бюллетень. Военная деятельность земств осветила социальный и политический прогресс России, базирующийся на зарождающемся правовом обществе и ставший проводником будущего политического и экономического роста страны.

Библиографический список

1. *Ascher A., Stolypin P. A. The Search for Stability in Late Imperial Russia.* Stanford, 2001.
2. *Bradley J. Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly and the Autocracy, 1906—1914 // Reform in Modern Russian History: Progress of Cycle? / Ed. T. Taranovski. Cambridge, 1995.*
3. *Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // The American Historical Review. 2002. 4.*
4. *Civil Society and the State: New European Perspectives / Ed. J. Keane. New York, 1988.*
5. *d'Encausse H. C. Nicholas II, The Interrupted Transition. New York, 2000.*
6. *de Tocqueville A. Democracy in America. New York, 1945.*
7. *Emerging Democracy in Late Imperial Russia / Ed. M. Conroy. Niwot, 1998.*
8. *Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999.*

9. *Hubertus J.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London, 1995.
10. Imperial Russia: New Histories for the Empire / Eds. *J. Burbank, D. L. Ransel*. Bloomington, 1998.
11. *Lincoln B.* Passing Through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914—1918. New York, 1986.
12. *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
13. *Miliukov P. N.* Russia and its Crisis. New York, 1906.
14. *Petro N. N.* The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, 1995.
15. *Polner T.* Russian Local Government During the War. New Haven, 1930.
16. *Porter T., Seregny S.* The Zemstvo Reconsidered // Local Government in Russia: Power, Authority and Civic Participation // Ed. *A. Evans*. Lanham (forthcoming).
17. *Seregny S.* Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 2.
18. *Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. London, 1975.
19. *Washburn S.* Field Notes from the Russian Front. London, 1915.
20. *Белоконский И. П.* Оживление деятельности земства в сфере народного образования // *Русская школа*. СПб., 1908. № 12.
21. *Василевич В.* Губернские земские собрания очередной сессии 1909—1910 года // Там же. 1910. № 3.
22. *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3.
23. *Голитсынская Е.* О призванных на войну служащих по земскому страхованию и о материальном обеспечении их семей земствами // *Земский страховой вестник*. СПб., 1915. № 14/15.
24. Государственный архив РФ. Ф. 102. Оп. 17. Ед. хр. 343. Л. 10.
25. Десятилетие общеземской организации благотворительной помощи населению, 1904—1914 гг. М., 1914.
26. *Жилкин И.* Провинциальное обозрение // *Вестник Европы*. СПб., 1913. № 2, 11.
27. *Звягинцев Е.* Первый общеземский съезд по народному образованию // *Вестник воспитания*. СПб., 1911. № 6.
28. Известия Всероссийского земского союза. 1914. № 3; 1915. № 26; 1916. № 35—39, 47.
29. Красный архив. М., 1922—1941. № 2.
30. *Малиновский Н. П.* Война и деревня // *Русская школа*. СПб., 1914. № 9/10.

31. *Обухов М. И.* Народные и центральные библиотеки Уфимского губернского земства. 1914. Уфа, 1915.
32. Общеземская организация на Дальнем Востоке. М., 1908. Т. 1.
33. *Полнер Т. И.* Жизненный путь князя Г. Е. Львова. Paris, 1932.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1876. Т. 39. № 40457.
35. Текущая земская жизнь // Земское дело. 1916. № 2.
36. *Чарнолуцкий В.* Вопросы народного образования на первом общеземском съезде. СПб., 1912.
37. *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив русской революции. Berlin, 1926. Vol. XVIII.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. А. Будник

СТУДЕНЧЕСТВО КАК РЕЗЕРВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Конечно, нет никакой гарантии, что образование нельзя обратить во вред, используя его в качестве инструмента для насаждения мифологического и мифического толкования мира... Во избежание этого и должна вестись постоянная борьба за подлинное образование, наполненная высоким нравственным смыслом.

Английский педагог Б. Саймон

Постановка проблемы

Кого должна готовить высшая школа: интеллигентов или узких специалистов? Можно ли в высших учебных заведениях сформировать у молодых людей сущностные черты отечественной интеллигенции? По данным всероссийской переписи населения 2002 г., установлено, что доля молодежи, имеющей послевузовское, высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, составляет 22 %¹. Это — интеллектуальная и духовная элита нашего общества. От ее нравственных качеств и профессиональной подготовки зависит то, как будет развиваться

© Будник Г. А., 2009

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и культуры Ивановского государственного энергетического университета. admin@history.ispu.ru. budn@inbox.ru

наше общество в ближайшей и отдаленной перспективе. Нуждаются в научном анализе и изменения, происходящие в последние годы в высшей школе. Образование, с одной стороны, становится все более массовым, появляются различные типы учебных заведений, в том числе и частные, а с другой стороны, вследствие демографического кризиса резко уменьшаются конкурсы в вузы, усиливается феминизация студенчества. Появилось образование на основе частичной компенсации образовательных услуг, новые правила поступления в вузы (ЕГЭ), возможность получения второго высшего образования, различного рода грантов, обучения за границей и т. д. Отмечаются тенденции к изменению мотивации образования. Часто студенты выбирают учебные заведения не по призванию, а по тому, насколько легко они могут впоследствии трудоустроиться, каков будет заработок. Все это приводит к изменению социального состава, культурного облика, образа жизни студентов. Однако, как свидетельствуют социологические исследования начала нынешнего века, высшее образование оценивается как система с высоким потенциалом развития².

В последние годы из печати вышел ряд интересных работ, освещающих различные стороны истории студенчества³. Учебная и внеучебная деятельность студентов описывается в книгах по истории высших учебных заведений⁴, диссертационных исследованиях⁵. Однако интересующая нас научная проблема возможности (или невозможности) формирования в высшей школе интеллигенции не нашла должного отражения ни в современной научной литературе, ни в официальных материалах. В документах об образовании, в Государственных стандартах высшего образования подробно прописаны профессиональные характеристики будущих специалистов — металлургов, энергетиков, врачей, учителей и т. д. Однако вне поля зрения остались такие слабо различимые, тонкие явления, как нравственная составляющая личности выпускников высшей школы. Между тем, как справедливо подчеркнул в одной из своих последних работ В. С. Меметов, «замечено, что при большей “заинтересованности” всего общества и солидной государственной подпитке *вся система воспитания и образования* начинает мощно “работать” на новые идеалы, что почти сразу же сказывается на социально-

политическом, экономическом и культурном развитии всех граждан»⁶.

Чаще всего вопросы необходимости активизации воспитательной работы в вузах поднимают либо опытные преподаватели высшей школы⁷, либо молодые исследователи — интеллигентоведы. Проблемы становления, развития и деятельности интеллигенции ежегодно обсуждаются на международных конференциях в Иванове, проводимых по инициативе и под руководством В. С. Меметова. В 2008 г. научный форум специально был посвящен становлению молодой интеллигенции⁸.

Понятие «студенчество»

Полагаю, подход В. И. Ленина к этой социальной группе является методологически верным. В статье «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократия и интеллигенция)» он назвал ее «самой отзывчивой частью *интеллигенции*» (курсив мой. — Г. Б.)⁹. В качестве резерва интеллигенции рассматривали студенчество Г. И. Щетинина, С. А. Федюкин, В. Т. Ермаков¹⁰. Однако общепринятого понятия «студенчество» пока в отечественной науке не сложилось. Студенчество называют то «социально-демографической», то «социально-профессиональной», то «самостоятельной социальной группой», а иногда представляют как «слой интеллигенции» или «прослойку»¹¹.

Полагаю, такая разноголосица мнений еще раз доказывает, что *студенчество*, так же как и *интеллигенцию*¹² нельзя рассматривать только с социологических позиций. Попробуем сопоставить функциональные, духовные и биопсихологические характеристики студенчества и интеллигенции.

Студенты — это молодые люди, полные оптимизма, стремящиеся как можно скорее проявить свои таланты и способности. Однако из-за отсутствия у них жизненного опыта, они легко поддаются внушению, не имеют устоявшихся вкусов и привычек, ранимы, психологически не устойчивы, возбудимы, болезненно воспринимают неудачи и порой совершают неверные, по мнению старшего поколения, поступки. Известные социологи В. Т. Ливовский и А. В. Дмитриев писали: «...студенчество... представляет собой специфическую социальную группу, характеризующуюся особыми условиями жизни, труда и быта, социальным поведением и психологией, системой ценностных ориентаций. Для

их представителей подготовка к будущей деятельности... является главным, хотя и не единственным занятием»¹³.

На основе изучения работ педагогов, психологов, социологов, историков — Н. И. Кареева, Т. Парсонса, Р. Гросса, П. Остермана, Т. П. Беловой, Б. Берн и других¹⁴ — считаю, что *образ жизни* сближает студентов с интеллигенцией. Это, прежде всего, основной вид деятельности — поиск научной истины, осмысление сложных теоретических вопросов и их практическое воплощение. Кроме того, и те и другие находятся в особой интеллектуальной среде. Их повседневная жизнь требует кропотливого умственного труда, порой поднимающегося до творчества, наполненного радостью побед и горечью неудач. Необходимо также отметить, что часть студентов имеет близкие к интеллигенции *жизненные цели*. Это, с одной стороны, удовлетворение личных потребностей в саморазвитии, а с другой — участие в полезной для государства и общества профессиональной и общественной деятельности.

Положение о том, что студенчество близко к интеллигенции, подтверждается и рядом эмпирических исследований, в первую очередь касающихся жизненных позиций преподавателей и студентов. На основании одного из таких исследований (проведенного в 2004 г. НИИ интеллигентоведения, созданным известным ученым-интеллигентоведом В. С. Меметовым на базе Ивановского государственного университета) социолог Т. П. Белова, сравнив общие результаты по преподавателям и студентам, отвечавших на вопрос о том, что является для них главным в жизни, пришла к выводу, что по таким позициям, как «найти и выразить себя», «образовать семью», «быть полезными обществу», предпочтения абсолютно совпадали. «Однако у студентов в более значительной степени отмечается стремление найти и выразить себя, образовать семью, иметь детей, а у преподавателей — быть полезным обществу, что вполне объясняется статусными различиями данных категорий респондентов». Почти совпадают, по мнению Т. П. Беловой, преподавательские и студенческие оценки состояния здравоохранения и разрыва в доходах богатых и бедных в России. Что касается удовлетворенности различными сторонами жизни, то и преподаватели и студенты удовлетворены в первую очередь личной стороной своей жизни — общением с друзьями, взаимоотношениями в семье, личной жизнью в целом. Неудовле-

творены обе категории респондентов собственными доходами, материальным достатком в семье, правовой защищенностью. Как видим, различия в жизненных позициях преподавателей и студентов, прежде всего, определяются возрастными и статусными особенностями и не носят существенного характера. Обращает на себя внимание то, — отметила Т. П. Белова, — что принципиальных расхождений в понимании наиболее значимых качеств интеллигентного человека у преподавателей и студентов не выявлено. Такие качества, как «образованность», «ответственность», «честность», «воспитанность», правда, в разной последовательности, совпадали¹⁵. Таким образом, жизненные ориентиры и у студенчества, и у научно-педагогической интеллигенции имеют много общего, и было бы не разумно не развивать у студентов в благоприятной для этого культурно-образовательной среде высшей школы черт подлинной отечественной интеллигенции.

Подводя итоги, можно выделить следующие статусные черты студентов:

1. Студенчество — мобильная, временная социальная группа.

2. Студенчество — резерв пополнения интеллигенции, т. к. приобщение в вузе к инновационным технологиям, демократическому стилю жизни и мышления, выработка навыков взаимодействия с властными и общественными структурами формируют у студентов навыки, необходимые для развития прогрессивного и стабильного общества.

Итак, студенчество можно охарактеризовать как социальную группу, существенной особенностью которой является процесс приобретения профессиональных знаний и развития нравственных качеств в культурном пространстве высшего учебного заведения.

Формирование интеллигенции в высшей школе: теоретический аспект

Известно, что интеллигентным человеком, то есть гуманным, честным, порядочным можно стать, не имея высшего образования. Однако сущностными чертами интеллигента являются не только нравственные качества личности, но и умение на их основе осуществлять профессиональную деятельность. Следова-

тельно, *высшее образование играет важную роль в процессе формирования интеллигенции.*

Вместе с тем, формирование интеллигенции — это сложный, «двуединный» — биологический и социальный процесс. С одной стороны, интеллигенция — это дифференцированная социокультурная общность, а с другой — каждого отдельно взятого ее представителя можно рассматривать как уникальную личность. Ее развитие детерминировано как внешними обстоятельствами, так и природной организацией человека. Отдельные исследователи (бихевиористы) отводят биологическому развитию личности первостепенную роль, считая, что среда, обучение и воспитание являются лишь условиями для саморазвития, проявления природно обусловленных психических особенностей. Действительно, влияние биологического фактора на формирование личности игнорировать нельзя. Но по наследству передаются не качества, а определенные задатки, которые есть природная расположенность к той или иной деятельности. В современной педагогике утвердилась точка зрения о том, что биологический фактор влияет на формирование личности, но не играет решающей роли. Разовьются ли задатки, станут ли они способностями — это зависит от социальных условий, обучения и воспитания.

В то же время нельзя переоценивать и роль социальных факторов в формировании личности. Социальная, в данном случае — *образовательная среда*, т. е. научно-педагогические традиции, исследовательские школы и направления, формы и методы внеучебной деятельности в каждом конкретном учебном заведении, создающие атмосферу гуманности, доверия, безопасности, возможности для интеллектуально-духовного роста студентов, имеют важное значение в процессе формирования интеллектуально-духовных качеств студентов.

Подтверждением рассуждений на эту тему могут стать мысли известного русского психолога П. Д. Успенского. Цитируя своего легендарного учителя Георгия Гурджиева, он отметил, что «развитие человека идет по двум линиям... линии знания и линии бытия. При правильной эволюции линии знания и бытия развиваются одновременно, параллельно друг другу, помогая одна другой. Но если линия знания слишком опередит линию бытия или линия бытия слишком опередит линию знания, развитие че-

ловека пойдет по неверному пути и рано или поздно остановится»¹⁶. Под «бытием» П. Д. Успенский понимал целостность личности, наличие у людей таких свойств, как «ясное сознание», «свободная воля», «незыблемое Я», «способность к действию». При этом он подчеркивал важность равномерного развития того и другого. «Вообще говоря, равновесие между знанием и бытием более важно, чем развитие того и другого в отдельности... Если знание получает перевес над бытием, человек знает, но не может делать. Это бесполезное знание. Если бытие получает перевес над знанием, человек способен делать, но не знает. Иными словами, он может что-то сделать, но не знает, что именно надо делать. Бытие, которого он достиг, становится бесполезным, затраченные усилия оказываются бесполезными»¹⁷.

П. Д. Успенский рассматривал проблемы профессионального и нравственного развития личности, не используя термин «интеллигенция». Однако идеи ученого о том, что жизнь человека становится полноценной, а его деятельность приобретает личностный и общественно-значимый характер при правильном («равновесном») сочетании специальных знаний и нравственных качеств, является важной методологической установкой.

О важности социального и индивидуального равновесия в психологическом становлении человека писал и Ж. Пиаже, подчеркивая, что такое равновесие — недостижимый идеал, и призывая изучать реальные условия приближения человека к гармоничному равновесному состоянию. Мысли известного французского психолога позволяют сделать вывод о том, что период обучения в высшей школе может стать важным этапом в развитии духовного мира студентов. Без высшего образования интеллигенции как социокультурной общности не существовало бы. В связи с этим нельзя не согласиться с авторами монографии «Формирование российского интеллигента в университете» (СПб., 2000), в первую очередь с А. С. Запесоцким, М. С. Коганом, А. В. Островским, Е. А. Тулеевым, считавшими, что именно высшая школа способна продолжить начатое в средней школе и семье воспитание интеллигентного человека.

Итак, формирование и становление интеллигента происходит как стихийно, под влиянием генетических задатков, так и целенаправленно, в ходе специально организованного обучения и

воспитания. Высшая школа делает более упорядоченным и целенаправленным процесс формирования личности, смягчая или устраняя отрицательное воздействие внешних факторов. Будучи сложной системой, высшее образование в разных странах на разных этапах развития общества имело свои особенности. В то же время, процесс обучения каждого нового поколения основывался на деятельности предыдущих, создавая, одновременно, базу для потомков. Студенты усваивали духовный, культурный и профессиональный опыт интеллигенции предшествующего времени и формировали на этой основе личные убеждения, жизненную позицию, духовный облик. В результате складывается *глобальная сквозная тенденция* наследования традиций, обозначаемая как *формирование интеллигенции*. Говоря словами социологов, «интеллигенция воспроизводила себя главным образом через систему высшей школы, что характерно для этой социальной группы во всем мире. Рабочий класс и крестьянство, опять-таки в соответствии с мировым опытом — через другие общественные системы»¹⁸.

Что касается термина «формирование», то он близок по значению, но не идентичен понятиям «социализация», «воспитание», «обучение» и «образование»¹⁹. Итак, под формированием интеллигенции в высшей школе понимается *совокупность целенаправленных действий органов государственной власти, научно-педагогической интеллигенции и общественных организаций высших учебных заведений с целью выработки у студентов гуманистических взглядов, социально значимых убеждений, идеалов, установок, демократического мировоззрения, высоконравственных качеств на основе знаний о законах развития природы и общества, сферы материального производства и духовной культуры. Это процесс стимулирования и управления внешней и внутренней активностью студентов, в результате которого создаются условия для усвоения ими традиций отечественной интеллигенции.*

Студенчество как резерв интеллигенции

Становление интеллигента в высшей школе можно представить в виде процесса, состоящего из двух этапов²⁰: начального и зрелого. *Начальный этап* включает в себя развитие личности до приобретения профессии и выработки устойчивых ценностных

ориентиров. В это время студенты получают профессиональные знания, происходит становление норм поведения и этики интеллигентного человека. Огромное влияние на становление личности молодого человека в студенческие годы оказывает пример поведения, отношения к работе и жизни *преподавателей*. Как свидетельствуют результаты проведенного автором эмпирического исследования²¹, уважением у студентов пользуются научно-педагогические работники, имеющие не только широкий кругозор в сфере профессиональной деятельности, но и собственное видение предмета, жизненную позицию. В 1945—1970-е гг. такими преподавателями были, к примеру, академики Московского физико-технического института М. Д. Миллионщиков и В. М. Глушков, профессора Московского полиграфического института Д. П. Татиев и М. В. Урнов, профессор Ивановского энергетического института В. С. Федоров и доцент этого же вуза В. М. Черкасский. Для студентов было важно, что старшие наставники не воспринимали их в качестве однородной, безликой, усредненной массы, а знали по имени и фамилии, интересовались не только учебой, но и условиями быта, ситуацией в семье, интересами молодых людей. Зачастую воспитывали не столько беседы, сколько личный пример преподавателей. Многие представители научно-педагогической интеллигенции считали, что какую бы дисциплину ни вел преподаватель, он, прежде всего, — духовный наставник своих питомцев. Как естественное продолжение учебной работы они воспринимали руководство научными кружками, подготовку и проведение научных студенческих конференций, помощь студентам в организации быта и отдыха.

Наибольшие возможности для общения возникали на старших курсах. Обычно к этому времени студенты определялись с научной и профессиональной специализацией, а преподавателям становились ясны их жизненные цели и интересы. Конечно, индивидуальная работа со студентами, если она проводится не формально, — дело хлопотное. Однако в вузах были и есть преподаватели, заинтересованные в развитии у студентов творческого потенциала, умения довести начатое дело до конца, доброты, любви к профессии и Родине. Бывшая в послевоенные годы студенткой Ивановского педагогического института О. И. Хохунова вспоминала, что для того, чтобы помочь ей в подготовке курсовой рабо-

ты, профессор И. О. Зеленский специально приходил в научную библиотеку и с 10 часов утра до 4 часов вечера вместе с ней разбирал литературу. И такой подход преподавателей не был исключением. Занимаясь в одном читальном зале со студентами, они всегда готовы были ответить на их вопросы. В распоряжении наиболее заинтересованных наукой студентов были и личные библиотеки профессоров. Многочасовые беседы, начинавшиеся обычно с учебных вопросов и заканчивавшиеся размышлениями о труде преподавателя, новинках культурной жизни, были типичны для доцентов Ивановского педагогического института М. М. Бизяевой, Ф. М. Брескиной, старшего преподавателя А. В. Гуськова.

Выпускница Ивановского текстильного института О. А. Кочина вспоминала: «Некоторых преподавателей я помню до сих пор. Например, А. И. Попову, которая читала лекции по математике... Стройная, всегда подтянутая, очень любящая свою математику и очень хорошо относящаяся к студентам, хотя и была требовательной на экзамене... Запомнились занятия “дореволюционных” преподавателей, их строгое, но уважительное отношение к студентам... Они требовали от нас точности и аккуратности в работе. На их занятиях была особая патриархальная атмосфера»²². В связи с этим интерес представляют работы западных исследователей — Д. Белла, Т. Парсонса, Т. Рузжака, К. Гриерса и других, написанные на основе изучения студенческих волнений конца 1960-х годов²³. Авторы пришли к выводу, что *разрушение межличностных контактов и взаимопонимания между преподавателями и студентами приводит к деструктивному поведению последних*. Так, интересным является наблюдение американских исследователей С. Дженкса и Д. Кисмана²⁴, связывающих причины студенческого протеста с игнорированием преподавателями воспитательной работы, что было обусловлено их нацеленностью на более престижную и оплачиваемую научно-исследовательскую деятельность. Важным является и вывод В. Р. Ниблетта о том, что причиной студенческого неповиновения было то, что «высшие учебные заведения готовили специалистов для общества, которое само не уверено в своих основополагающих целях и ценностях»²⁵.

В связи с этим закономерно заключение о том, что *ведущим фактором формирования молодой интеллигенции является деятельность преподавателей высшей школы*. Именно по ее харак-

теру и результатам можно судить о степени развития у студентов нравственных качеств и профессиональных способностей.

Следующий этап формирования интеллигенции связан с самостоятельной духовной, общественной, трудовой деятельностью человека. В это время выпускники высшей школы трансформируют накопленные специальные знания и нравственные установки, полученные и закреплённые в высшей школе в виде результатов своей профессиональной и общественной деятельности, а также в общении с родными и близкими. На этой стадии значение влияния окружающих ослабевает. Человек сам становится источником интеллектуального и духовного влияния и действует в соответствии со сложившейся мотивационной структурой. «Формирование стабильной мотивационно-ценностной системы является одним из показателей завершения становления личности, которая имеет свое собственное “лицо”. Это “лицо” — совокупность идеалов, убеждений, взглядов, установок, определяющих отношение индивида к миру вещей, людей и к самому себе»²⁶. Иными словами, если у студента сформированы *сущностные черты*²⁷ отечественной интеллигенции, то он способен полноценно осуществлять прогрессивную интеллектуально-духовную деятельность. При этом сам специалист часто не осознает мотивов, определяющих его поступки.

Естественно, утопичным было бы считать, что все выпускники высшей школы станут подлинными интеллигентами. Вместе с тем, проблема формирования интеллектуально-духовного облика студентов является одной из актуальнейших в современных условиях выбора приоритетов государственной образовательной политики XXI века.

Примечания

¹ Подсчитано Е. С. Ревякиным. См.: Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества: Материалы XIX междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 2008. С. 210.

² См., напр.: Белова Т. П. Вузовская интеллигенция и студенчество как объект социологического анализа // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2.

³ *Всемирнов В. В.* Российское студенчество в первое десятилетие пролетарской диктатуры (1917—1927). Саратов, 1994; *Иванов А. Е.* Студенчество России в конце XIX — начале XX в.: социально-историческая

- судьба. М., 1999; *Поляков Ю. А.* Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII—XIX вв.). М., 1997.
- ⁴ См., напр.: *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет, 1918—2003 гг.: Очерки истории. Иваново, 2004; *Почивалова Е. И., Койфман О. И.* Из истории высшей школы в Иваново-Вознесенске. Иваново, 2005.
- ⁵ См., напр.: *Комкова А. Н.* Деятельность государственных учреждений, общественных организаций по развитию и поддержке творчества студенческой молодежи в 80-е гг. XX в. — начале XXI в.: (На материалах Костромской и Ярославской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007; *Рыбин Д. В.* История развития профессионального образования на Европейском Севере России в условиях реформ середины 1980-х — конца 1990-х годов: (На материалах Архангельской и Мурманской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- ⁶ Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: Монография / Под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2008. С. 34—35.
- ⁷ См., напр.: Современный воспитательный процесс: состояние и проблемы («круглый стол») // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 86—93; *Ветров Ю., Ивашкин А.* Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Высшее образование в России. 2006. № 1. С. 45—49; *Бутенко В. А., Никифорова О. И.* Еще раз о кураторстве // Студенчество: диалоги о воспитании. 2004. № 2. С. 20—22.
- ⁸ Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества: Материалы XIX междунар. науч.-теор. конф.
- ⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 343.
- ¹⁰ *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 14; *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 110, 121; *Ермаков В. Т.* Интеллигентоведение как самостоятельная область научного знания: (К постановке вопроса) // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 63.
- ¹¹ *Рубина Л. Я.* Советское студенчество. М., 1981. С. 21—22.
- ¹² Под интеллигенцией автор понимает социально-культурную общность, представители которой, обладая особыми свойствами психики, отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей.
- ¹³ *Лисовский В. Т., Дмитриев А. В.* Личность студента. Л., 1974. С. 29.

- ¹⁴ *Кареев Н. И.* Идеалы высшего образования. СПб., 1901; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; High School / Ed. R. Gross and P. Osterman. New York, 1973. P. 18; *Белова Т. П.* Указ. соч.; *Burn Barbara B.* Higher Education in a Changing World. New York, 1976; Higher Education and the Practice of Democratic Politics: A Political Education Reader / Ed. B. Murchland. Dayton, 1991.
- ¹⁵ *Белова Т. П.* Указ. соч. С. 24—28.
- ¹⁶ *Успенский П. Д.* В поисках чудесного. СПб., 1994. С. 78.
- ¹⁷ Там же. С. 80.
- ¹⁸ *Добрынина В. И., Добрынин В. В., Кухтевич Т. Н., Туманян О. В.* Общество — высшая школа — молодежь. М., 1995. С. 53.
- ¹⁹ Социализация — это «процесс, во время которого происходит восприятие и усваивание человеком определенной системы норм, ценностей, знаний данной культуры» (Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. С. 165). Воспитание — это специально организованная деятельность педагогов и воспитанников для реализации целей образования в условиях педагогического процесса. Обучение — способ осуществления педагогического процесса посредством организации усвоения студентами научных знаний и практики их применения. Термин «образование» пришел в Россию из Германии. В буквальном смысле в переводе с немецкого Bildung он означал «формирование образа» (духовного или телесного). В этом смысле его ввел в научный оборот великий швейцарский педагог И. Г. Песталоцци, а в русскую литературу — просветитель Н. И. Новиков. В настоящее время под образованием понимается процесс и результат усвоения систематизированных знаний и связанных с ними способов практической и познавательной деятельности. Все эти термины имеют междисциплинарный статус и широко используются в социологии, педагогике, психологии, истории, философии. Вместе с тем, термин «формирование» более интегративен. Он объединяет понятия «социализация», «обучение», «воспитание» и дополняется биологическим фактором. Мы говорим «воспитать человека», «подготовить специалиста», но «сформировать личность», «формирование интеллигенции». В высшей школе формирование интеллигенции осуществляется в процессе обучения, воспитания и взаимодействия с внешней средой. Данное утверждение созвучно идеям авторов «Российской педагогической энциклопедии», которые под формированием личности в педагогике также понимали процесс и результат развития человека под влиянием наследственности, среды и воспитания. При этом воспитание, будучи частью социализации личности, осуществляется через образование.

- ²⁰ М. А. Мамонтова, с точки зрения историко-антропологического подхода изучавшая профессионально-личностное становление ученых-историков, также выделяет два этапа, называя их «формирующий» и «продуктивный». См.: Современная отечественная историография: историко-антропологический аспект // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы: Программы специальных курсов и тексты лекций: В 2 ч. М., 2003. Ч. 1. С. 308—309.
- ²¹ Подробнее см.: Будник Г. А. Высшая школа и интеллигенция: воспитательный и образовательный эксперимент, 1945—1985 гг.: (На материалах Центрального района России). Иваново, 2003.
- ²² Из интервью автора от 10 октября 2001 г. с выпускницей Ивановского текстильного института 1977 г. О. А. Кочиной (архив автора).
- ²³ См.: Кризис высшего образования в капиталистических странах: Социологический анализ: Рефератив. сб. М., 1976. С. 31, 245; High School. P. 19, 22; Lewis S. Fewer. The Conflict of Generation: The Character and Significance of Student Movements. New York; London. 1969; Shils E. The Colling of Education Ethic and other Essays on Education. London, 1997.
- ²⁴ Кризис высшего образования в капиталистических странах. С. 98—99.
- ²⁵ Там же. С. 224.
- ²⁶ Современная отечественная историография: историко-антропологический аспект. С. 311.
- ²⁷ Термин впервые введен в научный оборот и обоснован В. С. Меметовым. Под сущностными чертами отечественной интеллигенции понимаются такие вневременные характеристики личности, как нравственность, патриотизм, подвижничество, милосердие, добросовестный труд на благо общества. Основополагающую по этой проблеме работу см.: Меметов В. С. Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008. См. также материалы научной конференции «Интеллигенция России: традиции и новации», прошедшей в Иваново под руководством В. С. Меметова в 1997 г.

В. М. Пряхин

ДОСТОЙНАЯ СМЕНА ИЛИ «ФАБРИКА МЫСЛИ»?

О состоянии отечественной высшей школы говорить сложно. Ещё сложнее говорить о её будущем. Едва ли какая-либо другая общественная сфера так тесно переплетена с понятием «информационное общество», как высшая школа, высшее образование. Это непреложный факт. Учёные-обществоведы, реально мыслящие политики многих стран с тревогой говорят о глобальной проблеме этой «третьей мощной смены парадигмы развития в истории человечества»¹. Ни один другой человеческий ресурс не воспринимается таким ценным в условиях информационного общества, как его самый образованный слой. Здесь не идёт речь о чисто прагматической стороне образования под привычным лозунгом о связи школы с жизнью. Значительные государственные и частные расходы на исследования и развитие образовательных учреждений, государственные инвестиции в образовательную деятельность средней и высшей школы, в послевузовское образование привлекли в высшие учебные заведения необычайно высокое число желающих получить высшее образование. По нашим подсчётам, каждое из высших учебных заведений Екатеринбурга, к примеру, увеличило свои контингенты более чем в два раза. Увеличились и сроки пребывания в стенах вуза. Но факты, которыми мы располагаем, говорят о том, что качество подготовки специалистов по сравнению с советским периодом в целом значительно снизилось. Требуется сильная политическая воля, чтобы сделать массивный прорыв в освоении новых образовательных технологий. Авторский взгляд на суть этой проблемы — и в условиях информационного общества не будет действовать автоматически повышенный спрос на высокопрофессиональных и высокообразованных выпускников высшей школы; возросший выпуск

© Пряхин В. М., 2009

Пряхин Валентин Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург).
vassilina@mail.ru

неминуемо должен быть сопряжён с интенсификацией их способностей жить и успешно трудиться в условиях информационного общества. А пока актуальной остаётся, например, ёмкая фраза: «Юристов подготовлено чересчур много, а хороших — не хватает»². Такой подход, на наш взгляд, самым существенным образом подправляет распространённое заблуждение в том, что глобальный характер смены общественных парадигм — необратимый процесс, связанный с современным техническим развитием. Мы исходим, прежде всего, из того, что общественные изменения, которые вызвали к жизни лейбл «информационное общество», и производные от развития техники реалии нельзя объяснить только технологической революцией; в большей степени — и это общепризнано — имеет место государственное и общественное регулирование.

Не грех здесь вспомнить так называемых подписантов советского периода развития высшей школы, преподавателей и профессоров советских вузов, которые будили общественное мнение своим неформальным отношением к воспитанию достойной смены, судьбе вузовской науки, направляя «наверх» подписанные также и их коллегами письма о действительном положении дел с обучением студентов и развитием кафедр, формированием научного потенциала. В июле 1952 года инициатор одного из подобных обращений, доцент Пермского университета Ф. А. Бынов, ставший впоследствии уважаемым профессором, с большой тревогой писал о наступлении университетских мракобесов в лице ректора университета и его заместителя по научной работе на биологическую науку³. Ф. А. Бынов в результате неустанной исследовательской и экспериментальной работы, выполняя свою главную миссию — быть Учителем, создал передовую технологию выращивания сахарной свёклы в условиях Приуралья. Письмо Ф. А. Бынова углубляет наши представления о состоянии биологии в нашей стране в указанный период. Среди преподавателей биологических предметов нет ни одного без учёной степени или звания. Тем не менее идёт процесс превращения биологического факультета в биологическое отделение химико-биологического факультета. Ликвидированы кафедры гистологии, энтомологии, гидробиологии и почвоведения, над созданием и процветанием которых трудились многие уральские учёные. Ликвидированы. Это слово впервые поверг-

ло автора данной статьи в шок при его употреблении уже в наше время в приказе по Уральской государственной юридической академии в отношении кафедры отечественной истории и культуры, возглавляемой доктором исторических наук профессором Маргаритой Ионовной Кондрашёвой.

Далее учёный с ещё большей тревогой пишет о намеченной ликвидации осенью 1952 года кафедры физиологии человека и животных. Таким образом, повествует вузовский учёный, останется только четыре кафедры вместо девяти. Противники биологической науки пошли на ликвидацию экспериментальных кафедр, которые по своему существу и оборудованию в наибольшей степени, по мнению Ф. А. Бынова, приспособлены для проведения научно-исследовательской работы в духе мичуринской биологии и павловской физиологии. Более того, идёт процесс сокращения научных работников. Основную причину сокращения кафедр (вот оно — нужное и щадящее слово) и научного персонала биологического отделения Ф. А. Бынов усматривает в малочисленности (явно искусственно созданной, если сравнивать с Уральским государственным университетом в Свердловске-Екатеринбурге) контингента приёма студентов — 25 человек — на первый курс. Письмо Ф. А. Бынов заканчивает вполне логичным выводом о том, что в постепенной ликвидации старого факультета трудно усмотреть государственную точку зрения⁴. Как всегда в подобных ситуациях, мы и здесь имеем дело с ложью. На требование секретаря обкома Филиппа Михайловича Прасса (которого и сегодня вспоминают в Перми добрым словом) сообщить о мерах, принятых по существу обращения Ф. А. Бынова в обком КПСС, ректор университета В. Ф. Тиунов направил информацию, которая находилась в явном противоречии с фактическим положением дел на биофаке. Министерство высшего образования СССР якобы не ставило задачей ликвидацию биологического факультета. И в наши дни дело обстоит не другим образом.

Вспоминается также история с попытками руководителей вышеупомянутого Уральского государственного университета им. А. М. Горького в послевоенное время «прихватить» Свердловский юридический институт (ныне Уральская государственная юридическая академия) и превратить его в свой юридический факультет, какового изначально в составе университета не чис-

лилось. Руководство университета с привлечением партийной организации вуза пошло, мягко говоря, на искажение информации о положении высшего юридического заведения, расположенного в одном городе с университетом. Судьба единственного юридического института на востоке страны, ныне стабильно занимающего 2—4 места в рейтинге юридических вузов, утверждаемом Министерством образования и науки РФ⁵, в результате непродуманных действий могла быть незавидной. По воспоминаниям одного из старейших профессоров СЮИ-УрГЮА, ныне покойного А. Ф. Козлова, только заступничество высокопоставленных выпускников вуза спасло его положение и позволило Свердловскому юридическому институту из вуза третьей категории превратиться в один из ведущих юридических вузов страны.

В контексте наших рассуждений центральным является убеждение в том, что система высшего профессионального образования продолжает занимать в современном обществе подобающее место и очень серьёзно влияет на получение жизненных шансов. Прежде всего, вуз готовит тот тонкий слой профессионалов, который мы привычно именуем интеллигенцией. В отличие от западных интеллектуалов её портрет немислим без нравственной составляющей. Следовательно, наряду с формальным высшим образованием нынешние выпускники, как и их предшественники, сформировавшиеся в основном в советской высшей школе, должны обладать некоторыми специальными компетентностями, не позволяющими им скатиться в интеллектуальное болото. Непрерывная послевузовская профессиональная подготовка в системе самообразования и (или) повышения квалификации непременно сочетается с повышенными требованиями к способности играть значительную роль в управлении общественными процессами, быть совестью народа. Знание является моделью действительности. Знание просвещает. Оно всегда в состоянии изменить реальность. В этом смысле знание есть универсальный феномен или постоянная антропологическая величина. С одной существенной оговоркой — знание несёт потенциальную свободу действий индивида и социальных групп и не может быть инструментом репрессий.

Интересны в этом смысле высказывания современных студентов о том, какими они представляют вузы двадцать первого

века. Студенты указывают на существующую сильную неоднородность качества образования по направлениям. В связи с этим они считают целесообразным более последовательно внедрять принципы, заложенные Болонской конвенцией:

- право студента на выбор учебных курсов (не менее 30 %);

- мобильность, то есть академическая свобода перехода в другие вузы;

- содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества обучения с целью разработки сопоставимых критериев и методологий.

Студенты воспринимают систему подготовки бакалавров наиболее приемлемой для большинства. Освободившиеся ресурсы предлагается направить на частичное дотирование переподготовки практических работников (минимум три года работы по профессии) со стороны государства. Молодые люди идут дальше. Они говорят о необходимости регламентировать стандарты предъявления информации о вузе его абитуриентам: о трудоустройстве выпускников, количестве победителей олимпиад, заработной плате преподавателей, технической базе и других показателях. К сожалению, представители самого младшего поколения вузовской интеллигенции остаются в плену прагматических представлений. Но нас должно радовать уже то, что студенты значительную часть заработанных вузами средств хотят получить в виде грантов и от продажи результатов интеллектуальной собственности вуза и относят это к одному из его самых качественных показателей⁶.

Вызывает интерес высказывание вузовского преподавателя Виктора Аркадьевича К. о проблемах современного высшего образования. Учёный считает социалистическую модель вузовского образования удачной, а нынешнюю войну за знания — неудачной копией западного образования. По его мнению, мы утратили бесплатность высшего образования, свободу формирования собственных учебных программ. Самое рациональное в суждении ординарного вузовского преподавателя — нет программы мировоззренческого и **ПРАВСТВЕННОГО** воспитания молодых учёных и инженеров. Плохо, на наш взгляд, то, что многие коллеги искренне видят главную цель правительства в том, чтобы «под-

мять» под себя студенчество, подчинить его и поставить на колени научную интеллигенцию. А это уже не образовательные и воспитательные цели, а — политические⁷.

Представители всех наук, предметом которых является человек и его воспитание, должны объединить свои усилия в создании целостной системы вузовского воспитания. К сожалению, приходится констатировать, что повсеместно вузовское педагогическое сообщество невиданно разобщено. Существует реальная опасность эволюции отечественной интеллигенции в направлении «фабрики мысли», «фабрики мозгов» (от английского think tanks). Отличительная черта учёных и практиков «фабрики» — полное отсутствие духовности, научной и профессиональной добросовестности, уважения к себе подобным. По определению журнала «Германия» (Deutschland. 2000. № 3), «фабрики мысли» предполагают не только трезвый анализ, но и политическую защиту решений. Журнал перечисляет несколько научных коллективов, зарекомендовавших себя в качестве «фабрики мысли». К ним относятся, например, Институт экономических исследований Германии, Институт климата, окружающей среды, источников энергии в Вуппертале и др. Послушное орудие в руках правящих кругов, «фабрики мысли» через средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование политического климата. Часто научные работники, входящие в «фабрики мысли», являются частью широко разветвлённой, многозвенной тематической сети. Приводятся статистические данные о численности «фабрик мысли» в Германии, Европе и мире. На сегодняшний день их действует около 100 (в мире — около 3000, из них 50 % — в Северной Америке, 20 % — в Европе), существует тенденция к росту. Определённое количество учёных избрали темой своего научного исследования «фабрики мысли».

Молодых учёных привлекают эти научные коллективы тем, что работа в них связана не с азбучными истинами; они предлагают перспективы и предпочтения. В ФРГ доля «фабрик мысли», финансируемых государством, очень высока по сравнению с другими странами. Сам собой напрашивается вывод, что государство выделяет десятки миллионов денежных средств научным коллективам численностью в 30—80 сотрудников под определённые проекты с условием их эффективного внедрения. Все проекты осуще-

ствляются в рамках академической науки, к примеру, Обществом Макса Планка. «Фабрикам мысли» частного финансирования пробиться в подобный строй настолько сложно, что только немногим из них удаётся внедриться в колонну этих гигантов мысли. Чаще всего это разного рода фонды, которым как раз и подобает поддерживать учёных в их нередко сложном, но общественно полезном исследовании: Фридрих-Эберт-Фонд, Конрад-Аденауэр-Фонд, Генрих-Бёлль-Фонд, Роза-Люксембург-Фонд и др. Журнал сообщает о базировании большого числа значительных «фабрик мысли» в крупных землях ФРГ: Баварии, Северном Рейн-Вестфалии, Гамбурге. В хвастливой для многих германских изданий манере автор публикации относит данный факт к завоеваниям германского федерализма и усиленному участию земель в создании и финансировании «фабрик мысли», а также структуре СМИ. Из них только надрегиональные печатные СМИ базируются в столице.

В других европейских странах руки «фабрик мысли» протянулись и к высшим учебным заведениям. В Англии существуют тесные контакты их главных штабов с важнейшими университетами страны, такими, как Лондонская высшая школа экономики и др. Такого интенсивного сотрудничества нельзя наблюдать в Германии и США. Автору публикации в журнале «Германия» придется только сожалеть о том, что в Берлине едва ли появится столь политически ангажированная интеллектуальная среда, где «фабрики мысли» смогут играть выдающуюся роль. А стоит ли сожалеть?

В качестве послесловия напрашивается вывод о проблеме финансирования российских вузов. Здесь никакого аналога с вузами Германии или других европейских стран нет. Есть, как говорили в советские времена, предложение осуществлять финансирование вузов, в том числе по наличию в них авторитетной профессуры, авторитетной не по связям с друзьями и товарищами, а по месту в научной иерархии, полученному по установленным на Западе индексам цитирования. Деньги должны приходиться не только вслед за студентом, но и вслед за профессором, и уходить вместе с ним. Издержки постсоветской вузовской автономии, на наш взгляд, тормозят истинную академическую свободу в системе науки и образования страны. Наметившаяся тенденция отнесения вузов к разряду приоритетных с точки зрения финансирования неоднозначно воспринимается в вузовской среде. По-

лучение Московским и Санкт-Петербургским университетами высокого статуса федеральных, двойного финансирования и максимальной свободы образовательной и коммерческой деятельности некоторыми коллегами воспринимается как ущемление прав и неза заслуженное унижение вузовского сообщества.

Проблемы российского высшего образования, вышеупомянутые «фабрики мысли», нескоординированные действия российских чиновников от науки могут ещё более отдалить реформу высшей школы от её завершения. Всё это имеет своим следствием никем не отрицаемую проблему с квалифицированными кадрами.

По словам известного отечественного юриста, советника Президента Российской Федерации В. Ф. Яковлева, только 10 % наших российских юристов служат «Law and order» (Закон и порядок), а остальные — хозяину, излюбленный заказ которого — как обойти закон, не платить налоги и обогатиться. Как показало время, «научно обоснованное консультирование» по политическим, экономическим и общественным вопросам на деле превратилось в мощный противовес сложившимся научным и обыденным представлениям о месте и роли интеллигенции в жизни общества. «Фабрикам» неведомы бескорыстное служение идее и жертвенность ради общественного блага. Такие, с позволения сказать, «фабрики», как грибы после дождя появляются в разных областях знания и культуры, научных и учебных заведениях, органах власти разных уровней.

Таким образом, усилия научной и вузовской интеллигенции должны быть сосредоточены на преодолении идеи внедрения в нашу воспитательную систему и практику «фабрик мыслей» в качестве альтернативы социальной группе высокопрофессиональных и высокообразованных представителей российского общества, традиционно, а с точки зрения науки логично именуемых интеллигенцией. Такие усилия послужат будущему России, устойчивому развитию российского общества.

Примечания

¹ См., напр.: *Meinhard M. Von der Arbeitskraft zum Wissen. Merkmale einer gesellschaftlichen Revolution // Merkur. 55 (2001) 3. S. 203.*

² *Пряхин В. М. Юридические профессии: Электрон. учеб. пособие для студентов-юристов. Екатеринбург, 2006. С. 8.*

³ Государственный общественно-политический архив Пермской области. Ф. 105. Оп. 18. Д. 161. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 90—92.

⁵ См. материалы буклета о ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия» (Екатеринбург, 2008. С. 3).

⁶ <http://www.expert.ru/articles/2007/03/02/vyscomments>.

⁷ Там же.

А. М. Баженов, Т. М. Мартынова

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
КАК ФАКТОР ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

В толковых словарях понятие «ценностная ориентация» объясняется как избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении. Сама же категория «ценности» (немецкое *der Wert* — ценность, значение) появилась в контексте эпистемологических и методологических разработок проблематики содержания знания, в особенности — этики (аксиологии) и эстетики, позднее — наук о культуре.

Структура ценностей как регулятивного механизма достаточно сложна. Она предполагает действие по соединению нескольких смысловых планов, производимых самим действующим. Причем действующий должен определить, как ему следует действовать, исходя из существующих императивов. Сложность структуры ценностей является причиной того, что процесс усвоения ценностей индивидом предполагает значительные затраты

© Баженов А. М., Мартынова Т. М., 2009

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии гуманитарного факультета Тульского государственного университета. (4872) 33-24-18

Мартынова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии гуманитарного факультета Тульского государственного университета. forum@uic.tula.ru.

времени, усилия таких социальных институтов, как семья, образование, наука, средства массовой информации. Поэтому восприятие ценностей не сводится к чисто идеологической роли, ценности нельзя навязать, их можно лишь «вырастить», поместив самого действующего в определенные условия взаимодействия. Взяв во внимание эти общие соображения, можно обратиться к анализу ценностных ориентаций молодежи.

Процесс складывания ценностных ориентаций в молодежной среде носит сложный и противоречивый характер. Надежды на восприятие и быстрое усвоение молодежью демократических принципов занимали в представлениях либеральных партий в России одно из ключевых мест. Возможности модернизации российского общества и его экономики непосредственно связывались с принятием комплекса идей прав человека, частной собственности, свободы, защиты от произвола со стороны государства. Предполагалось, что в процессе естественной смены поколений произойдет институциональное закрепление подобных представлений, усвоенных молодежью, постепенное распространение этих установок в обществе, а также вытеснение прежних советских стереотипов и комплексов.

Именно в таком ключе и интерпретировались различия мнений молодежи и других социально-демографических групп, зафиксированные во многих опросах общероссийских и региональных служб на всем протяжении проводимых ими исследований. Действительно, в начале 1990-х годов в ответах молодежи сильнее и отчетливее, чем среди населения в целом, проступали приверженность демократическим правам и свободам, значимость ценностей экономического либерализма, ориентации на успех и достижение, большая готовность к взаимодействию и контактам с западными партнерами и т. п.

Однако примерно к середине 1990-х годов в работах некоторых исследовательских центров, в том числе ВЦИОМа, основанных на анализе прежде всего «мониторинговых» вопросов, было показано, что приписывание молодежи роли проводников модернизации и носителей новых либерально-демократических ценностей, приверженцев западной модели политической и экономической систем по сути выдавало желаемое за действительное. Сравнительный анализ данных по поколениям, возрастным

категориям показывал, что «прозападные» ориентации молодых имели преимущественно декларативный и фазовый характер. Иначе говоря, по мере взросления молодые все больше вписывались в структуру тех массовых базовых ценностных представлений, которые не слишком далеко ушли от советского прошлого. Этот вывод подтверждает директор Левада-центра Л. Гудков: «Когда в девяностых годах мы начинали свои исследования, в частности “проект советского человека”, мы думали, конечно, что это уходящий тип. Наши надежды были связаны с молодым поколением... Но прошло 15 лет, и молодежь, которую мы описывали, стала взрослой. Процесс вписывания ее во взрослую жизнь означал принятие прежних установок, поэтому изменения, которые, казалось, будут очень значительными, на поверку оказались гораздо более скромными или даже разочаровывающими»¹.

В то же время, выясняя жизненные ориентиры у молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет, социологи из Фонда общественного мнения предложили участникам расположить 33 ценностно окрашенные слова по убыванию значимости. Первые семь мест заняли: «семья», «брак», «дружба», «деньги», «любовь», «карьера», «успех». Последние два слова — «творчество» и «духовность». Из этого исследования вытекает, что новое поколение отменило идею построить справедливое общество, существовать ради всеобщего счастья.

В наборе ценностей особое место занимает свобода. По данным Левада-центра, примерно 57 % респондентов, в том числе молодых, полагают, что в России достаточно свободы, 24 % считают, что ее слишком много, и только 12 % — что ее слишком мало². Одним словом, свобода не является безусловной ценностью для большинства россиян. В выборе «свобода или порядок» три четверти выберут порядок. В выборе «государство — свобода существования» минимум две трети выберут государство³. Российское население, в составе которого значительное место занимает молодежь, предпочло бы зарплату, выплачиваемую вовремя, бесплатные образование и медицину.

Конечно, на самочувствие молодежи в определенной степени повлияли социальные отношения в нашем обществе, утвердившиеся в последние годы. Молодежь, за достаточно короткие сроки адаптировавшаяся к социальным и политическим пере-

нам, стала противопоставляться массе дезориентированного, «выбитого» из привычной колеи населения, недовольство которого использовали в своих интересах партии левого или национал-патриотического направления. Возникло парадоксальное явление: молодежь, воспринимаемая другими социально-демографическими группами как носитель нового, новых ценностей, с течением времени и сама стала относиться к себе как когорте, более ценной в определенном смысле, чем другие поколения, не прилагая для этого каких-либо специальных усилий, не ознаменовав себя в социальном плане особыми достижениями. Молодежь воспринимает свои «привилегированные» позиции скорее как нечто закономерное, «получив в руки» в готовом виде свободы и возможности, ранее недоступные для людей старшего возраста, а потому относясь к ним не как к ценностям, а как к само собой разумеющимся условиям индивидуального существования.

К разряду духовных ценностей у молодежи относится и религия. В современной социологии религии проводятся различные исследования, связанные с отдельными аспектами влияния религиозно-нравственного фактора на те или иные стороны жизнедеятельности молодежи. Чаще всего в исследованиях религиозность молодежи определяется по таким критериям, как отношение ее к вере в Бога, религиозная идентификация по конфессиям, степень доверия верующих в соответствующих религиях к духовенству, выявление степени религиозной активности верующих в посещении церквей, мечетей или молитвенных домов. Часть молодежи, которая называет себя верующей, преимущественно посещает храмы «от случая к случаю», а около 13 % «не посещает вообще». Вот некоторые суждения молодых по этому поводу: «посещаю храм, когда мне тяжело и нужна духовная поддержка»; «в храм прихожу по праздникам»; «обязательно посещаем церковь при венчаниях, крестинах и отпеваниях»; «сейчас посещать церковь стало модным, а храм, где встречаются с вечностью — не место для моды»; «не хочу ходить в церковь как в клуб, которым она может стать в наше время»; «пытаюсь строить храм в душе своей»⁴.

Кроме того, исследования предусматривают и выявление степени соблюдения молодежью религиозных обрядов, а также выяснение отношения верующей молодежи к девиантным формам поведения.

Одним словом, верующим считает себя подавляющая часть молодежи. Фактически все категории опрошенных (более 70 %) указали на то, что они «верят в Бога». В то же время обращает на себя внимание тот факт, что около 20 % респондентов не связывают себя ни с одной религиозной организацией.

По этому поводу, на наш взгляд, важное умозаключение высказал Л. Гудков: «По существу, востребован не этический потенциал религии, а институциональные ресурсы церкви — возможности установления дополнительного социального контроля за поведением граждан, прежде всего — подрастающего поколения»⁵. С точки зрения же самой православной церкви, такая политика усиливает ее авторитет и возможности влияния.

В системе ценностей у современной молодежи значительная роль отводится культуре. Культура — это способ настройки, проектирования каждого миллиметра нашей жизни, колоссальный и неисчерпаемый ресурс защиты от дефицита личности, особенно при переходе в будущее информационное и глобальное общество. Среди новых вызовов современной реальности, как полагают футурологи, выживут сообщества и государства, в которых присутствует наибольшее число творчески ориентированных личностей. Один из немногих позитивных прогнозов Э. и Х. Тоффлеров в книге «Революционное богатство» — надежда, что мир в крови и слезах начнет двигаться к новой гуманитарности.

В то же время надо признать, что возможности и преимущества российской культуры по обеспечению модернизации нашей страны в последние 15 лет не были использованы во всей мощи. По мнению специалистов, сегодня в нашей стране в необходимой степени не воспроизводится художественно подготовленная аудитория. Не хватает продвинутых зрителей, способных воспринимать лучшие, т. е. сложные, произведения мирового искусства. Торжествуют развлекательные литература и театр. По данным последних исследований, уровень литературного развития мальчиков-подростков ухудшился с 1990 года в пять раз, а девочек — в четыре раза⁶.

Справедливости ради необходимо обратить внимание и на другую тенденцию. Социологические исследования фиксируют, что книга в среде молодежи, особенно студентов, обладает особым преимуществом. Это преимущество — интимность. История

не бывает плохой или хорошей. То, что происходит сегодня с книгой, тоже часть истории культуры. По мнению аналитиков, книга останется. В подтверждение этого вывода можно сослаться на суждение С. Рассадина: «Пойдем ли, что русская литература — лучшее, а возможно, единственное, что Россия дала миру?»⁷

Иллюстрацией к сказанному может служить и разработанная целевая комплексная программа «Культура Тульской области», рассчитанная до 2010 года. В соответствии с ней одним из приоритетных направлений является развитие библиотечного дела. В 2006 году в области было 636 общедоступных библиотек, где находилось 10,6 млн экземпляров книг⁸.

По данным Левада-центра, жанровые предпочтения читателей среди взрослых и молодежи выглядят следующим образом: российские боевики и детективы — 16 % из числа опрошенных; «женский» детектив — 19 %; классические зарубежные детективы — 13 %; новые западные детективы-бестселлеры — 7 %; фэнтези — 9 %; мистика, ужасы, готика — 11 %; классические историко-приключенческие романы — 18 %; исторические романы о России — 18 %; проза, романы-эпопеи советских лет — 5 %; книги о Великой Отечественной войне — 14 %; русская дореволюционная классика — 14 %; зарубежная классика — 14 %; современная отечественная проза — 9 %; современная зарубежная проза — 6 %; отечественная и переводная поэзия — 4 %; другая художественная литература — 6 %; не читаю художественную литературу — 5 %; нет ответа — 25 %⁹.

Что касается чтения периодических изданий тульской молодежи, то здесь картина мало меняется по сравнению с прошлыми годами. Из местных изданий самыми читаемыми молодыми людьми по-прежнему являются «Слобода», «Молодой коммунар» и рекламные газеты и журналы. Среди центральных газет, как правило, молодые читатели называют «Аргументы и факты», «Комсомольскую правду», «Московский комсомолец», которые привлекают их внимание.

Нельзя не признать и роли в формировании духовного мира молодых поколений такого средства, как Интернет. Доступ к нему с каждым годом расширяется. Особенно это стало возможным в связи с распространением в среде молодежи ноутбуков. Как выясняется, студенты используют персональный компьютер

главным образом в образовательных целях; гораздо меньше — в производственных (30 %) и досуговых (24 %). Как свидетельствует статистика, сегодня в России Сетью пользуется каждый пятый житель. По другим источникам, Интернетом пользуются в лучшем случае около четверти населения¹⁰. Причем основная доля пользователей приходится на городскую молодежь.

Телевидение также выражает культурные запросы населения, в том числе молодежи. Кстати, информацию по нему получают 97 % россиян. В то же время содержание многих программ первого и второго каналов российского телевидения подвергается жесткой критике со стороны тех, кто занимается воспитанием молодежи.

В ряду досуговых мероприятий значительное место у молодежи отводится просмотру кинофильмов. По нашим наблюдениям, большой интерес со стороны студентов был проявлен по отношению к таким фильмам, как «Остров» Павла Лунгина и «12» Никиты Михалкова.

В последние годы у молодежи повышенный интерес вызывает клубная жизнь. В Туле подобных заведений насчитывается до десяти. Своеобразным путеводителем по клубной жизни для молодежи выступает газета «Молодой коммунар», где в каждом пятничном номере под рубрикой «Гусовка» помещается обширная информация о предстоящих мероприятиях в развлекательных центрах. Само существование этих клубов, степень вовлеченности молодых людей в их среду являются в конечном счете положительным знаком нашей повседневной жизни.

В этих клубах молодежь приобщается к музыке, в основном, как принято говорить, легкого жанра. Здесь выступают достаточно профессиональные музыкальные группы и солисты. В связи с этим иногда можно слышать упреки в адрес молодежи из-за ее увлечения такого рода музыкой. Но не надо забывать, что подлинное искусство способно воспринимать лишь три-четыре процента населения. Такое явление касается всех стран мира. Кроме того, монологическое искусство умерло в 70—80-е годы прошлого века, как утверждают специалисты. На смену авторскому искусству пришло соавторское.

Итак, широкий диапазон ценностных ориентаций способствует духовному развитию молодой российской интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Гудков Л.* История мстит за себя появлением незрелого, фрустрированного, авторитарного человека // *The New Times*. 2007. № 29. С. 12—13.
- ² *Липский А.* Фоторобот российского обывателя. Ч. 2: Реформы или стабильность // *Новая газета*. 2008. № 40. С. 13.
- ³ *Ростова Н.* Не безусловная ценность // Там же. № 39. С. 17.
- ⁴ *Хриенко А. П.* Метаморфозы религиозно-нравственной детерминации сознания молодежи // *Социологические исследования*. 2007. № 7. С. 83.
- ⁵ *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008. № 1. С. 23.
- ⁶ *Дондурей Д.* Невидимая рука культуры // *Новая газета*. 2007. № 42. С. 20.
- ⁷ *Рассадин С.* Черное и белое не просите // Там же. 2008. № 18. С. 20.
- ⁸ *Тульская область, 2006: (Стат. сб.)*. Тула: Туластат, 2007. С. 91.
- ⁹ *Дубин Б.* Сегодня нет границы между гламурным чтением, проблемной литературой и социальной критикой // *The New Times*. 2007. № 31. С. 51.
- ¹⁰ *Ростова Н.* Указ. соч. С. 17.

Э. Б. Ершова

ДАВНО ОЖИДАЕМАЯ МОНОГРАФИЯ

В издательстве Ивановского государственного университета в 2008 году вышла давно ожидаемая специалистами по истории российской интеллигенции монография «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции» под редакцией доктора исторических наук, профессора В. С. Меметова, руководителя единственного в России центра по интеллигентоведению. В 2009 году исполнится двадцать лет, как профессор В. С. Меметов проводит в Иваново на базе своего университета конференции по интеллигентоведению. Дискуссии, касающиеся интеллигенции, с каждым годом усложняются, становятся все более интересными, и, кажется, пока их многообразие не видно конца.

В самом начале пути Валерием Сергеевичем Меметовым была определена задача — разработать теорию и выработать методологию исследования интеллигенции. Знакомство с материалами первых конференций, где не пришлось участвовать по ряду причин, а затем ежегодное участие в них позволяет утверждать, что процесс шел настолько разнообразный и разноуровневый, что выйти на какую-то однозначную систему объяснения теории и методологии исследования интеллигенции не было возможности. Подтвердилась мудрость Козьмы Пруткова — «нельзя объять необъятное». Темы были действительно многообразные, затрагивали все мыслимые и немыслимые сферы жизни, деятельности, роли

© Ершова Э. Б., 2009

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). elvira40@mail.ru.

в обществе, в микро- и макромирах человеческого бытия, и России в частности. Казалось, что мы так и не выберемся из этого лабиринта определений интеллигенции и всего того, что ее сопровождает. Но многолетние обсуждения все же позволили ряду ученых ивановских вузов сделать обобщающие выводы, подготовить материалы, опубликовав их под общим названием «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции». Монография интересна по многим факторам: подбору авторов, которых мы знаем много лет как активных участников ивановских конференций; по разнообразию поднятых вопросов, анализ которых позволяет выстроить систему теории и методологии исследования очень сложного явления в российской истории — интеллигенции.

В своем Предисловии В. С. Меметов дал краткое объяснение взглядам авторского коллектива, как бы подготавливая читателей к тому, на что они должны обратить внимание и в какую систему выстраиваются освещаемые проблемы. С этим нельзя не согласиться, но хочется поделиться и своей точкой зрения по поводу этой монографии.

Раскрытие проблемы генезиса, типологии, теоретико-методологических подходов к исследованию интеллигенции и ее положения в контексте мировой цивилизации дано в первой главе, автором которой стал В. С. Меметов. Безусловно, что приоритет в раскрытии этих основополагающих факторов в изучении интеллигенции и должен принадлежать ему как человеку, глубоко внимающему во все научные исследования выдвинутой им проблемы. Анализ научных изысканий за прошедшие десятилетия позволяет видеть насколько разрослась тематика исследований, в каких науках (философии или истории) и какие темы получили более широкое освещение. К нашей радости, историки больше изучают эту проблему, чем философы, — 1054 диссертации по истории против 275 по философии. Эта констатация факта не в упрек философам. Видимо, историческая наука придает большее значение разработке проблемы роли интеллигенции в российском обществе, его развитии и совершенствовании. Интересные сведения приводятся в таблице о числе научных открытий и технических изобретений с VIII века до н. э. по XX век (1908 г. включительно) на территориях Греции, Рима и Западной Европы в целом после принятия христианства. Конечно, по этим данным можно только косвенно считать,

что они были созданы интеллигенцией (или вначале прединтеллигенцией). Скорее всего, эти люди могут быть причислены к разряду базисной группы будущих технико-инженерных кадров, что требует несколько иного подхода к изучению того периода. В данной главе автор дает множество аспектов, которые можно рассматривать в качестве постановки вопроса и возможности дальнейшего более подробного изучения.

Историографический анализ проблемы древнерусской интеллигенции, ее вековых исторических корней, способствовавших формированию отечественной интеллигенции в более поздний период, дан в главе «Интеллигенция Древней Руси и проблемы государственной власти», подготовленной А. Е. Кабановым. Касаясь историографии интеллигенции, автор остановился на аспекте штучности древнерусского интеллигента, основываясь на мнениях П. Н. Милюкова и Д. С. Лихачева, не подлежащих сомнению. Да, это и понятно, ибо основные характеристики более массового количества интеллигенции могли только еще закладываться. Здесь и необходимость формирования социокультурной среды, и уровень образованности, которым в большей степени обладали священнослужители (часто бывшие учителями князей и их приближенных), ведавшие документацией правителей. Подробнее А. Е. Кабанов остановился на характеристиках нескольких древнерусских князей и их государственной деятельности, в которой он выделил такие взаимосвязанные сферы, как политика и книжность. Думается, что этот аспект еще нуждается в разработке, он очень интересен с позиции формирования первооснов русской интеллигенции.

Начальным этапом формирования российской интеллигенции автор следующей главы — Д. А. Столяров называет период XVI—XVII веков, который, безусловно, был рубежом между средневековой Русью и Россией нового времени. Так же как и предыдущие авторы, Д. А. Столяров опирается в своих выводах на ряд публикаций известных ученых, но при этом четко говорит и о своем понимании проблемы. Он особенно обращает внимание на открытие в Московском государстве учебных заведений как материальной базы для появления большого количества образованных людей, привлекавшихся к государственной службе. Церковное образование при этом уходило на второй план, что озна-

чало приближение России к светскому обществу, когда появлялись писатели, переводчики, распространялась книжность и книгопечатание. Это свидетельствовало о расширении социальной базы будущей настоящей интеллигенции. В главе дается представление о жизни России нового времени и представителей ее культурного слоя, характеристика которых включала в себя уже и нравственные принципы. На наш взгляд, такая постановка вопроса имеет право на существование и очень интересна.

В продолжение темы интеллигенции XVI—XVII веков в IV главе Н. Г. Юркиным рассмотрена роль управленческой интеллигенции в становлении государственной и гражданской службы. Изменение структуры управления, как государственного в форме приказов, так и местного уездного и волостного, требовало большого количества образованных людей, что вело к созданию слоя управленческой интеллигенции, которая должна была обладать определенными нравственными и деловыми качествами. Эти проблемы и рассмотрел в разделах «Приказная служба: востребованность образования», «Развитие государственной службы в России и управленческая интеллигенция», «Нравственные качества управленцев и эффективность приказной службы» своей главы Н. Г. Юркин, приводя в пример известных в нашей истории имена бояр и дворян, служивших Отечеству верой и правдой и оставивших нам в наследство многое из того, что было ими сделано, в частности понимание необходимости просветительской деятельности на своих местах.

Невозможно обойти вниманием философские рассуждения С. М. Усманова о тенденциях развития интеллигенции как особого социального слоя в процессах модернизации XIX—XX веков на опыте России, Востока и Запада. Автор достаточно интересно осмысляет высказанную в разное время рядом ученых точку зрения об интеллигенции. В частности, им приводится мнение философа и культуролога И. В. Кондакова об интеллигенции как «круге людей культуры», в характеристике которых явно не хватает социологического и политологического анализа. И в этом с С. М. Усмановым нельзя не согласиться. Интеллигенция, особенно российская, невероятно сложное и многоуровневое явление, и каждый ученый, исходя из своей темы исследования, дает ей определение, в котором актуализированы черты, раскрывающие

тому. Данная глава интересна не только представленными точками зрения других ученых-интеллектоведов, но и корректно-критическим подходом к ним.

Теория формирования интеллигенции и политической элиты России в XVIII—XX веках как серьезнейшая проблема с позиций их взаимоотношений предложена В. В. Комиссаровым в VI главе монографии, где под комплексный анализ понятий «интеллигенция» и «политическая элита» подведена теоретическая база, а методологической основой стал междисциплинарный подход изучения истории и деятельности интеллигенции с учетом как социо-профессиональных, так и нравственно-этических и философских критериев. Самое главное, на наш взгляд, что В. В. Комиссаров не только теоретизирует, но и на исторических фактах доказывает обоснованность своего мнения.

XX век необычайно усложнил как ситуацию в мире в целом, так и в России, где ко многим трагическим моментам оказалась причастной интеллигенция. Разброс ее взглядов по отношению к монархии — от мифа до радикального стремления «уничтожить всю царскую семью» (что и произошло в 1918 г.), очевидно, необходимо неоднократно изучать и осмысливать. Проблему монархического мифа, существовавшего в сознании части русской интеллигенции (которую принято относить к правому крылу политических сил России 1900-х гг. и до февраля 1917 г.), на основе культуросцентричного принципа в тесной связи с деятельностью противостоявших между собой различных движущих сил и партий рассмотрел в своей главе В. П. Раков. Ученый сделал четкий вывод, бродивший в умах многих историков, о том, что неспособность Николая II как «Государя» управлять страной в ходе революционного процесса привела к разочарованию в его личности, в идее России как Империи, к духовному краху правых. Однако, думается, что такая постановка вопроса может быть исследована и раскрыта по отношению и к другим политическим силам интеллигенции. Это было бы очень интересно.

Структурировав XX век на ряд периодов, авторы не обошли вниманием и советское время, проблему формирования советской интеллигенции. С. С. Садина повернула эту тему в русло отношений «советская интеллигенция — народ», рассмотрев основные принципы их взаимоотношений через призму ретроспек-

тивного взгляда. Это несколько иной подход, чем был принят в течение многих десятилетий XX века. Одно дело — полемика левых партий по вопросу «интеллигенция — народ» с либералами, и другое — уже в период революционной перестройки всей государственной системы. В этом материале важна попытка раскрыть связь между поколениями интеллигенции — от революционеров до кадров, подготовка и воспитание которых шли различными путями (вплоть до репрессий).

Особенностям, трудностям, противоречиям и перспективам диалога интеллигенции с клиром и паствой Русской Православной Церкви в постсоветской России посвящена совместная глава В. С. Меметова и С. М. Усманова, в которой интересно сопоставление фактов из опыта России и Украины как уже самостоятельных государств. Привлекает и название главы — «Интеллигенция около церковной ограды: на путях к диалогу в постсоветской России». Вывод авторов достаточно оптимистичен: и в России, и в Украине существуют различные направления, формы и особенности сближения интересов интеллигенции и Церкви для сотрудничества, несмотря на трудности и противоречия, имеющие частично региональные особенности, а в некоторых случаях и конфессиональную специфику (в частности, на Украине — церковные расколы и активность Ватикана). И здесь нельзя не согласиться, ибо автору рецензии пришлось с этим столкнуться воочию на трассе Краков — Львов. Разумеется, диалог между интеллигенцией и Церковью необходим и неизбежен, ибо проблема судеб Отечества, его нынешнего состояния и перспектив на будущее, как ипостась настоящей российской интеллигенции и укрепление нравственных начал в жизни общества не могут оставаться в стороне. Необходимо закрепление в обществе мировоззренческих устоев, открывающих пути к истинной духовности.

На основании историко-политологического анализа, проведенного с позиции системной методологии, А. А. Беловым обозначены исторические вехи коэволюционного развития информационного пространства и общества. Наиболее интересным, с нашей точки зрения, является аспект формирования единства интеллекта и интеллигентности в одной личности, представляющей собой русского интеллигента. Как-то ранее это было само собой разумеющимся, но исследование А. А. Белова показывает, что все

не так однозначно, а переход мирового сообщества к освоению информационных полей, космоса и других инноваций требует иного анализа и подхода к такому феномену, как российская интеллигенция в современном мире.

Продолжением этой темы можно назвать публикацию взглядов Г. С. Смирнова в главе «Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции», где на основе исследований академика В. И. Вернадского о роли сознания и научной мысли в планетарном развитии человеческой цивилизации автор сформулировал развитие тенденций общества «духовной формации», т. е. совершенствование человека не только как деятеля общественного, материально-экономического развития, но и духовно-интеллектуального, в котором воедино сливаются многие потоки ноосферного измерения.

Учитывая, что монография написана в рамках междисциплинарных исследований, невозможно не отметить XII главу «Интеллигенция и социальный порядок в современной России» профессора Ю. М. Воронова, в которой проанализирована роль интеллигенции в контексте социологических дискурсов. Многоаспектность акцентов, названных автором при характеристике различных сторон социума и социального порядка, не позволяет более широко прорецензировать этот материал, но то, что он важен и интересен, можно утверждать однозначно.

Коллектив авторов можно поздравить с удачей, ибо они постарались как можно более объемно рассмотреть теорию и методологию исследования проблемы интеллигенции, хотя за рамками осталось множество тем, которые пока еще находятся в статусе постановки вопроса, но есть надежда на их решение теми, кому дорога история российской интеллигенции.

Исходя из всего вышеизложенного, необходимо отметить, что монография «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции» очень своевременна, актуальна и важна для всех поколений ученых, занимающихся такой проблемой, как российская интеллигенция, но особенно она важна для молодых ученых, которые, смеем надеяться, не станут начинать свое исследование с объяснения понятия «интеллигенция», а сразу, изучив эту монографию, не теряя времени, будут глубоко и серьезно разрабатывать ту тематику, которая еще ждет своего исследователя.

Э. Б. Ершова

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В 2007 году в Белоруссии вышел библиографический справочник о белорусских историках XXI века (Корзенко Г. В. *Историки Беларуси в начале XXI столетия*. Минск: Белорусская наука, 2007. 600 экз. 472 стр.). Это первый опыт обобщения не только фамилий историков, которых знают в республике, но и их биографические и служебные данные, научные интересы и публикации. Как в мире, так и в России такой опыт уже наработан. Известен библиографический центр в Оксфордском университете под названием «Кто есть кто?» в разных сферах деятельности: отраслей науки, известных деятелей, среди женщин мира и т. д.

В России под редакцией А. А. Чернобаева вышло 2 выпуска «Историки России», в которых постоянно обновлялся материал о тех, кто ведет работу по историческим исследованиям, публикуется, становится мэтром в своем направлении. И это очень интересный материал об историках XX века.

Теперь таким же интересным документом современной эпохи, уже XXI века, является публикация Г. В. Корзенко «Историки Беларуси в начале XXI столетия».

В своем предисловии автор справедливо утверждает, что инновационное социально-экономическое развитие государства нельзя обеспечить без участия науки, в которой главную роль играет человек, способный взять ответственность за будущее своей страны. В этом плане важнейшее значение имеет историческая наука, ибо она способствует изучению закономерностей экономического развития, роли социальных институтов в этом процессе, основных направлений, форм и моделей построения гражданского общества. Без знания истории нельзя сформировать общество, в котором была бы осознана и воплощена идея патрио-

© Ершова Э. Б., 2009

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). elvira40@mail.ru.

тизма и любви к своей Родине. В формировании такого сознания большое значение для любой страны имеет развитие исторической науки, объективное освещение прошлого и настоящего, из чего вытекает существенная роль ученого-историка, историка-интеллектуала, понимающего значимость правдивого освещения всех исторических этапов развития страны, ее движения вперед или отката в каких-то ситуациях назад.

«Что же представляет собой научное сообщество историков Беларуси в начале XXI века?» — задает автор такой вопрос себе и обществу. И отвечает, что историки Беларуси, будучи хранителями и трансляторами ретроспективной информации, определяют национальное историческое сознание. Этому способствуют динамично развивающиеся исторические исследования, формирование новой организационной структуры, расширение источниковой документальной базы. Возможность свободной конкуренции идей и концепций на рубеже XX—XXI веков активизировала научную деятельность историков, что позволило глубже осмыслить сложные политические, социально-экономические и духовные процессы прошлого. На основе этого обновилась и расширилась тематика разработок на исторических факультетах и гуманитарных кафедрах вузов.

Анализ перечисленных в справочнике публикаций многих белорусских историков позволяет сделать вывод о том, что провозглашение суверенитета Республики Беларусь привело к кардинальному пересмотру концепций истории Беларуси. Очевидно, это можно объяснить тем, что в условиях государственной независимости вырос интерес не только молодежи, но и всего населения республики к истокам, истории и культуре своего народа. Неудивительно, что историческое образование стало приоритетным в системе гуманитарных дисциплин вузов, ибо оно формирует гражданское самосознание нации. Значительный вклад в разработку проблем отечественной истории вносят ученые Института истории НАН Беларуси, которые за 1991—2007 годы опубликовали более 130 работ.

Современная белорусская интеллигенция исторической науки имеет значительный кадровый потенциал, квалификационный уровень которого растет. С 1991 по 2007 год в республике и за ее пределами защищено более 70 докторских и 380 кандидатских диссертаций.

По библиографическому справочнику Г. В. Корзенко видно, что в республике идет формирование новых исследователей, основу которых составляют молодые ученые, работающие по самой разной тематике.

Однако необходимо отметить, что при всей новизне подходов и методологии исследований, новая генерация исторической интеллигенции не могла бы начинать все с чистого листа. Поэтому неудивительно, что в справочнике можно найти имена ученых, научный путь которых начинался еще в советские времена. Так, автору этой рецензии было приятно увидеть среди историков Беларуси XXI века фамилию своего однокурсника по Высшей партийной школе при ЦК КПБ (1971—1973 гг.) Киселя Виктора Павловича, а также Костюка Виктора Павловича — ученого секретаря Института истории партии при ЦК КПБ в 1970—1975 годах, с которым приходилось часто общаться во время исследований по своей теме «Деятельность Компартии Белоруссии по подготовке и воспитанию кадров культпросветработников в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)». Среди молодых ученых-историков я узнала Дубенецкого Эдуарда Станиславовича — сына моего однокурсника по партшколе. Это то поколение, которое идет за нами и открывает новые горизонты исторической науки.

Публикация в республике такого издания свидетельствует, что в Беларуси давно ведется работа по подготовке систематизированной справочной литературы о научных и профессорско-преподавательских кадрах — научной интеллигенции. Данная работа — это необходимое и во многом знаковое явление в историографии, хотя во время создания подобных трудов зачастую сложно определить жанр — краткий биографический очерк, эссе, воспоминания современников и т. д. При этом нельзя не согласиться с автором справочника в том, что это не историография в ее классическом виде, поскольку он не стремился к концептуальному анализу развития науки в четко ограниченных хронологических и тематических рамках, а лишь через микроисторию — биографии исследователей — пытался отразить многогранную деятельность научного сообщества, увековечить память об ученых. И в этом плане — ощущение искренней признательности к ушедшим навсегда коллегам и учителям. В связи с этим хотелось бы пожелать Институту истории НАН Республики Беларусь из-

дать такого же типа справочник об историках XX века, среди которых было много известных ученых, занимавшихся историей Белоруссии, и не их вина, что они вынуждены были осуществлять свою деятельность с позиций идеологом советского периода. Но их работы и сегодня ценны фактическим материалом, на который может опереться молодой ученый, используя новые методологические подходы, сопоставляя формационный и цивилизационный аспекты истории. В свете этого фактора накопление информации об ученых, их деятельности и трудах, в обращении к истокам научной мысли, сохраняется историческая преемственность поколений в науке. Можно сказать, что в таких справочниках фрагментарно присутствуют материалы об историках. Правда, автор сообщает, что в планах Института истории на перспективу — выпуск фундаментального издания «Историки Беларуси в XX столетии». Это было бы просто замечательно.

Говоря о содержании справочника, необходимо отметить то, что он отражает жизненный и творческий путь, рост и формирование интеллектуального потенциала белорусской исторической науки на 1 января 2007 года. Источником более точных данных стало анкетирование ученых, работающих в научных учреждениях и высших учебных заведениях Беларуси, и создание на основании этого уникального компьютерного банка данных об ученых, определение круга интересов представителей различных сфер исторического знания, их творческая и общественная активность. Нет сомнения в том, что анкетирование было добровольным во всех научных центрах и потому объективно отразило весь жизненный и творческий путь каждого ученого, вошедшего в этот справочник. Можно себе представить, какая огромная работа была проведена при подготовке этого материала.

Представленный труд является первым в республике научно-аналитическим изданием. В него включено свыше 400 биографий отечественных историков, продолжающих свою научную деятельность по сей день.

Прав Георгий Владимирович Корзенко, когда пишет, что «в научных и вузовских коллективах сегодня успешно и плодотворно трудятся представители разных возрастных групп, те, кто в послевоенный период пришли в историческую науку, чей вклад получил широкий общественный резонанс, и те, кто делает свои

первые шаги на историческом поприще. Достаточно полно представлено формирование научного мировоззрения нового поколения отечественных историков, которому суждено генерировать новые идеи, определять приоритеты исторической науки в XXI веке». Именно от поколения к поколению идет передача основных характерных черт интеллигенции исторической науки — корректность по отношению к тем, кто уже дал свое видение историческим событиям и явлениям, и новое прочтение тех материалов, которые раньше были просто недоступны. Такой тандем в науке может только способствовать ее движению вперед.

Автору же биографического справочника «Историки Беларуси в начале XXI столетия» — Г. В. Корзенко можно пожелать дальнейших успехов в его начинании составления биографий историков-интеллигентов.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Отзывы и рецензии на диссертации

Уважаемые читатели, коллеги! Мы продолжаем информировать вас об интересных диссертационных исследованиях и дискуссионных проблемах, возникающих в ходе обсуждения и защиты диссертаций по различным проблемам отечественной истории.

Редколлегия журнала представляет (в изложении) отзыв ведущей организации на кандидатскую диссертацию **Самойловой Елены Владимировны «Интеллигенция в социокультурном пространстве губернских городов Западной Сибири в 1860—1890 гг.»**.

В отзыве подчеркивается, что современный социокультурный процесс многомерен и многозначен. В условиях глобализации человечество сталкивается с комплексом многоуровневых проблем, решение которых связывается с активностью интеллектуальной части общества. В России особое место в социокультурном процессе всегда занимала интеллигенция. Роль и место интеллигенции в отечественной истории является предметом научных дискуссий, обсуждается в современной науке и публицистике. Поэтому обращение к изучению феномена интеллигенции в контексте развития провинциальной городской культуры представляется актуальной научной задачей. Изучение данной проблемы в русле междисциплинарных научных связей позволяет выявить существенные особенности данного культурного феномена, становится инновационным уже на уровне формулирования темы и рабочей гипотезы.

Материалы подготовили: **Загребин Сергей Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Челябинского государственного педагогического университета. (8212) 43-20-08.

Худобородов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета.

Введение диссертации начинается с обозначения актуальности и изложения историографии проблемы. Е. В. Самойлова использует общепринятую в постсоветской российской науке периодизацию историографического наследия и рассматривает до-революционный, советский и современный этапы изучения проблемы. Используя проблемно-тематический принцип, автор выделяет базовые темы научных исследований предшественников. Так, в частности, рассматриваются труды, посвящённые природно-географическим, общественно-политическим, историко-культурным параметрам развития провинциального города. Отдельным блоком освещаются труды, посвящённые российской интеллигенции. Диссертант выделяет доминирующие методологические принципы российских историков, изучавших феномен интеллигенции. Позитивным видится раздел историографии, в котором автор анализирует деятельность ведущих российских научных школ интеллигентоведения (Ивановской, Екатеринбургской, Омской и др.). Достоинством историографического обзора является освещение трудов по всему комплексу вопросов, связанных с феноменом города и интеллигенции. После историографического раздела уместным видится авторское позиционирование, обозначение специфических характеристик собственной работы, таких, как объект, предмет, цель, научные задачи, хронологические и территориальные границы, методологическая и источниковая база диссертационного исследования. Перечисленные параметры работы сформулированы достаточно чётко и убедительно. Особо следует отметить источниковую базу исследования. Е. В. Самойлова проанализировала документы из десятков фондов семи архивных хранилищ федерального и регионального уровней, отдельные документы впервые вводятся автором в научный оборот. Изложение источниковой базы исследования хорошо структурировано по типологии и информационной насыщенности документов. Завершается введение обозначением научной новизны исследования, которая, на наш взгляд, заключается не столько в комплексном, сколько в междисциплинарном характере работы.

Первая глава «Социокультурное пространство западносибирских городов и губернская интеллигенция» задает своеобразные координаты всему исследованию. В первом параграфе «Губернские сибирские города как социокультурные центры» опи-

сываются социально-экономические и социально-культурные составляющие городского пространства. Е. В. Самойлова анализирует генезис статуса сибирских губернских городов в исторической динамике. Геополитическое положение Сибири и особенности экономического развития края рассматриваются как факторы формирования культурных традиций и особого уклада повседневной жизни горожан. Автор исследует сложную систему общественных отношений в городской среде, отмечает особенности общественной жизни, для которой было характерно равнодушие к духовному и нравственному саморазвитию; отмечаются асоциальные формы городской культуры, такие, как пьянство, сексуальная распущенность, криминальность.

В параграфе сопоставляются формы повседневной культуры и досуга различных социальных групп и сословий городского населения. К сожалению, данное сопоставление не становится предметом подробного сравнительного анализа. Е. В. Самойлова доказывает тезис о приоритетном влиянии процессов модернизации на качественное изменение социокультурной жизни провинциальных городов. По мнению диссертанта, модернизационные процессы предопределили известную политическую либерализацию и развитие местного самоуправления. Все эти трансформации стимулировали деятельность провинциальной российской интеллигенции. Вместе с тем, охранительные препоны направляли гражданскую активность интеллигенции не на политическую борьбу, а в сферу общественного просвещения. Автор утверждает, что под воздействием интеллигенции наблюдаются первые позитивные изменения в культурной жизни российской провинции.

Второй параграф «Представления интеллигенции о социокультурном пространстве западносибирских городов» посвящён анализу ценностных оснований деятельности провинциальной интеллигенции. В нем выявляются и описываются качественные характеристики интеллигенции как особой социокультурной общности (самосознание, социальная самоидентификация, мировосприятие и др.). Е. В. Самойлова для характеристики креативной части провинциальной интеллигенции использует термин «ревнители Сибири». Интересным представляется предпринятый опыт анализа деятельности различных категорий провинциальной интеллигенции, в том числе чиновничества и политссылных. В параграфе приво-

дятся многочисленные цитаты из документов и мемуаров, отразивших своеобразие ментальных характеристик сибирской интеллигенции. Завершается глава развёрнутыми итоговыми выводами.

Вторая глава «Профессиональная и общественная деятельность интеллигенции Западной Сибири» посвящена анализу основных сфер социокультурной активности сибирской интеллигенции. В первом параграфе «Вклад интеллигенции в развитие медицины и здравоохранения» исследуется деятельность общественных организаций, таких, как «Общество естествоиспытателей и врачей», «Общество содействия физическому развитию», «Физико-медицинское общество» и иные подобные институты формирующегося гражданского общества. Раскрываются основные этапы становления добровольных обществ сибирских врачей, формы и методы их работы, роль и значение в улучшении санитарного состояния городов и оздоровлении населения.

Во втором параграфе «Интеллигенция в сферах образования и науки» исследуется деятельность сибирской интеллигенции на ниве народного просвещения; раскрываются региональные особенности в деятельности сибирского учительства, сопоставляется учебно-воспитательная работа в различных типах учебных заведений, описываются формы и методы работы культурно-просветительских обществ, вечерних курсов, народных чтений, воскресных школ и библиотек в сфере народного образования. Позитивным видится широкое использование в главе мемуарных источников и публицистики, в которых ярко отразились как особенности социокультурной ситуации, так и специфика личностного взгляда на общественные проблемы сибирских интеллигентов второй половины XIX века.

Третий параграф «Культурно-просветительская и попечительно-благотворительная деятельность интеллигенции» завершает общий анализ деятельности западносибирской интеллигенции. В нем описывается работа интеллигенции в церковных приходах, приютах, филантропических и благотворительных обществах. Е. В. Самойлова анализирует различные направления деятельности таких обществ (организация народных чтений, выставок, экскурсий, литературных и музыкальных вечеров, праздников). Позитивным выглядит в главе отражение вклада в развитие городской культуры конкретных личностей — сибирских интеллигентов. Завершается

глава развёрнутыми выводами. Автор доказывает тезис о приоритетной роли интеллигенции в «приращении и трансформации» социокультурного пространства западносибирских городов.

Заключение диссертации содержит итоговые выводы. Е. В. Самойлова дает характеристику феномену сибирского провинциального города, определяет его геополитический статус и социокультурное значение. Далее обозначаются параметры выделения различных категорий провинциальной интеллигенции как носителей определённой системы духовных ценностей. Деятельность интеллигенции подразделяется автором на духовно-теоретическую и духовно-практическую. Данное синтетическое единство рассматривается как основание креативности провинциальной интеллигенции. В итоге делается вывод об особой роли интеллигенции в поступательном социально-экономическом развитии западносибирского региона. Завершается диссертация списком источников и литературы, построенным по проблемно-тематическому принципу.

Основным достоинством диссертации Е. В. Самойловой является самостоятельность теоретических обобщений междисциплинарного историко-культурологического характера и многообразии источникового материала, использованного в работе. Хорошее владение современными методами исследования, применение контент-анализа позволяет говорить об обоснованности и аутентичности выводов диссертации. Вместе с тем, необходимо отметить отдельные недочёты:

1. В работе много говорится о различных категориях интеллигенции. При этом практически отсутствуют: а) чётко сформулированные критерии типологии провинциальной интеллигенции и б) сравнительный анализ деятельности, роли и места каждой подгруппы западносибирской интеллигенции.

2. В диссертации недостаёт чёткости в систематизации фактологического материала. В первой главе свидетельства современников о сибирском городе звучат и в первом, и во втором параграфах, хотя именно второй параграф призван специально осветить особенности восприятия городской жизни интеллигенцией. Во второй главе проблемы благотворительности в сфере народного просвещения раскрываются как во втором, так и в третьем параграфах главы, хотя именно третий параграф посвящён феномену благотворительности.

3. В приложении к диссертации было бы уместно разместить краткие биобиблиографические сведения о наиболее ярких представителях западносибирской интеллигенции.

Следует подчеркнуть, что перечисленные замечания не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования.

Анализ диссертации Е. В. Самойловой, автореферата диссертации (отразившего основные положения диссертации); знакомство с научными публикациями (в которых апробированы отдельные идеи работы) позволяют сделать следующие выводы. Е. В. Самойлова овладела понятийно-категориальным аппаратом исторической науки, освоила основные методы исторического исследования, подготовила самостоятельную научную работу, содержащую обоснованные выводы. Диссертация Е. В. Самойловой соответствует требованиям ВАК. Исследование может быть использовано в научной работе историков и культурологов, изучающих развитие российских городов и феномен интеллигенции, а также краеведов. Представляется возможным присуждение Самойловой Елене Владимировне искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история».

Отзыв утверждён на заседании кафедры истории, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета, протокол № 2 от 21 сентября 2006 года.

* * *

Отзыв официального оппонента, доктора исторических наук С. С. Загребина, на кандидатскую диссертацию **Ермолюка Алексея Викторовича «Взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией в 1988—2000 годах (На материалах Челябинской области)»**.

Официальный оппонент в своем отзыве останавливается на следующих аспектах оцениваемой диссертации. В современном российском обществе не прекращаются дискуссии о роли и месте Русской Православной Церкви (РПЦ) как социокультурного института, субъекта экономических, политических отношений и Православия как системообразующей основы отечественной культуры. Ведущие российские учёные, политики, общественные деятели высказывают полярные суждения по этим вопросам, ак-

тивно участвуют в продвижении своих идей в сферу практических действий. В этих условиях представляется актуальной как с научной, так и с практической точки зрения изучение истории РПЦ, в частности исследование проблемы взаимодействия Церкви, государства и интеллигенции на этапе трансформации советской общественно-политической системы в конце XX века.

Введение диссертации начинается с обозначения актуальности исследования, определения территориальных и хронологических рамок работы, обоснование которых не вызывает возражений. Историографический раздел диссертации строится по проблемно-хронологическому принципу. Позитивным видится стремление автора выявить методологические принципы работ предшественников, определить круг наиболее распространенных проблем изучения истории Церкви в отечественной науке. А. В. Ермолюк достаточно подробно анализирует историографический материал, выделяя в нём проблемные блоки, выявляя концептуальные отличия работ отдельных историков, устанавливая закономерности развития научной мысли в контексте изменений исторической реальности.

После историографического раздела следует авторское позиционирование, определение цели и задач, объекта и предмета, методологических принципов диссертационного исследования, формулировки которых достаточно убедительны. Далее автор подробно излагает источниковую базу своей научной работы. Следует отметить, что А. В. Ермолюк изучил материалы сорока архивных фондов трёх крупных архивов: ГАРФ, РГАНИ, ОГАЧО. Представляется позитивным избранный автором типологический принцип обзора использованных документов. Их количественное многообразие и качественное разнообразие позволяет говорить о репрезентативности фактологического материала диссертации.

Первая глава «Перестройка во взаимоотношениях Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией (1988—1991)» состоит из трёх параграфов. В первом параграфе «Реорганизация доперестроечной системы церковно-государственных отношений» автор сопоставляет генезис политических приоритетов в центре и в провинции по отношению к РПЦ. По мнению А. В. Ермолюка, знаковым событием в данном процессе стало празднование 1000-летия Крещения Руси. В параграфе детально реконструирован процесс подготовки и проведения этого мероприятия в Челя-

бинске. По мнению автора диссертации, празднование тысячелетнего юбилея следует рассматривать как значимый информационный повод, использованный властью для привлечения симпатий верующих к процессам перестройки и демократизации. Торжества по случаю юбилея прошли по всей стране и тем самым, как доказывает автор, «форсировали развитие церковно-государственных отношений в духе перестройки». Особое место в параграфе уделено описанию структуры государственного управления религиозными отношениями в центре и на местах, а также анализу изменений нормативно-правовой базы, регулирующей государственно-религиозные отношения в стране. Подобные изменения организационной и юридической составляющих церковно-государственных отношений носили демократичный характер и способствовали активизации религиозной жизни как в столице, так и в провинции. В параграфе значительное место уделено анализу направлений взаимодействия власти и Церкви в Челябинской области. Например, подробно освещена история передачи культовых зданий верующим, детально проанализированы формы сотрудничества церковных и государственных структур, участие священнослужителей в светской жизни (борьба за мир во всём мире, охрана памятников истории и культуры, выборы народных депутатов и т. д.).

Второй параграф «Система атеистического воспитания населения Челябинской области и её демонтаж в 1988—1991 гг.» раскрывает другую важную проблему церковно-государственных отношений, связанную с идеологическим и мировоззренческим противостоянием светского государства и Церкви. В параграфе подробно реконструирована организационная структура атеистической пропаганды в регионе, определены сферы компетенции и основные направления работы каждой подсистемы атеистического воспитания, начиная с обкома партии и заканчивая общественными организациями. Автор, анализируя архивные документы и периодическую печать, приходит к выводу о планомерном изменении отношения власти к вопросам атеизма в контексте празднования тысячелетия Крещения Руси. Это проявилось, в частности, в генезисе идеологической парадигмы, когда в официальных документах пафос воинствующего атеизма заменяется декларацией религиозной толерантности. Автор отмечает, что уже через год после юбилея атеистические мероприятия почти

полностью исчезают из планов идеологических отделов обкома и горкомов партии, происходит реальный демонтаж всей системы атеистической работы. По мнению диссертанта, подобная эволюция советской системы связана с качественными изменениями в политической жизни страны, в умонастроениях социума.

Третий параграф «Новые черты во взаимоотношениях Церкви и интеллигенции (1988—1991)» продолжает исследование проблем предыдущих разделов. А. В. Ермолюк раскрывает причины трансформации позиции отечественной интеллигенции по отношению к религии и Церкви. Автор утверждает, что разочарования в коммунистической идеологии стали той почвой, на которой развивались симпатии интеллигенции к религии. Кроме того, по мнению диссертанта, российская интеллигенция никогда не имела устойчивой системы ценностей и меняла мировоззрение в зависимости от веяний времени. Данная позиция представляется достаточно спорной. Позитивным видится другое, а именно выявление в параграфе форм взаимодействия интеллигенции и Церкви в Челябинской области. В частности, автор отмечает рост научного интереса челябинских исследователей к истории Церкви, определяет круг научных проблем и способы их решений, отмечает «неатеистический, объективный и доброжелательный подход к вопросам религии» региональных учёных. А. В. Ермолюк рассматривает и проблему участия челябинской интеллигенции в сохранении и реставрации культовых зданий и сооружений. Параграфы и глава в целом завершаются выводами.

Вторая глава «Взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией в первое постсоветское десятилетие (1991—2000)» начинается с параграфа «Формирование постсоветской системы взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства». Постсоветский период автор определяет как время поиска новых взаимоприемлемых форм сотрудничества Церкви и государства. Изменения в церковно-государственных отношениях на территории Челябинской области связываются диссертантом со сменой губернатора. Реформы местного административного управления демонстрировали продолжение государственного курса на либерализацию религиозной жизни. А. В. Ермолюк раскрывает такие виды взаимодействия власти и Церкви, как приглашение священнослужителей на офи-

циальные мероприятия, включение представителей духовенства в различные общественные и административные комиссии и советы, участие представителей власти в совершении религиозных обрядов в административных зданиях. Подобные формы сотрудничества легитимировались новой нормативно-правовой базой общегосударственного и областного уровня, новыми договорными отношениями между религиозным и светским руководством области, которые подробно анализируются в параграфе. А. В. Ермолюк поднимает и достаточно сложную проблему прагматичного использования властью общественного авторитета Церкви для решения конъюнктурных политических задач.

Второй параграф «Государственные органы и процесс развития организационной и материальной базы Церкви» посвящён изучению процессов возвращения церковных зданий верующим, активизации регистрации православных объединений, увеличения материальной помощи приходам, поддержки церковной деятельности. Автор отмечает рост государственной помощи РПЦ как на федеральном, так и на региональном уровнях. Определённые сложности взаимодействия Церкви и государства сохранялись в постсоветский период, но носили иной характер. На смену враждебности пришло стремление понять церковные установления, которые далеко не во всём соответствовали светским нормам административного регулирования. А. В. Ермолюк подробно описывает общественную дискуссию вокруг проблемы передачи РПЦ храма Александра Невского на Алом поле в Челябинске. Особое место в разделе занимает анализ формы и размеров организационной, финансовой и материальной помощи государства Церкви, таких, как установление льгот в налогообложении, реставрация культовых зданий, выделение целевой финансовой помощи и мн. др. Примечательно, отметил автор, что подобная помощь оказывалась не только РПЦ, но и другим конфессиям Челябинской области.

Третий параграф «Взаимоотношения Церкви и интеллигенции в условиях складывания постсоветской социально-политической системы» посвящён анализу противоречивых тенденций в отношениях интеллигенции и РПЦ в новых исторических условиях. Автор фиксирует рост интереса челябинской научной интеллигенции к проблемам истории религии и РПЦ, отмечает сбалансированность и объективность научных оценок. Надо заметить, что и сам

диссертант воздерживается от полемики с коллегами, хотя повод для дискуссии присутствует. Подобная позиция представляется вполне оправданной. В параграфе анализируются различные формы активности интеллигенции в сфере пересечения светских и религиозных отношений. Это и научно-исследовательская работа, и издательская деятельность, и мероприятия общественных организаций и мн. др. Значительное внимание диссертант уделяет анализу постсоветской прессы, в которой во многом отразилась и позиция власти, и позиция интеллигенции по отношению к РПЦ, ее месту в российском обществе. На примере СМИ А. В. Ермолюк поднимает проблему неприятия РПЦ постсоветской атеистической интеллигенцией. Параграфы и глава в целом завершаются выводами.

Заключение диссертации содержит обобщающие теоретические выводы. А. В. Ермолюк утверждает, что эволюция церковно-государственных отношений явилась неизбежным следствием трансформации советского государства в либерально-демократическое. Одним из важных агентов, обеспечивших взаимодействие светского и религиозного миров, стала интеллигенция как информационный посредник. Функциональные особенности интеллигенции предопределили все позитивные и негативные тенденции подобного взаимодействия. В выводах А. В. Ермолюк предлагает авторскую периодизацию отношений Церкви, власти и интеллигенции в период 1988—2000 годов, определяет характеристики каждого этапа.

Диссертация завершается подробным и хорошо структурированным списком источников и литературы. Приложения служат неплохим дополнением к материалам глав и параграфов. Диссертант справился со сложной темой исследования. Изучение современной истории предполагает способность абстрагироваться от эмоциональных сиюминутных оценок, умение объективно относиться к фактическому материалу, делать взвешенные выводы. Позитивным является и то, что внутри параграфов автор формулирует текущие проблемы, предлагает методы их решения, затем разворачивает мотивированную аргументацию и делает обоснованные выводы по главам и всей работе в целом.

Диссертационное исследование А. В. Ермолюка представляет собою законченную, самостоятельную научную работу. Автореферат отражает содержание диссертации. Публикации автора

излагают основные положения исследования. А. В. Ермолюк овладел основными приёмами и методами научной работы. Материал диссертации может быть использован в научно-исследовательской и учебно-методической работе.

Вместе с тем, необходимо высказать некоторые замечания.

1. Вызывает сомнение точность формулировок в названиях глав и параграфов диссертации. Так, в первой главе, первый параграф называется «Реорганизация доперестроечной системы церковно-государственных отношений». Слово «*доперестроечный*» является бытовым, уместнее было бы сказать реорганизация «*советской*» системы. Третий параграф назван «Новые черты во взаимоотношениях Церкви и интеллигенции...». Но в главе нет параграфа, посвящённого «*старым*» чертам. Во второй главе, второй параграф назван «Государственные органы и процесс развития организационной и имущественной базы Церкви». Термин «*государственные органы*» ассоциируется с силовыми ведомствами, которые в параграфе не рассматриваются. Уместнее было бы обозначить «*региональная власть*» и далее по тексту. В целом названия глав и параграфов слабо отражают научную проблематику разделов.

2. В диссертации рассмотрены взаимоотношения Русской Православной Церкви с государством и интеллигенцией. Возможно, автору следовало более рельефно показать специфику отношений РПЦ не просто с властью, но а) с государством и б) с коммунистической партией, раскрыть специфику отношений РПЦ не просто с интеллигенцией, а с различными категориями интеллигенции (творческой, научной, военной и т. д.). Возможно, следовало определить, относились ли советские чиновники и партийные деятели к советской интеллигенции. Подобная социокультурная дифференциация могла бы создать более объективную и рельефную картину исследованного исторического процесса.

3. Автор диссертации в определении сущности интеллигенции придерживается концепции доцента П. Б. Уварова и трактует интеллигенцию как информационного посредника, заинтересованного в утверждении в обществе состояния неопределённости (социокультурного и интеллектуального хаоса). При этом А. В. Ермолюк утверждает, что в рассматриваемый им период «поведение интеллигенции далеко не всегда соответствовало»

тем «типическим стереотипам», которые сам диссертант задаёт как базовые характеристики интеллигенции. Подобная позиция представляется странной. Если А. В. Ермолюк утверждает, что интеллигенция стремится к режиму неопределённости, то как расценивать данную диссертацию. Будучи представителем научной интеллигенции, А. В. Ермолюк в своей работе пытается дезинформировать научную общественность или делает попытку прояснить малоизученную проблему? Подобные противоречия говорят о некритичном использовании диссертантом слабо обоснованной концепции доцента П. Б. Уварова.

4. Следуя за концепцией доцента П. Б. Уварова, диссертант пытается доказать, что интеллигенция как особый социокультурный феномен изначально не способна постичь все глубины религиозной культурной традиции, что все попытки диалога интеллигенции и Церкви демонстрируют ущербность интеллигентского мировоззрения. Соответственно истинный диалог будет возможен лишь при условии полного воцерковления интеллигенции. При этом, следуя логике диссертанта, воцерковленный интеллигент перестает быть собственно интеллигентом, поскольку теряет стремление к хаосу. Это означает, что интеллигенции изначально отказано в какой-либо позитивной исторической роли. Подобная позиция вступает в противоречие как с фактическим материалом, изложенным в диссертации, так и с некоторыми выводами автора.

5. Диссертационное исследование посвящено отношениям Церкви, власти и интеллигенции. В работе достаточно подробно изложена позиция власти и интеллигенции, но практически отсутствует отражение позиции Русской Православной Церкви.

Названные замечания не снижают общей высокой оценки диссертационной работы А. В. Ермолюка. Структура, содержание, оформление диссертации соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к научным квалификационным работам. Полагаю возможным присудить Ермолюку Алексею Викторовичу искомую ученую степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история».

ББК 74.04(2)

Золотарев О. В. Российские образовательные реформы последних лет или от какого наследства мы отказываемся

Ключевые понятия: реформа, образовательные стратегии, стандарты, целевые программы, инновации, проблемы и решения.

Дается объемная характеристика образовательной системы России, проведено сравнение ее методологических и человековедческих параметров с соответствующей парадигматикой образования эпохи советского периода. Автор настаивает на плодотворности исторической традиции и доказательно пишет о том, что творческий потенциал этой традиции остается далеко не исчерпанным. В работе намечаются перспективы сегодняшнего образования в системе ценностных критериев, включающих в себя и воспитательную доминанту.

ББК 74.03(2)

Соловьёв А. А. Интеллектуальное пространство высшей духовной школы в России на рубеже XIX—XX веков

Ключевые понятия: духовное образование, социокультурная динамика российского общества, богословие, духовная и светская профессура, богословно-академическая корпорация.

Рассматривается развитие высшего духовного образования на рубеже XIX—XX вв., анализируется состояние богословия, изучается состав профессорско-преподавательского корпуса духовных академий и их взаимоотношения со светскими и духовными властями.

ББК 63.3(2)53-283.2

Портер Т. Земская интеллигенция в годы Первой мировой войны

Ключевые понятия: земское самоуправление, земская интеллигенция, гражданское общество, демократизация земства, патриотическая социально-политическая культура.

Рассматривается работа земской интеллигенции в годы Первой мировой войны по организации помощи фронту и по демократизации

земств. Особое внимание уделяется роли земства в формировании патриотической политической культуры, особенно в среде крестьянства, обосновывается нетрадиционная точка зрения на морально-политическое состояние русской интеллигенции в период 1905—1917 гг., на неизбежность Февральской революции.

ББК 63.3(2)64-284.2

Будник Г. А. Студенчество как резерв интеллигенции

Ключевые понятия: высшая школа, студенчество, интеллигенция, специалисты, формирование интеллигента.

В статье рассматриваются задачи высшей школы, основные этапы формирования интеллигенции, качественные характеристики современного студенчества и его творческий потенциал.

ББК 63.3(2)64-284.2:74.58

Пряхин В. М. Достойная смена или «фабрика мысли»?

Ключевые понятия: высшая школа, интеллигенция, студенчество, качество подготовки специалистов, реформа образования.

Рассматриваются вопросы реформирования высшей школы, дается анализ данного процесса, как на историческом материале, так и в сравнении с зарубежным опытом, поднимаются проблемы приоритетов в подготовке специалистов.

ББК 63.3(2)64-284.2

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Ценностные ориентации как фактор духовного развития молодого поколения российской интеллигенции

Ключевые понятия: российская интеллигенция, духовное развитие, молодежь, ценностные ориентации.

Анализируются новые тенденции в сознании молодого поколения современной российской интеллигенции, определяется диапазон его ценностных ориентиров. Авторы выявляют специфику данных процессов в Тульской области.

ББК 63.3(2)64-283.2

Ершова Э. Б. Давно ожидаемая монография

Ключевые понятия: интеллигенция, Межвузовский Центр проблем интеллигенции, генезис интеллигенции, развитие интеллигенции, типология интеллигенции, методология изучения интеллигенции.

Статья представляет собой рецензию на монографию «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции», изданную в 2008 г. в Ивановском государственном университете. Книга вышла под редакцией доктора исторических наук, профессора В. С. Меметова.

ББК 63.3(Бел)64-283.2

Ершова Э. Б. Современная белорусская интеллигенция исторической науки

Ключевые понятия: белорусская интеллигенция, историография интеллигенции, методология изучения интеллигенции, библиографические справочники.

Представлен анализ библиографического справочника Г. В. Корзенко «Историки Беларуси в начале XXI столетия», изданного в Минске в издательстве «Белорусская наука».

Отзывы и рецензии на диссертации

Ключевые понятия: интеллигенция, историография, источники, «ревнители Сибири», креативность провинциальной интеллигенции, общественные организации интеллигенции, понятийно-категориальный аппарат интеллигентоведения.

В отзыве ведущей организации подробно рассмотрены достоинства и недостатки оригинального текста Е. В. Самойловой «Интеллигенция в социокультурном пространстве губернских городов Западной Сибири в 1860—1890 гг.», представленного на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история».

Ключевые понятия: РПЦ, российское государство и общество, атеизм, религиозная толерантность, научная интеллигенция как информационный посредник, историография, воцерковление интеллигенции, источники, теория и методология интеллигентоведения.

В отзыве официального оппонента проанализирована логика диссертационного исследования А. В. Ермолюка «Взаимоотношения русской православной церкви с государством и интеллигенцией в 1988—2000 годах (На материалах Челябинской области)», представленного на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — «Отечественная история». В отзыве отмечены сильные и слабые стороны работы.

SUMMARIES

Zolotaryov O. V. Russian educational reforms of recent years, or what heritage we refuse

Key notions: reform, educational strategies, standards, target programs, innovations, problems and solutions.

The article deals with thorough characteristics of Russian educational system. It includes the comparison of its methodological and human parameters with the corresponding educational paradigm of Soviet epoch. The author insists on the fruitfulness of historical tradition and convinces that creative potential of this tradition is by no means exhausted. The work touches upon the perspectives of modern education in the system of value criteria that include the educational aspect.

Solovyov A. A. Intellectual horizons of higher theological education institution in Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries

Key notions: theological education, social and cultural dynamics of Russian society, theology, theological and secular professorate, theological and academic corporation.

The article describes the development of higher theological education at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. It analyzes the status of theology, the teaching staff of theological academies and their relationships with secular and theological authorities.

Porter T. Land intelligentsia during the First World War

Key notions: land self-government, land intelligentsia, civil society, land democratization, patriotic social and political culture.

The article studies the way the land intelligentsia helped the front during the First World War, and deals with land democratization. Special attention is given to the role of zemstvo in the formation of patriotic political culture, especially among the peasants. The article proves a non-traditional opinion on the moral political state of Russian intelligentsia during 1905—1917, on the inevitability of February Revolution.

Budnik G. A. Students as a reserve of intelligentsia

Key notions: institution of higher education, students, intelligentsia, specialists, formation of an intelligent.

The article reviews the tasks of higher educational institutions, the main stages of intelligentsia formation, qualitative characteristics of modern students and their creative potential.

Pryahin V. M. Deserved replacement or “factory of ideas”?

Key notions: institution of higher education, intelligentsia, students, quality of specialists’ training, educational reform.

The article covers the questions of reformation of higher educational institutions. It gives the analysis of this process based on the historical material and compares it with world experience. The article also deals with the priority problems in specialists’ training.

Bazhenov A. M., Martynova T. M. Value orientations as a factor of intellectual development of young generation of Russian intelligentsia

Key notions: Russian intelligentsia, intellectual development, youth, value orientations.

The article analyzes the new tendencies that appear in the consciousness of young generation of modern Russian intelligentsia, the range of its value orientations. The authors show the specific character of the given process in Tula region.

Ershova E. B. The long expected monograph

Key notions: intelligentsia, Inter-University Center of Intelligentsia problems, genesis of intelligentsia, development of intelligentsia, typology of intelligentsia, method of intelligentsia research.

The work contains the review of the monograph “Theoretical and Methodological Problems of Intelligentsia Research”, published in 2008 in Ivanovo State University. The book has been edited by Doctor of History, professor V. S. Memetov.

Ershova E. B. Modern Belorussian intelligentsia of historical science

Key notions: Belorussian intelligentsia, historiography of intelligentsia, methodology of intelligentsia research, bibliographical reference books.

The article presents the analysis of the bibliographical reference book “The Historians of Belorussia in the beginning of the XXI century” by

G. V. Korzenko. The reference book was published in Minsk by “Belorussian studies” publishing house.

Dissertation reviews

Key notions: intelligentsia, historiography, sources of information, “Adherents of Siberia” creativeness of provincial intelligentsia, social organizations of intelligentsia, notional and categorical system of intelligentsia studies

The review of the opponent organization thoroughly analyzes the advantages and disadvantages of the original text by E. V. Samoylova “Intelligentsia in Social and Cultural Sphere of the Principle Towns of Province in Western Siberia in 1860—1890”, the candidate of History dissertation, specialty 07.00.02 — “Russian History”.

Key notions: Russian Orthodox Church, Russian state and society, atheism, religious tolerance, scientific intelligentsia as informational mediator, historiography, closer relationships between intelligentsia and the church, sources of information, theory and methodology of intelligentsia studies.

In his review the official opponent analyzes the logic of dissertation by A. V. Ermolyuk “The Relationship between Russian Orthodox Church and State and Intelligentsia in 1988—2000 (based on the materials of Chelyabinsk region)”, the candidate of History dissertation, specialty 07.00.02 — “Russian History”. The review covers advantages and disadvantages of this research.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. Сейчас готовятся документы для его ваковской аккредитации. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

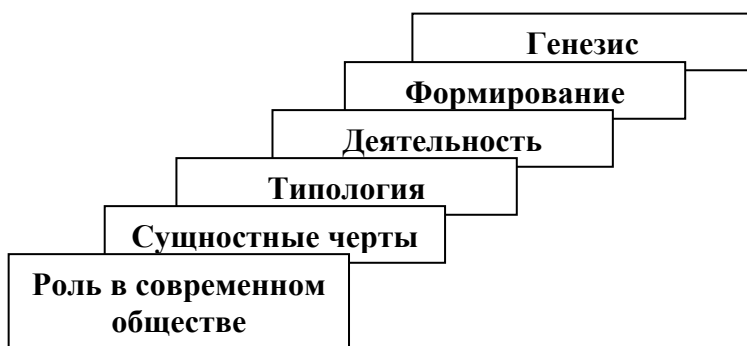
7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

*Единственное
в системе высшего образования
специализированное издание,
посвященное проблемам
изучения интеллигенции*

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

Основан в 2001 году.
Выходит ежеквартально

*Междисциплинарный журнал, не
имеющий аналогов в России*

Распространяется по подписке и
предварительным заявкам

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

Заявки на приобретение Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39. Ивановский госуниверситет, кафедра истории и культуры России. E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб. Книги будут Вам высланы наложенным платежом с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2009 № 1

Подписано в печать 25.02.2009 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru